

**Русская Православная Церковь в 1943–2000 гг.:  
внутрицерковная жизнь, взаимоотношения с  
государством и обществом  
священник Алексей Федотов**

# **I ГЛАВА. ОТНОШЕНИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА И РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 1943–1958 гг.**

## § 1. Кризис церковно-государственных отношений в России к 1943 году.

К началу XX века, российское общество, внешне религиозное, на самом деле отошло от православия очень далеко. Русская Православная Церковь превратилась всего лишь в одну из составляющих государственного механизма. Сложный и неоднозначный процесс ее ослабления и низведения до уровня безынициативной иерархической структуры – бесправной, затравленной и привыкшей подчиняться светской власти, при повсеместном распространении атеизма – начался задолго до 1917 года<sup>14</sup>. В воздухе носилось ожидание какой-то катастрофы. В проповеди на новый 1907 год протоиерей Иоанн Кронштадтский говорил: «Посмотрите, как мир близится к концу; смотрите, что творится в мире: всюду безверие... повсюду хула на Создателя... повсюду в мире вооружения и угрозы войною.... Смотрите и сами судите: мир окончательно растлен и нуждается в решительном обновлении, как некогда через всемирный потоп»<sup>15</sup>.

Отношение к самодержавию в среде духовенства не было однозначным. Даже Патриарх Московский и Всея Руси Тихон, в то время архиепископ Литовский, спокойно отнесся к его свержению и подписал в числе ряда других архиереев приветствие Временному правительству<sup>16</sup>. Таким образом, революция не была для России неожиданностью. Но всех масштабов этой катастрофы духовенство еще не осознавало. Первое давление со стороны государства Церковь ощутила уже при Временном правительстве. Кроме имевших место фактов грубого вмешательства советской власти в сугубо церковные вопросы, Временным правительством было принято постановление об объединении всех учебных заведений, включая церковно-приходские школы, которых было около 37 тысяч, в ведение министерства народного просвещения. Постановление объективно подготовило дальнейшие шаги сначала временного, а затем и Советского правительства по усилению бесконтрольного вмешательства властей в дела Церкви<sup>17</sup>.

В то же время, Февральская революция, которая сопровождалась рядом антицерковных действий, фактически стала и «религиозной революцией», уникальной в истории Православия. В марте-апреле 1917 года по стране прокатилась волна чрезвычайных епархиальных съездов духовенства и мирян. В соответствии с их решениями, с кафедр были смещены свыше 10 наиболее скомпрометированных архиереев, избранные епархиальные советы значительно ограничили епископскую власть. Вводился выборный порядок замещения всех духовных должностей, коллегиально – представительское начало церковного управления, демократизировалась приходская жизнь<sup>18</sup>.

Протопресвитер Николай Любимов, вошедший в 1917 году, после Февральской революции, в состав Священного Синода Русской Православной Церкви вспоминал, что, например, депутация из Владимирской епархии «решительно требовала увольнения архиепископа Алексия; иначе произойти могут в епархии прискорбные эксцессы. В некоторых храмах перестали уже

поминая архиепископа. Из 372 членов Владимирского съезда не нашлось ни одного защитника архиепископа и съезд единогласно постановил ходатайствовать об удалении его на покой»<sup>19</sup>. Архиепископ Алексий, будучи вызван для объяснений в Петроград, прислал телеграмму о том, что по болезни приехать, не может, просит дать ему 2-х месячный отпуск, после которого уволить его на покой, дав ему в управление какой-либо монастырь в Москве или Киеве. Синод постановил уволить его, согласно прошению, сразу же, ввиду тревожного состояния епархии, а суждение о его дальнейшей судьбе иметь по окончании его отпуска<sup>20</sup>.

Через свободное избрание, тайным голосованием, на Владимирскую кафедру был избран архиепископ Сергий (Страгородский), впоследствии Патриарх<sup>21</sup>, 28.11 (11.12).1917 года он был утвержден в должности архиепископа Владимирского и Шуйского Патриархом Тихоном<sup>22</sup>.

Демократические выборы при решении вопроса с замещением постов приходскими священнослужителями нередко принимали самые уродливые и гротескно – комические формы. В той же Владимирской епархии, в одном селе, мужики – прихожане миром порешили избрать в диаконы своего «голосистого» односельчанина и, желая видеть, как этот мужик будет выглядеть во время священнодействия, силой и угрозами заставили своего батюшку допустить его к диаконскому служению Божественной Литургии. И этот мужик, облаченный в диаконские священные одежды, начал служить Литургию. Правда, в алтарь священник его не допустил, но, тем не менее, он сказал великую ектенью и две малых и только перед малым входом священник опять взмолился перед прихожанами о прекращении этого лицедейства, угрожая прекратить служение Литургии, и кощунство было прекращено<sup>23</sup>.

Но в то же время были и положительные перемены. Церковь получила возможность проведения Поместного Собора и восстановления Патриаршества.

Всего с 5(28) августа 1917 года по 7(20) сентября 1918 года состоялось 3 сессии Собора, затем он был вынужден прекратить работу не завершив ее. 5(18) ноября 1917 года Собор избрал Патриархом Московским и Всея Руси митрополита Московского Тихона (Беллавина)<sup>24</sup>.

С первых дней Октябрьской революции стал завязываться трагический конфликт Церкви с новой властью. Само избрание Патриарха происходило в период ожесточенных боев за Московский Кремль, в ходе которых серьезно пострадали его храмы. Большая часть иерархов и клира без энтузиазма или враждебно встретила приход вооруженным путем к руководству страны крайне левого фланга общественно – политических партий<sup>25</sup>. Но Церковь не ввязалась в политическую борьбу, обличения и анафематствования Патриарха Тихона были адресованы не советской власти, как таковой, а обезумевшим людям, попирающим всякие христианские и общечеловеческие законы: «Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело: это – поистине дела сатанинское, за

которое подложите вы огню геенскому в жизни будущей, загробной, и страшному проклятию потомства в жизни настоящей – земной»<sup>26</sup>.

Отстраняясь от участия в политике, Патриарх Тихон давал свое благословение священнослужителям, готовым бороться за права Церкви. Так в грамоте от 03(16).04.1918 года, данной им священнику г. Кинешмы Костромской епархии отцу Николаю Юницкому говорилось: «Мы с благодарением приемлем Вашу готовность встать на защиту попираемых ныне прав нашей Матери-Церкви...»<sup>27</sup>. В 1924 году им была награждена наперсным крестом монахиня Феодоровского Переславского женского монастыря Владимирской епархии Алипия (Большакова) за понесенные ею труды по питанию и обслуживанию заключенных и ссыльных архиереев<sup>28</sup>.

Ореол Патриаршего служения оказался для святителя Тихона защитой от рук гонителей, заключивших его под домашним арестом, но побоявшихся казнить<sup>29</sup>. Однако реальной возможности управления Церковью он не имел. Его деятельность ВЧК сводила практически к нулю, не позволяя назначенным им архиереям даже доехать до своей епархии направляя их в места заключения и ссылки<sup>30</sup>. Так, например, 4 марта 1923 года епископом Иваново-Вознесенским был назначен епископ Василий (Преображенский). 16 мая 1923 года он был выслан в Зарянский край, сроком на 2 года<sup>31</sup>.

Свою борьбу за власть и уничтожение старого строя большевики соединили с борьбой против Русской Православной Церкви, так как она отождествлялась ими со старой Царской Россией. Поэтому многие епископы – первым был убит 12(25).01.1918 года митрополит Киевский Владимир (Богоявленский) – и тысячи священников, монахов, монахинь и мирян были подвергнуты репрессиям вплоть до расстрела и потрясающих своей жесткостью убийств<sup>32</sup>.

Советскими органами разгонялись крестные ходы, на которых присутствовало множество верующих, недовольных антирелигиозной политикой новой власти. Во Владимире при разгоне крестного хода произошло столкновение верующих с красногвардейцами<sup>33</sup>. 3 мая 1918 года, ночью, в Костроме был убит протоиерей Алексей Андронников, 88-летний старец, прослуживший более 60-и лет в одном и том же храме святых страстотерпцев Бориса и Глеба<sup>34</sup>.

К 1922 году по суду расстреляно белого духовенства 2691 человек, монашествующих мужчин 1962, монахинь и послушниц 3447, без суда расстреляно не менее 15 000, ликвидировано более 700 монастырей<sup>35</sup>.

Повсеместно закрывались и церковные учебные заведения профессионального религиозного образования. Так, в 1918 году, были закрыты Костромская духовная семинария<sup>36</sup>, Шуйское Духовное училище<sup>37</sup> и целый ряд других учебных заведений.

Однако Церковь не сдавалась, делались попытки активизации церковной деятельности за счет открытия новых епархий.

Первые попытки советского правительства уничтожить Русскую Православную Церковь с помощью одной грубой силы оказались неудачными. Превратившаяся в царской России в бюрократический аппарат, перед лицом

гонений, она вновь осознает себя Церковью, мистическим организмом, Телом Христовым. В этом была причина того, что многие, ранее религиозно индифферентные люди, во время гонений, не задумываясь, отдавали свою жизнь за свои религиозные убеждения. Революция вскрыла тот духовный нарыв, который созрел в Российской Церкви и обществе, способствовала уходу из Церкви тех, кто находился в ней из меркантильных побуждений (впоследствии из них будет создано движение обновленцев), а также способствовал религиозному сопротивлению тех, кто до революции не шел в Церковь, видя в ней бюрократическую машину. Октябрь 1917 года ознаменовал начало гонений на Церковь. Начались закрытие учреждений профессионального религиозного образования, убийства священнослужителей, разгон крестных ходов. Не смог завершить своей работы проходивший в крайне тяжелых условиях Поместный Собор.

Попытки ввести в Церкви выборное начало на местах во многих случаях выродилось в гротескные ситуации, в силу которых на должность священнослужителей выбирались люди, весьма далекие от Церкви. Но, тем не менее, можно сказать, что в чем-то революция оказалась для Русской Православной Церкви явлением положительным, освободившим ее от того неестественного состояния, в котором она находилась в царской России, начиная с Петра I. Правда, за освобождением этим последовало новое порабощение Церкви государством, но уже совсем иным государством, в совсем иных формах и на иных условиях.

В наступлении на Русскую Православную Церковь, особенно на Патриарха Тихона, большевики прибегли к помощи модернистской схизмы обновленцев. Это движение разбивалось на несколько более или менее радикальных группировок, преследовавших среди прочих следующие цели: второбрачие священников-вдовцов, отмена традиционного монашества и, в этой связи, введение женатого епископата. Замена церковно-славянской Литургии русскоязычной и ее сокращение, обширная проповедь с актуальной тематикой. Однако единства в этих требованиях у обновленцев не было. Они всячески поддерживали большевиков, чтобы с их помощью уничтожить Патриаршую Церковь. Большевики же поддерживали обновленцев, чтобы расколом ослабить Патриаршую Церковь. На практике это покровительство выражалось в предоставлении обновленцам большей части храмов, причем самых крупных<sup>38</sup>.

Часть духовенства, не разделявшая реформаторских устремлений обновленчества, но напуганная кровавым террором признала раскольническое Высшее Церковное Управление; одни по малодушию и в страхе за собственную жизнь, другие в тревоге за Церковь.

16 июня 1922 года правящие архиереи Владимирский Сергей, Нижегородский Евдоким и Костромской Серафим напечатали в «Живой Церкви» (печатном органе раскольнического движения) воззвание, в котором признавали каноничность обновленческого ВЦУ и призывали свою паству и всю Церковь подчиниться ему.

Митрополит Владимирский (Страгородский) был одним из самых авторитетных архипастырей Русской Церкви. Его временное отпадение, вероятно, было вызвано надеждой, что ему удастся перехитрить и обновленцев, и стоящее за их спиной ГПУ. Зная о своей популярности в церковных кругах, он мог рассчитывать, что вскоре окажется во главе ВЦУ и, постепенно сумеет выправить обновленческий курс этого учреждения. Его викарный епископ Афанасий (Сахаров), возглавивший борьбу с раскольниковством во Владимирской епархии, на первых порах тщетно пытался переубедить митрополита. Но, в конце-концов, митрополит Сергей и сам убедился в пагубности выпущенного воззвания, покаялся в содеянном и вернулся в лоно канонической Православной Церкви. Через покаяние вернулся в церковь из раскола и архиепископ Костромской Серафим (Мещеряков)<sup>39</sup>.

В Ивановской области обновленцы действовали особенно активно. Необходимо отметить, что в связи с созданием в 1929 году Ивановской промышленной области 3 июля 1929 года, состоялся пленум обновленческого Ивановского епархиального управления, на котором присутствовали представители Костромской, Владимирской и Ярославских епархий. Пленум вынес решение об образовании Иваново-Вознесенской митрополитанской области<sup>40</sup>.

Начало деятельности обновленцев в Иванове датируется 1922–1923 годом. В архивном фонде отдела общего управления Иваново – Вознесенского губисполкома есть дело о создании епархиального комитета группы «Живая церковь» (обновленцы). Устав группы был утвержден 24 декабря 1922 года, заявление же о регистрации Иваново-Вознесенского епархиального управления обновленцев, направленное в губисполком, датируется 7 июля 1923 года<sup>41</sup>. Характерно, что православный архиерей Ивановской епархии того времени, архиепископ Иерофей (Померанцев), перешел к обновленцам и в дальнейшем находился в конфронтации с православными архиереями Ивановской епархии, назначенными Патриархом Тихоном – епископом Василием (Преображенским) и архиепископом Августин (Беляевым)<sup>42</sup>.

В г. Иваново обновленцам был передан целый ряд храмов, среди которых можно отметить переданную им в 1924 году Скорбященскую церковь на Дмитровке (угол улиц Рабфаковской и Кузнецова), церковь Троицы в Авдотьино, Покровский собор, на месте которого в настоящее время выстроен дворец искусств. Из сохранившихся по сей день храмов, принадлежавших в 20–30-е года обновленцам, можно отметить Успенскую кладбищенскую церковь (деревянную), Преображенский собор на улице Колотилова, использовавшийся с 1931 года одновременно православной и обновленческой общинами. Последняя перешла в него из закрытого в 1931 году Покровского собора. В 1935 году обновленцам была передана Введенская церковь в центре города<sup>43</sup>.

Поначалу советская власть охотно поддерживала обновленческое движение, предполагая, что оно в кратчайшие сроки сумеет подорвать в

народе веру и отвратить народ от религии. Основания для этого могло им дать, например, заявление одного из лидеров обновленческого движения В. Красницкого, сделанное им в печатном органе этого движения, называвшемся «Живая церковь»: «Революционные священники не постеснялись одни, без монаха – епископа, войти в митрополичью крестовую церковь..., а потом – сесть за стол в митрополичьей гостиной и открыть действия своего революционного епархиального управления. ...Революционная стихия победила в Петрограде и на церковном фронте»<sup>44</sup>.

После таких заявлений можно ли удивляться, например, тому, что начальник Ивановского губотдела ОГПУ писал в секретной инструкции о передаче Покровского собора г. Иваново обновленцам: «Передача является крайне желательной, даже необходимой. Группа, подавшая заявление на получение Покровского собора, принадлежит к легализованной Советским правительством Синодской церкви, которая пользуется тремя небольшими церквями на окраине города, в то время как черносотенная тихоновская церковь держит в своих руках все центральные храмы города»<sup>45</sup>.

Нужно отметить, что первоначально обновленцы вообще пользовались большой поддержкой со стороны советских органов власти. Но это не способствовало повышению их авторитета в глазах верующего народа. В одном из секретных документов государственных Органов в сентябре 1923 года отмечается: «За последнее время Тихоновщина захлестывает все больше и больше обновленческое движение, которое идет на убыль и остается лишь благодаря некоторым стойким обновленцам. Обновленцы все больше и больше теряют свой авторитет в глазах приверженцев»<sup>46</sup>.

17 октября 1928 года в Покровском соборе г. Иваново – Вознесенска состоялся епархиальный съезд обновленцев<sup>47</sup>.

Но и обновленцы не долго пользовались покровительством со стороны советской власти. Со временем предоставленные им храмы стали пустеть, в немногочисленных же приходах Православной Церкви собиралось все больше верующих. Своими интригами обновленцы способствовали аресту Патриарха Тихона в мае 1922 года. Когда ему стало ясно, что Церкви придется долго сосуществовать с советской властью и что обновленческий раскол в союзе с государством представляет угрозу для традиционного православия, он начал искать, исходя из принципа политической лояльности соответствующую гражданскую позицию Церкви во враждебном к религии государстве, стараясь придать ей новозаветную основу. Он сделал официальное заявление, в котором сказал, что раскаивается в своей антисоветской деятельности, решительно отмежевывается как от зарубежной, так и от внутренней монархическо-белогвардейской контрреволюции<sup>48</sup>.

Продемонстрированная в «раскаянии» Патриарха Тихона лояльность по отношению к советскому государству отвела от Церкви самую страшную угрозу и позволила со временем преодолеть обновленческий раскол, представителям которого с середины 20-х годов даже большевики отказали в поддержке.



У обновленцев один за другим стали отбирать пустующие храмы, но православным их не возвращали, а уничтожали или же использовали в хозяйственных целях. В 1931 году в г. Иваново были снесены Троицкий и Покровский соборы, в 1937 году Спасская церковь в Хутурове, в 1938 году была закрыта Успенская кладбищенская церковь, в 1938 году была закрыта Введенская церковь, в 1940 году закрыли Преображенский собор<sup>49</sup>. Вообще, по справедливому замечанию Ивановского ученого-краеведа А.М. Тихомирова, «в 1930-е годы интерес к обновленцам утратили не только верующие, но и поддерживавшие их органы власти, поскольку обновленцы не сумели разрушить православие»<sup>50</sup>.

Закрытие храмов зачастую происходило следующим образом. Обновленцы захватывали церкви, но содержать их не могли. Накапливали большую задолженность, а затем церковь сдавали государству и в то же время подавали заявление на другую церковь. Так было с закрытием Преображенской и Троицкой церкви в г. Шуе и с общиной в г. Середке<sup>51</sup>.

А в 1937 году гонениям со стороны государственной власти подверглись и обновленцы. В Ивановской области причиной для гонений были обвинения в контрреволюции.

В связи с принятием Конституции СССР в 1936 году у духовенства и верующих появилась надежда на прекращение прежней политики властей, направленной на попираание прав и религиозных свобод верующих, в том числе на возвращение отобранных и закрытых ранее молитвенных зданий. Духовенство всерьез собиралось использовать и другие права, впервые предоставленные им Сталинской Конституцией.

На декабрь 1937 года Советское правительство объявило выборы в Верховный Совет СССР, на 1938–1939 годы – в республиканские и местные Советы, и духовенство кое-где намеревалось баллотироваться в депутаты. В Горьковской, Ленинградской, Ярославской, Сталинградской, Кировской областях, в Чувашии, Татарии, Дагестане, кандидатуры священнослужителей были выдвинуты в депутаты Совета.

Опасность проникновения «поповских элементов» в Советы побудила руководство ЦС СВБ направить в партийные организации директиву немедленно усилить антирелигиозную работу в массах. В результате в большинстве мест обрушились репрессии на духовенство, секты, опять стали административным путем в массовом порядке закрываться Церкви и молитвенные дома. Духовенство не было избрано в Советы, но это была «заслуга» НКВД, арестовавших всех потенциальных кандидатов накануне их выдвижения<sup>52</sup>.

В Ивановской области в 1937 году была «выявлена контрреволюционная группа» обновленческих епископов, которую возглавлял обновленческий архиепископ Ивановской митрополии Александр Адвентов. В группу входили епископ Серафим Андриевский, епископ Палладий Селецкий, епископ Николай Потехов, архиепископ Николай Автономов, архиепископ Софроний Ясневич, всего 17 человек. Епископы эти имели в своем административном руководстве достаточно незначительные территории. Многие из них просто

исполняли служение приходских священников или благочинных. Деятельность группы, якобы «выражалась в подготовке обновленческого духовенства и верующих к предстоящим выборам в Советы по новой Конституции, которую участники группы имеют в виду использовать в контрреволюционных целях, в частности, предполагают выдвинуть своих кандидатов в низовой советский аппарат для защиты интересов религии и Церкви. На группе обсуждался вопрос о необходимости укрепления приходских советов надежными кадрами с тем, чтобы они (приходские советы) в предстоящих выборах могли оказать нужное влияние на верующих в интересах церкви»<sup>53</sup>.

В деле НКВД говорится также о попытке создания на территории Советского Союза, так называемой «автокефальной» церковной организации, которая имела бы непосредственную связь с заграницей через восточных патриархов. Влившись филиалом в иностранную церковь «антисоветские элементы» имели бы сильную защиту и покровительство заграничных церковных организаций. По этому делу был расстрелян архиепископ Александр Адвентов<sup>54</sup>.

В январе 1938 года в г. Иваново было возбуждено дело против нелегальной контрреволюционной организации церковников, так называемой «Автокефальной черной церкви». Организация эта якобы была создана обновленческим духовенством и ставила перед собой следующие задачи:

1. Создать массовую антисоветскую организацию церковников, для чего добиваться объединения всех церковных группировок.
2. Систематически и организованно вести борьбу с мероприятиями Советской власти, добиваясь сохранения Церкви в СССР.
3. Развертывание активной контрреволюционной агитации с тем, чтобы создать враждебное отношение к существующему строю и тем самым обострить внутреннее положение во время интервенции.
4. Насажение тайного монашества, как наиболее враждебного и контрреволюционно устойчивого кадра организации.
5. Вредительство в колхозах.

К отягчающим обстоятельствам НКВД относил то, что вся эта деятельность проводилась под прикрытием обновленчества и показаний лояльности Советскому Правительству<sup>55</sup>.

В состав «контрреволюционной организации» «Автокефальная черная церковь» якобы входили следующие лица: архиепископ Евстафий, митрополит Тихон Попов, митрополит Пимен, митрополит Петр, епископ Арсений Белевский, протоиерей Михаил Тархов, митрополит Александр Введенский, митрополит Николай Автономов, митрополит Александр Смоленский, епископ Владимир, епископ Серафим Андриевский, епископ Андрей и другие<sup>56</sup>.

Контрреволюционные группы были якобы созданы в Московской области – несколько групп (г. Москва) – осуществляет руководство, «центр» организации; в г. Можайске – 1 группа, руководит иеромонах Парфений; в г. Орехово-Зуево – 1 группа, руководит священник Леонид Фаустов; в Ивановской области несколько групп; во Владимире – 1 группа, руководитель заштатный священник Петр Щукин; в г. Александрове – 1 группа, руководитель –

заштатный протоиерей Михаил Тархов; в Калужской области – одна группа с центром в г. Калуга, руководитель – епископ Андрей; в Новосибирске возглавляет митрополит Александр Введенский; в Брянской области – 1 группа с центром в г. Брянске, руководитель епископ Владимир<sup>57</sup>.

По этому делу были расстреляны: епископ Серафим (Андриевский); протоиерей Михаил Тархов; протоиерей Александр Никитин; священник Петр Щукин<sup>58</sup>.

Еще до этих открытых на них гонений многие из обновленческих иерархов и священнослужителей стали приносить покаяние и возвращаться в Православную Церковь. Священник Ефимий Преображенский при возвращении из обновленчества приносил покаяние, во время которого, при скоплении до 500 человек, на заданные вопросы о причинах перехода в свое время в обновленчество заявил о том, что он в обновленцы перешел под давлением органов советской власти для того, чтобы самому не подвергаться преследованиям, а также защитить от них своих детей. С подобными заявлениями выступали и другие<sup>59</sup>. Митрополит Павел (Гальковский), управляющий Ивановской епархией в 1929–1936 годах, принял публичное покаяние от священников-обновленцев Димитрия Невского, Владимира Вознесенского, Николая Свирелина, Ефимия Преображенского и других<sup>60</sup>. Через покаяние вернулся в православие из обновленчества епископ Михаил (Постников), управляющий епархией в 1947 году<sup>61</sup>.

Годы Великой Отечественной войны стали временем ликвидации обновленческого раскола. Весной 1943 года началось все нарастающее стихийное возвращение обновленческих приходов в Патриаршую Церковь, однако, окончательный перелом произошел в конце года. Решающими факторами здесь явились избрание митрополита Сергия Патриархом и прием И.В. Сталиным церковного руководства, удовлетворение предложений и пожеланий последнего. Теперь обновленчество утрачивало свою юридическую сущность и в глазах правительства<sup>62</sup>.

Всего, по некоторым сведениям, принесли покаяние 25 обновленческих архиереев старого – до 1923 года поставления (т.е. рукоположенные не обновленцами) и 13 архиереев нового поставления. Таки образом, в 1946 году остатки обновленчества практически прекратили свое существование<sup>63</sup>.

Ликвидация обновленческого движения сопровождалась давлением на него государственных органов. Советское руководство, прежде всего из прагматических соображений, осенью 1943 года сделало окончательный выбор в пользу Московской Патриархии. Его диктовала Сталину политическая ситуация в СССР и за рубежом. Кроме того, Патриаршая Церковь была кровно заинтересована в ликвидации расколов. К середине 1940 годов обновленчество практически исчезло<sup>64</sup>.

Церковно-государственные отношения в СССР в 20–50-е годы изменялись от явных гонений послереволюционного времени и в 30-е годы, до послевоенного потепления и начала новых скрытых гонений в 1958-м году. В 20-е годы большую роль играл процесс насильственного изъятия церковных ценностей; в 1937 году духовенство истреблялось в качестве «врагов

народа»; после Великой Отечественной войны, когда Церковь активно доказала свою патриотическую позицию, наступило временное потепление, которое сменилось новыми гонениями при Хрущеве. Если вплоть до 1941 года храмы практически только закрывались, то уже во время войны начинают отмечаться случаи открытия новых храмов, многие из которых будут вновь закрыты при Хрущеве и Брежневе. Изменяется и характер гонений: изучение архивных уголовных дел того времени показывает, что много значил каждый год. По практически одним и тем же обвинениям в 1935 и 1936 году священнослужитель получает 3 года заключения, а в 1937 году – расстрел. Если в 20–30-е годы священнослужителей судят, как контрреволюционеров и врагов народа, то при Хрущеве обычно выдвигают обвинения в экономических преступлениях.

Нужно остановиться и на советском законодательстве в отношении Церкви. 20 января 1918 года был принят, а 23 января опубликован декрет СНК, вошедший в историю под названием «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви». В декрете провозглашалось запрещение религиозным обществам владеть собственностью, лишение их прав юридического лица и национализация церковного имущества<sup>65</sup>. 8 апреля 1929 года ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление «О религиозных объединениях», по которому вся жизнь последних ставилась под контроль государства<sup>66</sup>. Священнослужители исключались из состава «двадцаток», религиозным объединениям запрещалась благотворительная деятельность, частное обучение детей религии, дозволенное Декретом 1918 года об отделении Церкви от государства, интерпретировалось в предельно суженном объеме лишь, как право родителей обучать религии своих детей<sup>67</sup>. И по этому репрессивному закону, по которому «служители культа» были лишены даже избирательных прав, Церкви пришлось жить многие десятилетия, причем были мнения, что и он слишком мягок<sup>68</sup>.

1922 год – время, когда 23 миллиона жителей России голодало. Патриарх Московский и Всея Руси Тихон обратился к своей пастве с воззванием, в котором призывал помочь голодающим. Тогда же, по благословению Патриарха был основан Всероссийский Церковный комитет помощи голодающим. В храмах и среди верующих начались сборы средств; в годину величайшей скорби Православная Церковь уверенно и авторитетно становилась во главе движения помощи голодающим. Для советского правительства это было невыгодно, и оно потребовало роспуска Всероссийского Церковного комитета и передачи собранных средств государству.

Однако и полное устранение Церкви от помощи голодающим тоже было не выгодным, и в декабре 1921 года советское правительство предложило Церкви снова начать сбор средств в помощь голодающим. 19 февраля 1922 года Патриарх обратился к православной пастве с воззванием.

Большевики ждали от Патриарха подобного воззвания. Ждали они и деятельного участия Церкви в сборе денежных средств. Но они никак не желали, чтобы Церковь встала во главе движения помощи голодающим и, как

бывало в прошлом, призывала к жертвенности, милосердию и любви. А 26 февраля был издан декрет об изъятии «из церковных имуществ, переданных в пользование группам верующих... всех драгоценных предметов из золота, серебра и камней...», в том числе всех священных предметов (драгоценных). Декрет бесповоротно уничтожал добровольность пожертвований, а священство принудительно ставил в положение святотатцев<sup>69</sup>. В Послании от 28 февраля 1922 года Патриарх Тихон объявил: «... 13/26 февраля ВЦИК для оказания помощи голодающим постановил изъять из храмов все священные предметы. С точки зрения Церкви, подобный акт является актом святотатства. Мы, священным нашим долгом, почли выяснить тогда взгляд Церкви на этот акт, а также оповестить о сем верующих духовных чад наших»<sup>70</sup>.

Первые выстрелы в ходе кампании по изъятию ценностей прогремели в г. Шуе Ивановской области. «6 марта 1922 года была произведена опечатка кладовых наиболее богатых церквей г. Шуи. 8 марта произведено изъятие из 3-х храмов наиболее бедных: кладбищенского больничного и Ильинского. 15 марта в 10 утра секретарь Шуйского укома... получает извещение о насилиях, учиненных против милиции и гарнизона, а также о случаях стрельбы из толпы. Колокольный звон привлек большое количество народа. До 30 красноармейцев были обезоружены. Пулеметная стрельба рассеяла толпу, был убит «гражданин, прицелившийся из русской винтовки в шофера». Остальные жертвы были до появления автомобиля с пулеметами.»<sup>71</sup>.

Заключением особой комиссии ВЦИК от 22 марта 1922 года, под председательством П. Смидовича, действия комиссии по изъятию ценностей были признаны правильными и согласованными с распоряжениями центра, но недостаточно энергичными и планомерными. Комиссии по изъятию ценностей было поручено довести работу до конца. Губернским и уездным властям было предложено принять меры к тщательному расследованию всех случаев нарушения общественного порядка в связи с изъятием ценностей, выяснить виновников... дело передать в гентрибунал<sup>72</sup>.

В результате волнений при изъятии ценностей в Шуе пять человек было убито и пятнадцать ранено. Делом занялось Иваново-Вознесенское ГПУ. Из Москвы был отряжен в качестве следователя по особо важным делам зампредверхтриба ВЦИК Яковлев.

Судебному процессу придавалось большое пропагандистское значение. Распоряжением ВЦИК стали проводиться массовые аресты. После окончания следствия к суду были привлечены девятнадцать человек. Троиц – священников Павла Светозарова, Иоанна Рождественского и мирянина Петра Языкова приговорили к расстрелу. 4 мая приговор был утвержден на заседании Политбюро<sup>73</sup>.

Органы советской власти не скрывали того, что «тактика заключается не только в выколачивании из храмов золота и серебра на помощь голодающим, а и в том, чтобы этим способствовать разложению Церкви»<sup>74</sup>. В связи с изъятием ценностей участились случаи ограбления Церквей<sup>75</sup>.

Сопротивление изъятию ценностей отмечалось не только в Шуе. В селе Яковлеве Савинского района крестьяне заявили комиссии по конфискации

церковных ценностей: «Берите что хотите, но Евангелие и крест алтарный не отдадим». В некоторых храмах комиссии проводили по две-три ревизии, изымая все, что имело какую-либо ценность. Всего в ходе этой кампании в Ивановской губернии было конфисковано 366 пудов серебра, золота, бриллианты, жемчуг и другие предметы<sup>76</sup>.

Одним изъятием церковных ценностей антирелигиозные репрессии не ограничились. Начался процесс разрушения храмовых зданий, который облегчался тем, что согласно декрету СНК никакие церковные и религиозные организации в России не имели права владеть собственностью, не имели прав юридического лица, все их имущество было объявлено народным достоянием. Здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, отдавались по особым постановлениям местной и центральной власти лишь в бесплатное пользование соответствующим религиозным обществам<sup>77</sup>. Поэтому местные органы власти «по желанию трудящихся» могли легко отобрать у Церкви то или иное здание, кощунственным образом перепрофилировав его, а то и просто уничтожив. Впервые в истории мировой цивилизации, начиная с 1920-х годов, по всей нашей стране началось организованное и планомерное уничтожение церквей, колоколов, икон. Поскольку изменить психологию людей было невозможно, борьба с религией свелась к массовому закрытию и разрушению храмов, что и выдавалось за успехи антирелигиозной работы.

В Ивановской, Владимирской и Костромской губерниях (с 1929 по 1936 год входивших в состав Ивановской промышленной области) закрытие храмов началось практически сразу после революции. Так в 1918 году было закрыто Ивановское реальное училище и домовый храм Спаса, устроенный в нем в 1890 году<sup>78</sup>.

Массовое закрытие храмов начинается параллельно с изъятием ценностей. В Иваново – Вознесенске в 1923 году была разрушена церковь Александра Невского, как «мешавшая уличному движению» (она стояла на перекрестке проспекта Энгельса и улицы Садовой). В конце 20-х годов снесли Казанскую часовню, стоявшую на месте современного главпочтамта, закрыли Вознесенский храм на современной площади Ленина и разместили в нем городскую библиотеку<sup>79</sup>. В Шуе и ее окрестностях в первые годы советской власти были закрыты все монастыри и церкви без приходов, изъяты их архивы и библиотеки. В Гавриловом-Посаде прекратилось богослужение в зимней церкви, в 1925 году она была преобразована в клуб, в 1930 в кинотеатр<sup>80</sup>.

После смерти Патриарха Тихона правительство не допустило выборов нового Патриарха. В дискуссии о преемственности в иерархических структурах шла речь, как о каноничности кандидатов, так и об их позиции по отношению к государству. Наконец Митрополит Сергей (Страгородский) взял верх над своими внутрицерковными противниками, которые отвергали все попытки устройства церкви в советском государстве, как губительные для души, как служение антихристу, как готовность к компромиссу. Митрополит Сергей, как и Патриарх Тихон, не желавший «отойти ни на йоту от настоящей веры», был, однако, достаточно реалистичен, чтобы не искать место Церкви в катакомбах,

а нести тяготы подсоветской жизни вместе со всем многострадальным народом. Декларация митрополита Сергия от 27.09.1927 до самого 1990 года определяла отношение Русской Православной Церкви к государству<sup>81</sup>.

В частности, в декларации говорится: «Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской Родиной, радости и успехи которой – наша радость и успехи, а неудачи – наши неудачи. Всякий удар, направленный в Союз, будь то война, бойкот, какое-нибудь общественное бедствие или просто убийство из-за угла, подобное Варшавскому<sup>82</sup>, сознается нами как удар, направленный на нас. Оставаясь православными, мы помним свой долг – быть гражданами Союза «не только из страха, но и по совести», как учил нас апостол» (Рим. 13, 5)<sup>83</sup>.

Декларация была опубликована в центральной советской прессе и не дала окончательно уничтожить легально существующую Церковь. Но антицерковные репрессии все равно приняли самый широкомасштабный характер.

15 мая 1932 года было опубликовано правительственное Постановление, объявлявшее в стране «безбожную пятилетку». Еще в 1925 году возникла всесоюзная организация «Союз безбожников» (с 1929 года – «Союз воинствующих безбожников»), имевший целый ряд отделений на местах, они вели активную антирелигиозную агитацию. В 1932 году в Иваново-Вознесенске возник театр «безбожник», который выступал со своими антирелигиозными спектаклями перед жителями области, а также за ее пределами<sup>84</sup>.

18.02.1930 года облисполком Ивановской промышленной области выпустил циркуляр о порядке расторжения договоров на пользование молитвенными зданиями с группами верующих при неуплате ими платежей по государственному страхованию, налогу со строений и земельной ренты. В нем устанавливалось, что при отказе самой группы верующих от пользования молитвенным зданием, соответствующий горсовет или райисполком принимает меры к передаче этих молитвенных зданий другой группе верующих, в порядке, установленном ст. 34 и 35 Постановления ВЦМК и СНК о религиозных объединениях, причем в объявлении, вывешиваемом на дверях молитвенного здания, должно было указываться, что передача в пользование этих зданий может быть произведена лишь после ликвидации новой группой верующих всех долгов предыдущей группы. При отсутствии заявления о желании взять молитвенное здание и фактической уплаты при этом всех указанных платежей в течение недельного срока с первого дня объявления о передаче, эти молитвенные здания считаются ликвидированными, о чем горсовет или райисполком сообщает облисполкому.

В циркуляре указывалось также, что «при наличии достаточных оснований – требований местного населения и организаций, наличия потребности в помещениях для культурно-просветительских целей и для других государственных и общественных нужд, горсоветы или райисполкомы могут возбудить вопрос о ликвидации пользования этими зданиями и при отсутствии задолженности»<sup>85</sup>. О том, насколько легко было найти эти «достаточные основания» в советское время – говорить не приходится. Предлогом могло

послужить все, что угодно, например, то обстоятельство, что на расстоянии менее 1 километра от храма находится школа, а чаще всего – арест священнослужителя или кого-либо из членов приходского совета – «двадцатки». Достаточно было обвинения против одного из членов «двадцатки», чтобы общину объявить распушенной<sup>86</sup>.

Началось массовое закрытие церквей. В 1931 году постановлением одного только Нерехтского райисполкома за неуплату налога были закрыты Казанская, Благовещенская и Богоявленская церкви г. Нерехты, церкви в селах Владычново, Богослово, Троицы, Давыдово, Блазново, Арменки, Пригово, Печенегово, Семеновское, Выдолово, Федоровское, Княжинское, Киеменовское и др.<sup>87</sup> Владимирским окрисполкомом были приняты решения о закрытии церквей в с. Ставрово, Беренцах Гороховецкого района, поставлен вопрос о закрытии Никольской церкви в г. Владимире<sup>88</sup>, закрыта церковь в с. Косунове<sup>89</sup>.

Закрытия сопровождались множественными нарушениями законности, превышением местными органами власти своих полномочий. В связи с передачей дел по религиозным вопросам облисполкомом облдмууправлению для окончательного оформления и представления таковых на утверждение Президиума облисполкома облдмууправлением был выпущен циркуляр от 10.12.1930, который ограничивал власть райисполкомов в вопросе закрытия церковных зданий. Было отмечено, что райисполкомы при закрытии молитвенных зданий допускали грубые искажения постановлений ВЦИК и СНК от 8 апреля 1929 года. По поводу закрытия церквей имелось большое количество жалоб верующих в административные органы власти<sup>90</sup>.

В Коврове за закрытие церкви велась большая борьба. Постановлением Владимирского губисполкома от 16 ноября 1928 года и Ковровского уписполкома от 20 апреля 1929 года о закрытии Спасо-Преображенской церкви в г. Коврове было отменено постановление Президиума ВЦИК от 20 марта 1930 года. Однако местная власть проявила настойчивость и, постановлением ВЦИК от 20 июня 1931 года, храм был закрыт<sup>91</sup>.

Несмотря на попытки верующих и пытающихся соблюдать законность представителей власти, как-то ограничить антирелигиозный террор и беспредел, он продолжал нарастать. Все также отмечались факты незаконного действия местных низших органов власти (например, в августе 1932 года отмечались незаконные действия местных с/совета с. Новоселки при закрытии церкви)<sup>92</sup>. В 1931 году со стороны облисполкома Ивановской промышленной области (ИПО) не было препятствий даже к слому Георгиевского придела в Успенском соборе г. Владимир<sup>93</sup>. Решением исполкома Ивановского областного совета от 11 сентября 1940 года, этот уникальный памятник, построенный в 1158 году, расписанный Рублевым, Иконниковым был передан под склад зерна Владимирской базы «Заготзерно», а 6 июня 1941 года поменял владельца и перешел к антирелигиозному музею<sup>94</sup>.

Тем более не жалели советские органы власти те храмы, которые не представляли такой большой исторической и культурной ценности.



Постановлением президиума Ивановского облисполкома от 2 октября 1937 года были закрыты Крестовоздвиженская, Покровская, Всехсвятская и Воскресенская церкви г. Шуи, здания переданы Шуйскому горсовету на местные нужды<sup>95</sup>.

С церквей в селах Исаково, Горки, Старково, и др. Юрьев-Польского района в 1935 году были сняты колокола и сданы в металлолом<sup>96</sup>. В Юрьевоцком районе в селах Соболево, Завражье, Дорках, Столпино были разобраны ограды церквей, чтобы полученный материал использовать на строительство школ. Это притом, что внутри указанных оград имелись действующие кладбища! Учитывая это, райисполком обязали установить деревянные ограды<sup>97</sup>.

Закрывали не только православные храмы. Дело об изъятии костела в г. Костроме у католической общины тянулось около года, с середины 1930 до августа 1931 года. В результате костел был изъят, несмотря на жалобы верующих<sup>98</sup>. Постановление Президиума Костромского окрисполкома была ликвидирована мечеть в слободе Татарской Костромского района в 1930 году, здание передано под избу-читальню<sup>99</sup>.

О масштабе репрессий того времени против священнослужителей и верующих позволяет судить следующая информация: «С 9 по 17 сентября 1937 года в Шуйском районе были арестованы почти все священники, диаконы, церковные старосты и ревностные миряне. В Шуйской тюрьме их запугивали, били, пытали, требуя признания в антисоветской деятельности. Следственные материалы тех лет почти не содержат достоверных данных. Для ареста достаточно было священнического или диаконского сана. Участь многих была одинакова: и тех, кто соглашался подписывать выдумки следователей, и тех, кто отвергал презренную ложь, несмотря на пытки и устрашения, всех ждал расстрел»<sup>100</sup>.

Достигнув к началу 1934 года пика, гонения на Православную Церковь затем начинают постепенно ослабевать. Но эта оттепель была весьма кратковременной. Антицерковные гонения, вспыхнувшие вновь в связи с убийством С.М. Кирова, в 1935–1938 годах шли по нарастающей линии<sup>101</sup>. К 1941 году по стране было репрессировано за веру 350 тысяч человек (в том числе не менее 140 тысяч священнослужителей). Из них 150 тысяч было арестовано в 1937 году (80 тысяч расстреляно). К осени 1938 года антирелигиозная политика государственных органов достигла пика своего развития. А 7 октября Президиум Верховного Совета РСФСР постановил отменить положение о Центральной и местной комиссиях по рассмотрению религиозных вопросов. Это означало уничтожение самой возможности контакта Церкви и государства<sup>102</sup>.

В конце 1938 года период открытого, активного наступления на Церковь подходил к своему завершению. В закрытых циркулярах различных административных органов стали появляться указания проявлять сдержанность в ликвидации храмов<sup>103</sup>.

Епархий, как административных единиц в 1939 году уже почти не существовало, и отдельные приходы поддерживали нерегулярную связь с

Патриархией<sup>104</sup>.

Заккрытие храмов продолжалось вплоть до самой Великой Отечественной войны. В 1941 году постановлением Ивоблисполкома был закрыт целый ряд церквей: в селе Березники Комсомольского района, селе Оделево Середского района, в селе Красноармейское Сергеевского сельсовета Шуйского района, в селе Приклон Меленковского района, в селе Иваново-Шуйское Суздальского района, в г. Суздаль, в селе Красное Суздальского района, причем часть церковных зданий было разрешено использовать в культурно-просветительских, а часто в хозяйственных целях<sup>105</sup>.

Развитие внутрицерковной жизни и церковно-государственных отношений в советской и постсоветской России нельзя рассматривать в отрыве от развития государственного законодательства в отношении религии. Уже в Декрете «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви», опубликованном 23 января (5 февраля) 1918 года, последовательно проводился принцип секуляризации государства, которая со временем все нарастала.

Советское государство ни в коей мере не собиралось считаться с внутренними установлениями, иерархией каких бы то ни было религий, и Православия в том числе. Церковь была поставлена в условия полулегального существования.

Согласно с постановлением народного комиссариата юстиции и внутренних дел от 19 июня 1923 года «ни одна религиозная организация не имеет права вмешиваться, как власть имущая, в деятельность какой-либо другой религиозной организации против ее воли... ибо отдача в ее пользование храма или молельни местным исполнительным комитетом происходит не в пользу какой либо церковной иерархии, а лично тем гражданам, которые подпишут договор с исполнительным комитетом»<sup>106</sup>.

Тем самым государство подрывало основу для деятельности Русской Православной Церкви, основой которой является иерархичность. Исходя из смысла этого постановления, каждый приход оказывался «самоуправляемым», его актив, следуя букве советского права, вполне мог игнорировать распоряжения епископа.

Русская Православная Церковь – единая организация, с единой иерархией и ей естественно было обладать в целом единым имуществом. После октябрьской революции все церковное имущество было национализировано, право же бесплатного пользования церковными и молитвенными зданиями было предоставлено исключительно группам верующих или религиозным обществам, причем, всякого рода центральные организации (всероссийские, епархиальные и т.д.), а также съезды религиозных обществ и избираемые ими исполнительные органы, не могли: 1) обладать культовым имуществом или получить его по договору; 2) заключать какие бы то ни было имущественные договоры и сделки; 3) устанавливать принудительные сборы<sup>107</sup>. Таким образом, вся высшая церковная иерархия практически оказывалась лишенной источников существования, так как не

только все имущество было у нее отнято, но и появились законодательные препятствия к получению обязательных взносов от приходов.

Согласно Постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года религиозные общества и группы верующих были лишены прав на статус юридического лица. Каждое религиозное общество или группа верующих могли пользоваться только одним молитвенным помещением. Число учредителей религиозного общества должно было составлять не менее 20 человек<sup>108</sup>. Духовенство было решено избирательных прав.

На «совершенно законных основаниях» советской властью проводились в жизнь дичайшие надругательства над религиозными чувствами миллионов верующих (во время изъятия церковных ценностей, ликвидации мощей). Причем, если изъятие церковных ценностей еще можно, если не оправдать, то объяснить, то надругательство над мощами почитаемых народом святых, не имеет никакого разумного объяснения. Согласно постановлению Наркомгоса «Местные исполкомы при соответствующей агитации последовательно и планомерно проводят полную ликвидацию мощей, опираясь на революционное сознание трудящихся масс, избегая при этом всякой нерешительности и половинчатости при проведении своих мероприятий»<sup>109</sup>.

Конституция СССР 1936 года, провозглашавшая равноправие граждан и свободу совести, тем не менее, предоставляла лишь право на «свободу отправления религиозных культов и свободу антирелигиозной пропаганды»<sup>110</sup>.

Таким образом, неравноправие верующих и атеистов было закреплено конституционно. Безбожники имели все возможности для активной деятельности, а религиозным объединениям воспрещалось: «1) создавать кассы взаимопомощи, кооперативы, производственные объединения и вообще пользоваться находящимся в их распоряжении имуществом для каких-либо иных целей, кроме удовлетворения религиозных потребностей; 2) оказывать материальную поддержку своим членам; 3) организовывать как специально детские, юношеские, женские молитвенные и другие собрания, так и общие библейские, литературные, рукодельческие, трудовые, по обучению религии и т.п. собрания, группы, кружки, отделы, а также устраивать экскурсии и детские площадки, открывать библиотеки и читальни, организовывать санатории и лечебную помощь»<sup>111</sup>. Существовал и еще целый ряд запретов.

В руках атеистов были все средства массовой информации, «Союзу воинствующих безбожников» делегировались самые широкие права: для Церкви же любая попытка говорить о каких-то своих правах, была чревата обвинением в контрреволюции.

Процедура закрытия храмов была предельно легкой, а открытия крайне тяжелой.

Исходя из всего этого, даже, если бы не было красного террора в отношении духовенства в годы гражданской войны и сталинских репрессий, то и тогда жизнь Русской Православной Церкви в правовом поле советского государства была бы необычайно тяжелой. А, учитывая масштабы репрессий против духовенства и верующих, можно говорить о том, что Церковь в СССР сохранилась лишь чудом Божиим.

Потепление в церковно-государственных отношениях наступило в годы войны. Великая Отечественная война началась 22 июня 1941 года, в день всех святых, в земле Российской просиявших. Начавшаяся война не только не обострила отношения противоречия между Русской Православной Церковью и государством, но напротив подтолкнула Церковь подчинить свою деятельность патриотическому долгу – защите Отечества.

В первый же день войны к народу обратился Патриарший Местоблюститель митрополит Сергей. О нападении Германии на СССР он узнал, вернувшись в свою скромную резиденцию из Богоявленского собора г. Москвы, где в тот день служил Литургию. Митрополит сразу же ушел к себе в кабинет, написал и собственноручно напечатал на машинке «Послание пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви». «Несмотря на свои физические недостатки – глухоту и малоподвижность, – вспоминает позднее архиепископ Димитрий (Градусов), – митрополит Сергей оказался на редкость чутким и энергичным – свое послание он не только сумел написать, но и разослать по всем уголкам необъятной Родины»<sup>112</sup>.

В своем послании митрополит Сергей писал: «Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину... Не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божьей помощью и на сей раз, он развеет в прах фашистскую вражескую силу... Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла и утешалась его успехами. Не оставит она своего народа и теперь... Положим же души своя вместе с нашей паствой... Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины. Господь нам дарует победу»<sup>113</sup>.

Затем последовали послания с аналогичным содержанием. Митрополит Сергей выступил с поддержкой партизанского движения и резко осудил епископов, оказавшихся на оккупированной фашистами территории, приветствовавших и благословлявших гитлеровскую армию<sup>114</sup>. С аналогичными обращениями выступили и другие православные иерархи.

Послания главы Русской Православной Церкви носили не только призывной и консолидирующий характер, но имели и разъяснительные цели. В них определялась твердая позиция Церкви по отношению к захватчикам и войне в целом независимо от положения на фронте. Так, 4 октября 1941 года, когда Москве угрожала смертельная опасность, и население переживало тревожные дни, митрополит Сергей выпустил послание к Московской пастве, призывая верующих к спокойствию<sup>115</sup>. Митрополит Сергей, митрополит Алексей (Симанский) и Николай (Ярушевич) выпустили за время войны около 30 патриотических обращений к духовенству и верующим, размножавшихся в большом количестве и приурочивавшихся к тому или иному событию или празднику<sup>116</sup>.

В посланиях иерархов и проповедях священников Церковь не только утешала верующих в скорби, но и поощряла к самоотверженному труду в тылу, мужественному участию в боевых операциях, поддерживала веру в окончательную победу над врагом, способствуя тем самым формированию

высоких патриотических чувств и убеждений среди тысяч соотечественников. Кроме того, и от имени Церкви подвергались осуждению дезертирство, сдача в плен, сотрудничество с оккупантами. Все это способствовало изживанию пораженческих настроений, получивших определенное распространение в первые дни войны и, в конечном итоге, создавало «нравственные условия победы», которые в значительной мере изменили ход военных событий<sup>117</sup>.

Проявления патриотической деятельности Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны многообразны. Архиереи и священники не только словом поддерживали народ, но многие из них участвовали в войне в рядах действующей армии.

Так священник Владимирской епархии Сергей Фестинатов (с 1944 года – епископ Владимирский и Суздальский Онисим) был призван в 1942 году на защиту Родины. За заслуги в рядах армии и в тылу он был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 г.г.»<sup>118</sup>. Управляющий Ивановской епархией в 1963–1964 годах архиепископ Леонид (Лобачев) участвовал в войне в сане архимандрита в звании старшины. В 1943 году был ранен. За воинскую доблесть был награжден орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За победу над Германией»<sup>119</sup>. Протоиерей Борис Васильев, до войны диакон Костромского кафедрального собора, в Сталинграде командовал взводом разведки, а затем сражался в должности начальника полковой разведки<sup>120</sup>. Многие священнослужители прошли через тюремное заключение и ссылку, но, несмотря на это, мужественно встали на защиту Родины, когда началась Великая Отечественная война. Таким образом, например, клирик Владимирской епархии протоиерей Николай Сергеевич Сушко<sup>121</sup>.

С конца 1943 года призыва священнослужителей в действующую армию не производилось; воевавшие же, как правило, с фронта возвращались к приходскому служению, что было связано с той высокой оценкой, которую советское правительство дало патриотической деятельности Русской Церкви в годы Великой Отечественной войны.

Нужно отметить также, что священно – церковнослужители и иные церковные работники проходили воинское служение весьма усердно.

Активно участвовали священнослужители и в партизанском движении. На оккупированной территории они являлись подчас единственным связующим звеном между населением и партизанами. Священники укрывали отставших при отступлении своих частей красноармейцев, сбежавших из лагерей военнопленных, вели патриотическую агитацию среди населения, сами вступали в ряды антифашистских отрядов. Десятки священнослужителей были награждены медалями «Партизану Великой Отечественной войны»<sup>122</sup>. Верующими были и многие из советских представителей комсостава. Доподлинно известно, что начальник Генштаба – маршал А.М. Василевский был сыном Кинешемского церковнослужителя. Верующим был маршал Л.А. Говоров, после Сталинградской битвы стал посещать православные храмы

маршал В.Н. Чуйков; верующим был также маршал Ф.И. Толбухин (брат его, протоиерей, служил все годы блокады в Ленинграде) Начальник Генштаба В.Н. Шапошников носил финифтевый образ святителя и чудотворца Николая. О Г.К. Жукове известно, что он во всё время войны имел при себе образок святого Георгия Победоносца, которым благословила его мать<sup>123</sup>.

16 февраля 1944 года при взятии города Луги советскими войсками генерал Лобанов вызвал в деревню Заозерье ранее помогавшего партизанам священника М.С. Образцова и предложил ему в присутствии населения окрестных деревень отслужить благодарственный молебен за одержание Победы. После молебна генерал публично поблагодарил священника за антифашистскую деятельность. В отчёте уполномоченного Совета по делам РПЦ в Марийской АССР за 1944 год отмечалось: «К великому сожалению, Церковь посещает даже командный состав воинских частей. Характерный случай: верующие переносили в сентябре месяце икону из Цибикурской церкви в Йошкар-Олу, и по пути следования к этим иконам прикладывались... командиры воинских частей и жертвовали деньгами – было собрано 17 000 рублей»<sup>124</sup>.

Неоднозначно оценивается деятельность священнослужителей на оккупированных территориях. «Наша жизнь и работа при немецкой оккупации была непрерывной борьбой с немцами за душу русского человека» – так писал один из священников, участников так называемой Псковской Духовной Миссии, работавший на территории, превращенной большевиками за четверть века своего владычества в духовную пустыню, с августа 1941 по февраль 1944 года. Из более чем 400 храмов, действовавших здесь до революции, к началу войны не осталось ни одного. За два с половиной года местное население с помощью 14 приехавших из Риги миссионеров – священников восстановили 330 храмов, оставшихся открытыми и при советской власти вплоть до хрущевских гонений на Церковь. Все, причастные к деятельности Миссии, оставшиеся на территории СССР, были впоследствии арестованы и отправлены в лагеря на верную смерть. «И сегодня – писал один из миссионеров, – нашу борьбу хотят изобразить, как сотрудничество с фашистами. Бог Судья тем, кто хочет запятнать наше святое и священное дело, за которое одни из наших работников, в том числе священники и епископы, погибли от пуль большевистских агентов, других арестовывало и убивало гестапо»<sup>125</sup>.

Так, например, в Новгородской области, отступая, оккупанты сожгли Долошинскую и взорвали Северную церкви; в ноябре 1943 года вывезли отцов В. Ерина и А. Георгиевского в Латвию<sup>126</sup>.

С первых же дней войны верующие единодушно откликнулись на обращение митрополита Сергия «трудом и пожертвованиями способствовать нашим доблестным защитникам». Все без исключения приходы начали широкий сбор денежных пожертвований и ценных предметов на нужды страны. Так, в течение нескольких месяцев, верующие одного только Троицкого храма в Горьком, внесли в фонд обороны более миллиона рублей<sup>127</sup>.

Катастрофический для СССР ход боевых действий в начале войны заставил Сталина мобилизовать для обороны все национальные резервы, в том числе и Русскую Православную Церковь в качестве народной моральной силы, а также Грузинскую Православную Церковь, баптистов и евангельских христиан, мусульман. Сразу для богослужения открылись храмы, священнослужители, включая епископов, были выпущены из лагерей, а антирелигиозная деятельность приостановлена<sup>128</sup>. Находившиеся в действующей армии священнослужители демобилизовываются при согласии вернуться к церковной службе. В сентябре 1941 года были закрыты антирелигиозные издания, распущен «Союз воинствующих безбожников»<sup>129</sup>.

Русская Православная Церковь оказала Родине и большую материальную помощь. 30 декабря 1942 года митрополит Сергей обратился к архипастырям, пастырям, приходским общинам с призывом соорудить на пожертвования танковую колонну имени Димитрия Донского. Вся Церковь откликнулась на это благословение. В сроки было собрано свыше 8 миллионов рублей, большое количество золотых и серебряных предметов<sup>130</sup>. В советских документах можно встретить самые разные суммарные цифры патриотических взносов Русской Церкви в годы войны – от 50 миллионов до 10 миллиардов рублей. Но, если первая сумма явно занижена, то вторая представляется завышенной. По подсчетам Московской Патриархии, к лету 1945 года было собрано более 300 миллионов рублей, не считая драгоценностей, вещей и продуктов. Представляется, что общая сумма была больше как минимум на несколько десятков миллионов рублей, так как далеко не везде был организован четкий учет взносов<sup>131</sup>.

Кульминацией этого процесса, который можно охарактеризовать, как сближение государства и Церкви в «патриотическом единении», был прием Сталиным 04.09.1943 года Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) и митрополитов Алексия (Симанского) и Николая (Ярушевича)<sup>132</sup>. На этой встрече Сталин официально согласился на созыв Архиерейского Собора и проведение выборов Патриарха. 8 сентября 1943 года в Москве состоялся Собор епископов Православной Церкви, созданный для избрания Патриарха Московского и Всея Руси и образования при Патриархе Священного Синода, который единодушно избрал митрополита Сергия Патриархом Московским и Всея Руси<sup>133</sup>.

14 сентября 1943 года при СНК СССР был создан Совет по делам Русской Православной Церкви для осуществления связи между правительством и Патриархом по вопросам, требующим разрешения Правительства, и для контроля над правильным применением законодательства о культах<sup>134</sup>. Совет возглавил Г.Г. Карпов и под его руководством отношения между государством и Церковью развивались для советских условий весьма успешно. В большом количестве открывались храмы, священники возвращались из лагерей, снова стал выходить «Журнал Московской Патриархии»<sup>135</sup>.

Во время войны позиции Церкви в обществе укреплялись. Этому способствовал ряд факторов. Вот некоторые из них. Фактор первый: тяготы войны, несущие массовые страдания. Трудности военного времени, потери

родных и близких, беды и лишения вернули в Церковь часть тех людей, которые покинули ее в предвоенные годы.

Руководство страны во главе со Сталиным вынуждено было считаться с той ролью, которую играет духовенство среди верующих. Нельзя было не учитывать и международный фактор. В антигитлеровской коалиции имелись влиятельные силы, которые следили за положением Церкви в нашей стране. Все эти обстоятельства заставили И.В. Сталина внести существенные изменения в отношения государства и Церкви. Сталин с помощью религиозного вопроса пытался поднять свой престиж перед международной общественностью, укрепить антигитлеровскую коалицию, где были глубоко религиозные традиции<sup>136</sup>.

Великая Отечественная война дала Русской Православной Церкви возможность показать всему миру свою ярко выраженную патриотическую позицию, то, что любовь к Родине для нее сильнее обид и ненависти, вызванных годами жесточайших гонений на религию. Проявление патриотического служения Русской Православной Церкви были многообразны: морально-нравственная поддержка населения страны (через послания, обращения, проповеди), сбор денежных средств, драгоценностей, медикаментов, одежды, продуктов в фонд обороны, большое количество священнослужителей проходило во время войны службу в действующей армии, участвовало в партизанском движении и т.д. Все это способствовало потеплению церковно-государственных отношений.

Многие священнослужители участвовали в боевых действиях в рядах советской армии, собирали пожертвования для помощи фронту; многие из священнослужителей – участников войны, были награждены орденами и медалями. Большая патриотическая деятельность Церкви в годы Великой Отечественной войны не могла не получить высокой положительной оценки государства и общества: начали открываться храмы; на пустующие архиерейские кафедры посвящаются архиереи; большое количество духовенства освобождается из лагерей. Создается специальный исполнительный орган для связи Церкви с советским правительством – Совет по делам Русской Православной Церкви при Совнаркоме СССР. В результате всего этого Церковь вновь на некоторое время стала в стране структурой не только терпимой, но и достаточно уважаемой.

К концу войны были открыты кафедральные соборы Владимирской и Ивановской епархий: Успенский в г. Владимире и Преображенский в г. Иваново<sup>137</sup>. Верующими ставятся вопросы об открытии новых храмов. В 1942 году были предприняты попытки открытия церкви в г. Иваново. Ставился вопрос об открытии Благовещенской, Введенской, Казанской церквей<sup>138</sup>. Верующие ходатайствовали об открытии храмов в с. Никологоры, с. Орехово Сокольского района, с. Зарайское Пучежского района, с. Красносельское Гороховецкого района<sup>139</sup>, в с. Пруднов, Песчанов, Кидекши и Б. Борисово<sup>140</sup>, в г. Александрове<sup>141</sup>. Малое количество этих попыток увенчалось успехом, но процесс открытия храмов начался.



Давая общую характеристику динамике церковно-государственных отношений в 1917–1943 годы, необходимо обозначить то, что антирелигиозные репрессии, начавшиеся в 20-е годы, а в какой-то степени даже раньше, то усиливались, то, спадая, продолжались вплоть до начала 40-х годов. Епархии центра России – Владимирская, Ивановская и Костромская – в полной мере разделили судьбу всей Русской Православной Церкви. Ивановская область стала местом начала репрессий, связанных с изъятием церковных ценностей. В своей борьбе против Церкви советская власть использовала не только внешнее, но и внутреннее воздействие. Так, была сделана попытка уничтожить Церковь изнутри, с помощью обновленческого движения. Происходило массовое закрытие храмов.

Но нельзя не отметить и того, что времена внешних гонений стали для Русской Православной Церкви временами духовного расцвета: яркими звездами просияли на церковном небосклоне новые герои Церкви – новомученики и исповедники, не страшившиеся претерпеть за веру гонения и даже смерть. Их пример явился большим укрепляющим началом для религиозного состояния общества, был одной из причин, по которым Церковь не исчезла даже во времена самых сильных антирелигиозных репрессий.

Октябрь 1917 года явился для Русской Православной Церкви особой границей, перейдя которую она, с одной стороны, перестала быть государственной религией и, в связи с этим, смогла более полноценно осуществлять свое сакральное служение, с другой, стала жертвой страшных гонений, превосходящих те, которые устраивали для христиан римские императоры в первые века по Рождеству Христовом. Вообще между теми гонениями, которые устраивали на христиан язычники-императоры и теми, которые устраивала советская власть, есть немало общего. В обоих случаях христиане рассматривались, как люди, крайне политически неблагонадежные. В Риме – неприношение жертв перед статуей императора, быстрое распространение христианства, угрожающее языческой идеологии. В Советской России – непризнание атеизма, обвинения в скрытой контрреволюции, борьба с христианством, как идеологией, являющееся конкурентом в борьбе за общественное сознание. В обоих случаях имелось множество случаев репрессий, сопряженных с жесточайшими пытками и истязаниями – и здесь цивилизованный XX век нисколько не отставал от грубого язычества. В обоих случаях происходило массовое закрытие, разрушение и перепрофилирование христианских храмов, ущемление гражданских прав христиан (например, в Риме при Диоклетиане, все, содержащее христианство, лишалось достоинства и гражданских прав<sup>142</sup>, в Советской России «служители культа, действительно отправляющие культ» были по этому признаку лишены избирательных прав).

В обоих случаях все происходило «на законных» основаниях, имея своим основанием эдикты императоров и постановления исполкомов. В обоих случаях казалось, что Церковь неминуемо должна погибнуть, бессильная перед государственной машиной. И в обоих случаях Церковь продолжала

существовать, когда не стало ее гонителей – ни в Римской языческой империи, ни в Советской России.

Советская власть начала гонения на Церковь в первые же годы своего существования. Динамику этих гонений можно хорошо проследить на примере провинциальных областей центра России. Уже в 1918 году закрываются многие профессиональные религиозные образовательные учреждения, например, Костромская духовная семинария, Шуйское духовное училище. В 1922 году начинается изъятие церковных ценностей и массовое закрытие храмов. Повсеместно идут репрессии против духовенства и верующих, достигшие своего пика в 1937 году. К началу Великой Отечественной войны число оставшихся храмов ничтожно мало, во Владимире и Иваново закрыты даже кафедральные соборы.

Казалось бы, Церковь имеет все основания для того, чтобы ненавидеть Советский Союз, который, не довольствуясь гонением извне, предпринял попытку разложить и уничтожить Церковь изнутри с помощью модернистской схизмы обновленцев. Но, как только началась Великая Отечественная война, первым обращается к народу председатель Русской Православной Церкви с призывом не жалеть сил на защиту Родины. Подвиг иерархов, священнослужителей и рядовых верующих в годы Великой Отечественной войны, не смогло не оценить даже безбожное советское правительство. С 1943 года начинается процесс церковного возрождения, продолжавшийся примерно до 1958 года.

Характерно, что времена внешних гонений были для Русской Православной Церкви временами духовного подъема, когда от нее отошли все случайные люди, когда верующие христиане проявляли чудеса преданности и героизма. Не страшась смерти и пыток, отстаивали они свои убеждения, укрепляя слабых в вере. Послевоенное же спокойствие для Церкви было благоприятным тому, чтобы в нее попало немало случайных людей, многие из которых бежали из Церкви в годы хрущевских гонений на нее, причем некоторые спешили отречься от Бога, которого никогда не знали, чтобы получить определенные материальные блага.

Неоднозначными были на протяжении всего этого периода и отношения Церкви с государством: часть духовенства и верующих придерживались принципов, изложенных в «Декларации» Патриарха Сергия, другая же часть считала, что компромиссов с безбожной властью быть не может и место Церкви в катакомбах. Но все же явные кровавые гонения времен Ленина и Сталина Русская Православная Церковь пережила. Она сохранила свою иерархическую структуру, внутреннее единство, определенное количество монастырей и храмов, иерархов и духовенства. В последние годы появилась надежда на возрождение Церкви. Однако, начиная с 1958 года, правительство вновь начинает широкомасштабные антицерковные акции и, к началу 1960-х годов, иерархи и духовенство могли явно видеть, что находятся перед лицом новых гонений.

## § 2. Церковно-государственные отношения в 1943–1958 гг.

1943–1958 гг. были временем, когда гонения на Русскую Православную Церковь со стороны советского государства были практически прекращены. Открывались вновь поруганные храмы, из мест лишения свободы, из действующей армии к местам церковного служения возвращались священнослужители. Даже создание Совета по делам Русской Православной Церкви было позитивным шагом, так как через него Церковь получила возможность более-менее полноценного диалога с государством. Однако вряд ли правомочно охарактеризовать 1943–1945 гг. как время «церковного расцвета» в России. Хотя вынашивались даже планы проведения в Москве «Вселенского» Собора Православной Церкви, государство финансировало зарубежную деятельность Московской Патриархии, получившей возможность открыть духовные учебные заведения, начать издательскую деятельность. Хотя Советским правительством финансировались в определенном объеме древние Православные Патриархаты. Но в то же время не изменилось отношения к Церкви со стороны государства в принципе; предпринимались попытки новых гонений на неё как при жизни Сталина так, и особенно, после его смерти.

В 1943 году митрополит Сергей (Страгородский) был избран Патриархом созванным в чрезвычайной спешке Архиерейским Собором. Возобновил свою работу Священный Синод. В 1945 году прошел Поместный Собор, избравший Патриархом митрополита Алексия (Симанского) вместо умершего Патриарха Сергея. На Соборе был принят весьма важный для того времени документ «Положение об управлении Русской Православной Церковью», превращавший Церковь пусть в контролируемую, но централизованную организацию, что, после регистрации документа в Министерстве Юстиции, придавало ему характер законного в глазах Советского государства, хотя и входившего в противоречие с основным законодательством о религии, запрещавшего наличие централизованного управления в религиозных организациях.

Созданный в октябре 1943 года Совет по делам РПЦ при СНК СССР был призван осуществлять связь между Правительством СССР и Патриархом, контролировать деятельность местных епархий, информировать Правительство о нуждах Церкви, готовить проекты государственных законодательных актов по церковным делам.

Одним из главных вопросов в деятельности Совета стала проблема открытия храмов. От верующих Верхнего Поволжья поступали наиболее активные ходатайства, но из них за 1944–1945 гг. удовлетворили не более 5%. В 1944 г. В Ивановской и Ярославской областях возобновились службы в 9 храмах, что составляло чуть более 4% от общего числа храмов, открытых в тот год Советом по делам РПЦ. В 1945 г. Этот показатель возрос до 11%<sup>143</sup> за 1945–1948 гг. только в областях Верхнего Поволжья возобновили деятельность 115 храмов<sup>144</sup>.

К концу войны были открыты кафедральные соборы Владимирской и Ивановской епархий: Успенский в г. Владимире и Преображенский в г. Иваново<sup>145</sup>. Верующими ставятся вопросы об открытии новых храмов. В 1942 году были предприняты попытки открытия церкви в г. Иваново. Ставился вопрос об открытии Благовещенской, Введенской, Казанской церквей<sup>146</sup>. Верующие ходатайствовали об открытии храмов в с. Никологоры, с. Орехово Сокольского района, с. Зарайское Пучежского района, с. Красносельское Гороховецкого района<sup>147</sup>, в с. Пруднов, Песчанов, Кидекши и Б. Борисово<sup>148</sup>, в г. Александрове<sup>149</sup>. Малое количество этих попыток увенчалось успехом, но процесс открытия храмов начался. На март 1950 года в Ивановской епархии было уже 57 открытых церквей<sup>150</sup>. В 50-е годы были предприняты попытки открытия храмов в селе Дунилово Шуйского района, в г. Плес, деревне Кульево Пестяковского района<sup>151</sup>.

Наблюдается поддержка Церкви и в государственных учреждениях. Решением Ивановского облисполкома от 8 июля 1950 года был снят с работы председатель исполкома Юрьево-Ветского района за незаконное получение и расходование денежных средств церковной общины<sup>152</sup>.

Ивановской общине старообрядцев 11 мая 1946 года передали древнюю Успенскую кладбищенскую церковь на окраине г. Иваново, после чего ее освятили в честь Казанской иконы Божией Матери<sup>153</sup>. Но, несмотря на старания и хлопоты верующих, в г. Иваново, например, оставался только один православный храм вплоть до 1989 года.

Русская Православная Церковь начинает активную работу по реставрации возвращенных ей храмов. За 1949–1957 годы Московской Патриархией на восстановление и ремонт храмов и монастырей и на выдачу пособий епархиям было израсходовано 25151350 (двадцать пять миллионов сто пятьдесят одна тысяча триста пятьдесят) рублей<sup>154</sup>.

В первые годы своего существования (1943–1944) Совет очень неохотно давал добро на открытие храмов. Так, в Горьковской (ныне Нижегородской) области, где был 1101 недействующий храм (из них почти 200 непереоборудованных и ничем незанятых) и всего 22 открытых храма, из 212 ходатайств об открытии приходов к 1945г. удовлетворено было лишь 14, т.е. менее 7% просьб. Самая благоприятная пора для верующих приходилась на 1947–1948 гг. Так, в протоколе от 12 марта 1947 г. отмечается, что из рассмотренных 64 ходатайств удовлетворено 64. В протоколе от 20 мая 1947 г. говорится об удовлетворении всех 62 ходатайств, рассмотренных в этот день. Сама же процедура получения разрешения на открытие храма длилась 2–3 года с момента подачи первого заявления даже в эти лучшие годы. Вот характерные случаи: в г. Иланский Красноярского края верующие хлопотали об открытии храма с 1945 г., а ходатайство было удовлетворено 17 апреля 1948 г. в одном из сел Горьковской области фактически действующая община с незарегистрированным священником и до тысячи верующих ходатайствовала о регистрации с 1945 г., а была зарегистрирована лишь в 1948 г.<sup>155</sup>

Однако уже в 1948 году начинается новый виток антицерковных акций. Прекращается процесс открытия новых храмов, начинается их закрытие. За 1949 год в РСФСР закрыто около 600 храмов. Однако закрытие храмов в данный период носило скорее локальный, чем тотальный характер.

Если, например, в Верхнем Поволжье за 1945–1947 гг. численность действующих храмов увеличилась на 110, то за 1948–1954 гг. уменьшились на 30 храмов<sup>156</sup>.

Нужно учитывать, что на формирование политики Правительства по религиозным вопросам, большое воздействие оказывала позиция антицерковных коммунистических органов. Силами отдела пропаганды и агитации ЦК ВКБ(б) была урезана самостоятельность Совета по делам Русской Православной Церкви и по делам религиозных культов. Однако в 1955 году вновь начинают открываться, молитвенные здания, утихает антирелигиозная пропаганда<sup>157</sup>.

В целом, 1943–1958 годы не вполне можно охарактеризовать как единый период. Поэтому некоторые из современных исследователей делят его на три периода<sup>158</sup>, а другие даже на шесть периодов<sup>159</sup>. Государственно-церковные отношения изменялись в зависимости от перемен политической ситуации в стране, большие перемены были связаны со смертью И.В. Сталина.

По мнению некоторых зарубежных авторов как услуга за услугу во время двух встреч со Сталиным в 1943 и 1945 гг. Церковь взамен относительной литургической свободы и некоторой терпимости государства обязалась служить государственным интересам в области внешней политики и пропаганды<sup>160</sup>. Например Патриарх Алексей I во время службы по случаю 70-летия И.В. Сталина (21.12.1949 года) сказал: «Сталин – первый борец за мир между народами... наш вождь, чье личное обаяние обезоруживает всякого, кого бы он не встречал, добротой и вниманием к нуждам других... силой и мудростью речей»<sup>161</sup>. Однако можно предположить, что такое отношение Церкви было predetermined самой историей Российского Православия, являющегося наследником Византийского, где симфония Церкви и государства считалась величайшим достижением. Нельзя здесь не отметить и того, что архиерей, ответственный за взаимодействие с государством, председатель отдела внешних церковных сношений митрополит Николай (Ярушевич), говорил, что на возобновление преследований Церкви в 60-е годы он ответил проповедями против преследователей «не такими проповедями, которые публикуются в «Журнале Московской Патриархии», но теми, которые произносятся в храмах»<sup>162</sup>.

Годы Великой Отечественной войны стали временем ликвидации обновленческого раскола. Весной 1943 года началось все нарастающее стихийное возвращение обновленческих приходов в Патриаршую Церковь, однако, окончательный перелом произошел в конце года. Решающими факторами здесь явились избрание митрополита Сергия Патриархом и прием И.В. Сталиным церковного руководства, удовлетворение предложений и пожеланий последнего. Теперь обновленчество утрачивало свою юридическую сущность и в глазах правительства<sup>163</sup>.

Еще до открытых на них гонений многие из обновленческих иерархов и священнослужителей стали приносить покаяние и возвращаться в Православную Церковь. Священник Ефимий Преображенский при возвращении из обновленчества приносил покаяние, во время которого, при скоплении до 500 человек, на заданные вопросы о причинах перехода в свое время в обновленчество заявил о том, что он в обновленцы перешел под давлением органов советской власти для того, чтобы самому не подвергаться преследованиям, а также защитить от них своих детей. С подобными заявлениями выступали и другие<sup>164</sup>. Митрополит Павел (Гальковский), управляющий Ивановской епархией в 1929–1936 годах, принял публичное покаяние от священников-обновленцев Димитрия Невского, Владимира Вознесенского, Николая Свирелина, Ефимия Преображенского и других<sup>165</sup>. Через покаяние вернулся в православие из обновленчества епископ Михаил (Постников), управляющий епархией в 1947 году<sup>166</sup>.

Всего, по некоторым сведениям, принесли покаяние 25 обновленческих архиереев старого – до 1923 года поставления (т.е. рукоположенные не обновленцами) и 13 архиереев нового поставления. Таким образом, в 1946 году остатки обновленчества практически прекратили свое существование<sup>167</sup>.

Ликвидация обновленческого движения сопровождалась давлением на него государственных органов. Советское руководство, прежде всего из прагматических соображений, осенью 1943 года сделало окончательный выбор в пользу Московской Патриархии. Его диктовала Сталину политическая ситуация в СССР и за рубежом. Кроме того, Патриаршая Церковь была кровно заинтересована в ликвидации расколов. К середине 1940 годов обновленчество практически исчезло<sup>168</sup>.

Основное большинство православного народа не поддержало обновленцев; не сумевшие полностью разложить Церковь, они стали не нужны и атеистическому государству.

Определенным усилением антирелигиозной борьбы был отмечен 1947 год. Впервые после войны «Комсомольская правда» заявила, что членство в комсомоле несовместимо с верой в Бога. «Учительская газета» писала, что верующий не может быть учителем и восстала против «ложной» теории безрелигиозного образования – образование может быть только антирелигиозным. Главный идеологический орган КПСС журнал «Большевик» провозгласил, что борьба против религии – это борьба против реакционной буржуазной идеологии. Том Большой Советской Энциклопедии «СССР» вышел с утверждением о непримиримости КПСС по отношению к любой религии. Во многих городах были открыты «дома научного атеизма»<sup>169</sup>.

Причиной изменения государственно-церковных отношений стало и то, что Русская Церковь недолго играла одну из центральных ролей в «большой политике» советского руководства – с осени 1943 по лето 1948 гг. В этот период она являлась одним из важнейших инструментов реализации наступательной стратегии СССР, осуществления попытки установить доминирующее влияние в послевоенном мире. Основными направлениями международной деятельности Московской Патриархии в эти годы были

переводы в свою юрисдикцию всех русских заграничных приходов, обеспечение поддержки христианскими конфессиями в восточно-европейских странах режимов народной демократии, борьба с Ватиканом и утверждение своего первенства в Православии и даже во всем христианском мире. Далеко не все из поставленных задач были реализованы. Но это объясняется прежде всего их чрезмерной глобальностью, авантюристическим подходом советских государственных органов, разрабатывавших данные планы<sup>170</sup>.

В последние годы жизни И. В. Сталина государственные органы взяли на вооружение тактику постепенного повсеместного ограничения влияния Церкви при сохранении внешне ровных отношений. Антирелигиозная пропагандистская кампания, начавшая было разворачиваться в 1949–1950 гг., вскоре оказалась свернутой. На XIX съезде партии в октябре 1952 г. эта тема практически вообще не поднималась. Но уже в октябре 1949 г. Г. Карпов указал Патриарху Алексию, что «Синоду и Патриархии следовало бы продумать сумму мероприятий, ограничивающих деятельность церкви храмов и приходов». Неоднократные попытки Первоиерарха добиться встречи со Сталиным и как-то изменить ситуацию закончились неудачей. Совет по делам РПЦ все больше сосредотачивался на функциях надзора, хотя от части сохранял прежнюю традицию, порой амортизировал особенно ущемлявшие интересы Церкви указы и постановления.

Начиная с 1949 г., постепенно были прекращены службы вне стен храмов, отменены крестные ходы, кроме Пасхальных, ограничены разъезды духовенства по населенным пунктам, не допускалось обслуживание одним священником нескольких церквей. Стали еще активнее преследоваться совершавшие религиозные обряды коммунисты и комсомольцы. Так, бюро Ивановского обкома ВКП(б) по этой причине исключило из партии в 1949 г. 105, а в I квартале 1950 г. – 44 человека. В 1950 г. по рекомендации Совета был принят указ о пострижении в монашество только с разрешения Патриарха, начали призывать в армию учащихся Духовных школ, не имевших сана. Увеличились налоги. В 1951 г. не только стали облагать ими причтовые отчисления в пользу епархии и подарки духовенству, но и в принудительном порядке заставили уплатить соответствующие суммы за 1949–1950 гг.

В начале 1950-х в государственном и партийном аппаратах началась переориентация в отношении к религиозному вопросу. Если Сталин и Молотов выступали в общении с Церковью от имени Советского государства, то с 1953 года эти вопросы переходят в сферу партийного влияния (в том числе атеистического).

Первые предпосылки гонений появляются в 1954 году, вместе с ростом политического веса Хрущева. По его указаниям Сусловым М.А., Шепиловым Д.Т. и Шелепиным А.Н. было подготовлено постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» от 7 июля 1954 года. В нем была подвергнута жестокой критике та линия в отношениях с Церковью, которую проводил Сталин с 1943 года. Начавшаяся антирелигиозная кампания оказалась не долгосрочной. Негативное отношение к ней Запада заставило советское правительство,

искавшее в то время пути по выводу страны из изоляции и смягчению холодной войны, свернуть антицерковные акции. 10 ноября 1954 года вышло новое постановление ЦК «Об ошибках в проведении научно-атеистической работы среди населения»<sup>171</sup>.

1954 год – время массированного наступления на Церковь. Преследовались прихожане, закрывались Церкви, разгонялись молящиеся. Все это вызвало сильнейшую негативную реакцию духовенства и мирян. В ЦК КПСС, правительство стала поступать информация не только о случаях недовольства новой религиозной политикой, но и о росте церковных обрядов, массовом крещении детей. Новый натиск на Церковь получил широкую огласку на Западе и критические комментарии в зарубежной печати. Это оказалось совсем не ко времени и подрывало авторитет советского руководства, предпринимавшего особенно энергичные усилия по выводу страны из изоляции, по смягчению холодной войны и предотвращению угрозы третьей мировой войны. Аргументы противников развязывания новой кампании борьбы с Церковью дошли до Хрущева, и он согласился с ними. По его инициативе 10 ноября 1954 г. было принято новое постановление ЦК под названием «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения». Ссылки на «грубые ошибки на местах» – это обычный прием при обосновании изменения линии партийного руководства, открытая критика которого считалась недопустимой, ведь советскому народу внушалась мысль о непогрешимости партии в лице ее вождей. В постановлении не было и намека на отказ от атеизма как главного идеологического фундамента коммунистической партии, но после издания нового постановления утихла кампания пропагандистской агрессии против Церкви. В последующие годы атеистическое воспитание советского народа велось на, так сказать, конструктивной основе – религии противопоставляли реставрированный культ Ленина, который в последнее десятилетие сталинской диктатуры изрядно потускнел. Кроме того против антирелигиозных акций выступили часть членов Президиума ЦК – Маленков, Ворошилов и Молотов. И в этом же 1954 году давление на Церковь было свернуто вплоть до начала массовых антицерковных акций в 1958 г. по инициативе Н.С. Хрущева.



### § 3. Особенности развития внутрицерковной жизни в 1943–1958 гг.

Русская Православная Церковь, получившая в 1943 году определенную свободу, возможность проведения Архиерейских и Поместных соборов, избрания Патриарха и Синода, в 1945 году принявшая, признанное государством «Положение об управлении Русской Православной Церкви» в 1943–1958 переживала особый период своей внутренней жизни. Нельзя не отметить того момента, что в Церковь, вступившую в более-менее благоприятный период своей жизни, потянулись многие случайные люди, которые руководствовались разного рода корыстными устремлениями. Обеспокоенность Патриарха Алексия I этой ситуаций прослеживается в его речи, сказанной при рукоположении епископа Кировоградского Евстратия: «Охраняя святость служения церковного... дерзай очищать вверенную тебе паству от тех, кто под личиной овечьей скрывает лицо волчье, и от тех, кто с корыстными целями приметаются к алтарю Христову»<sup>172</sup>.

В своем докладе Ленинградскому уполномоченному, датированному июнем 1951 года профессор Ленинградской духовной академии, А. Осипов являющийся одновременно секретным осведомителем советских властей<sup>173</sup>, дает такую характеристику изменений, которые прошли в духовенстве в 1941–1951 гг.:

- а) Кадры духовенства окрепли. Явился новый костяк фанатизма.
- б) Часть духовенства безнадежно разложилась.
- в) Низших священнослужителей до сих пор маловато и уровень их очень неопределенен, а состав пестр»<sup>174</sup>.

Сложно сказать насколько можно доверять оценкам ренегата. Однако такой авторитетнейший историк Церкви, как протоиерей Владислав Цыпин пишет, что А. Осипов в этом документе «точно определил новую кадровую политику Церкви»<sup>175</sup>. В частности Осипов отмечал, что кадры духовенства «действительно понемногу формируются. И церковники с удовольствием отмечают, что уровень духовенства во многом повысился морально, культурно, идейно. На эти примеры ссылаются, на них базируются, обрабатывая народ»<sup>176</sup>.

Особое внимание Осипов уделяет «мелкому обслуживающему церкви персоналу» (пономари, свечницы, алтарницы и т.п.): «Это сила, и тем более грозная сила, что, прикрытые внешним бессилием, они оставлены по существу без должного внимания... Это люди, не связанные ничем, готовые на всё ради своего фанатизма и во имя своей ненависти. Архиереи прекрасно понимают значение этой среды, и каждый из них окружает себя несколькими представителями её, через которых общается с низами городских, загородных и более отдалённых приходов и тем самым оказывается в силах учитывать подлинное духовное состояние своей паствы»<sup>177</sup>.

Большой интерес представляет и следующее наблюдение А.Осипова: «Настроения Патриархии в последние годы претерпели большие изменения: в

1945 году цвели мечты о создании «Московского Ватикана» (слова самого Патриарха Алексия), о постройке дворца, широком международном шествии и внутреннем расширении «до размеров старого доброго времени» (Слова митр. Григория). Теперь настроения изменились: «Нам бы прожить тихо мирно ещё десяток лет, а там история покажет. Надо экономить и сокращаться... Вот если война будет, так, пожалуй, и снова церкви открываться начнут. «Общий лозунг, передаваемый из центра на ушко архиереям, а от тех священникам: «Тише, незаметнее, спокойнее...»<sup>178</sup>.

Начиная с 1950 года сокращается численность духовенства (в основном связанная с тем, что на место выбывших по возрасту или здоровью власти запрещали рукополагать новых). Сокращается и число приходов, что показывает приводимая ниже таблица.

**Таблица 1<sup>179</sup>**

Количество священнослужителей и приходов в Русской Православной Церкви в 1950–1954 гг.

| <b>Год</b> | <b>Число действующих приходов</b> | <b>Количество священнослужителей</b> |
|------------|-----------------------------------|--------------------------------------|
| 1950       | 14344                             | 13483                                |
| 1951       | 13912                             | 12443                                |
| 1952       | 13786                             | 12318                                |
| 1953       | 13555                             | 12089                                |
| 1954       | 13422                             | 11912                                |

Уже в 1948 году со страниц «Журнала Московской Патриархии» исчезают сообщения о строительстве церквей. Но и до этого, как пишет Д.В. Поспеловский, ему встретились сообщения о строительстве всего пяти церквей, хотя имелись многочисленные сообщения о ремонте, восстановлении и открытии вновь уже существующих церквей. Большинство церквей были получены верующими в разрушенном виде и восстанавливались исключительно за счёт религиозных общин<sup>180</sup>.

Несмотря на ужесточение атеистической пропаганды середины 50-х гг., в одном отношении это время было для Церкви самым благоприятным за весь советский период истории России: вначале по амнистии, а потом и через реабилитации стали выпускать на волю священнослужителей, узников лагерей ещё с довоенных лет, и тех, кто был арестован после войны за службу в храмах по разрешению оккупационных властей, или как «повторник», или по клеветническим доносам.

7 декабря 1955 г. архиепископу Мануилу дали справку об освобождении из заключения. В бушлате, с котомкой за плечами, он поездом доехал до Куйбышева, оттуда – самолетом в Москву. Патриарх Алексий I принял его и вскоре назначил на Чебоксарскую кафедру. Митрополит Нестор (Анисимов) был освобожден на исходе 1955 г. и по приезде в Москву принят Святейшим Патриархом Алексием I с исключительной теплотой и заботой, 18 июля 1956 г. он был назначен на Новосибирскую кафедру. В 1955 г. освободили арестованного в 1944 г. и осужденного на 12 лет лишения свободы епископа Вениамина (Новицкого). Лагерный срок он отбывал в самых страшных

колымских лагерях, где его избивали, сломали позвоночник, в 55 лет он выглядел глубоким старцем, сгорбленным, без единого волоса на голове. 22 ноября 1956 г. епископа Вениамина назначили на Омскую кафедру. Епископ Афанасий (Сахаров), который, по его же словам, провел «в узах и горьких работах 254 месяца» (21) год, в 1954 г. был освобожден из лагеря в Потье и отправился в Большие Березники, где в инвалидном доме в заключении содержался его духовник иеромонах Иеракс. После свидания со своим другом и духовником, который только ожидал освобождения, епископ Афанасий уехал в Тутаев, а вскоре в Петушки. Кафедры он не получил, а в 1955 г. был назначен председателем Богослужебно-календарной комиссии при Издательском отделе Московской Патриархии. Архимандрит Вениамин (Милов), профессор Московской Духовной Академии, арестованный в 1948 г., вышел из лагеря в 1954 г. и стал служить настоятелем Ильинской церкви в Серпухове. 4 февраля 1955 г. состоялась его хиротония во епископа Саратовского и Балашовского<sup>181</sup>.

С 1955 г. стало правилом присутствие представителей Московской Патриархии на приемах в Верховном Совете и в иностранных посольствах. Это давало возможность церковным иерархам непосредственно общаться с руководителями государства и излагать им свои пожелания и ходатайства. Так, в июне 1955 г. на приеме председателем Совета Министров Н.А. Булганиным президента Индии Д. Неру Патриарх Алексей I заявил советскому премьер-министру о желательности их официальной встречи, и Булганин ответил согласием. В 1955 г. подобной встречи не состоялось, но Церкви были сделаны серьезные уступки. 17 февраля Совет Министров принял постановление «Об изменении порядка открытия молитвенных зданий», согласно которому Совету по делам РПЦ предоставлялось право регистрировать церковные общины, которые давно фактически действовали без официального разрешения. Кроме того, решения об открытии новых храмов теперь принимались Советами Министров союзных республик, а не СССР, как раньше. В результате количество православных храмов в стране вновь стало расти. В 1955 г. было зарегистрировано 37 неофициально действовавших церквей и открыто 4 новых

Практически впервые за всю советскую историю Православной Церкви разрешили напечатать Библию, Евангелие, и в 1956 г. они вышли общим тиражом 50 тыс. экземпляров.

9 июля 1956 года Г. Карпов писал отдохавшему в Одессе Патриарху Алексею I, что его может не беспокоить вопрос об открытии новых храмов – в 1955 г. было разрешено служить в 41 церкви, а за 6 месяцев 1956 г. – еще в 24; нет препятствий и к передаче Церкви мощей св. Никиты Новгородского, всех зданий Троице-Сергиевой Лавры; в принципе решен вопрос о распространении на часть церковнослужителей трудового законодательства. Сам тон письма свидетельствовал, что работники Совета по делам РПЦ готовы и дальше оказывать Церкви в определенных пределах активную помощь.

В августе 1956 г. Совет Министров РСФСР наконец-то принял давно обещанное решение «О передаче Московской Патриархии зданий и сооружений, расположенных на территории Троице-Сергиевой Лавры в г. Загорске», через год был освящен возвращенный Церкви Троицкий собор Александро-Невской Лавры в Ленинграде, на рабочих и служащих храмов распространили трудовое законодательство, разрешили перезахоронить останки митр. Московского Макария. В 1957 г. Патриархия уже ставила вопросы о возвращении ей Новодевичьего или Донского монастыря, организации церковной типографии, причем при поддержке Совета по делам РПЦ они оказались близки к разрешению.

К 1 января 1957 г. количество зарегистрированных православных храмов в СССР выросло до 13 478, численность духовенства в них достигла 12 288 человек. Состав архиереев, по мнению властей, изменился к худшему. Из 70 правящих иерархов, в ряды которых влились недавно освобожденные из лагерей, примерно половина подвергалась репрессиям. Многих из них контролировать было крайне сложно. Так, в мае 1957 г. на совещании в Совете по делам РПЦ отмечалось, что умерший полтора года назад митрополит Ленинградский Григорий «не терпел никаких советов уполномоченного и если узнавал про отдельные советы, рекомендованные уполномоченным, то как правило, делал все наоборот. Преследовал духовенство, которое периодически посещало уполномоченного»<sup>182</sup>.

Но относительное благополучие Церкви было очень непрочным. В КПСС имелись влиятельные силы, готовые в любом благоприятном моменте возобновить антирелигиозное наступление. Н.С. Хрущев в 1955 году в беседе с делегацией французских парламентариев заявил: «Мы продолжаем быть атеистами. Мы будем стараться освободить от дурмана религиозного опиума, который еще существует, большую часть народа»<sup>183</sup>.

Ещё раз останавливаясь на церковной жизни тех лет нужно сказать, что несмотря на известные объективные трудности, Православная Церковь играла важную роль в жизни многих миллионов людей в нашей стране. Получили продолжение традиционные формы Русского благочестия. Многие верующие обрели себе духовное руководство у довольно многочисленной плеяды чутких и ревностных пастырей, выдвинувшихся в те годы. Важное значение в духовной жизни народа вновь приобрели монастыри, в особенности Православные Лавры Киево-Печерская, Троице-Сергиева и Почаевская, а также Псково-Печерский монастырь, Глинская пустынь и ряд других, куда за наставлением, утешением, а в тревожные послевоенные годы, порой и вспомоществованием, потянулись тысячи богомольцев.

1943–1958 гг. – стали особым периодом в Церковной жизни, показавшим, что религиозность русского народа и тяга его к Православию еще очень велики. Как только давление государства ослабилось – сразу начался процесс Церковного возрождения. Это не могло не волновать атеистически настроенных руководителей Советского государства и стало одной из важнейших причин развернутых Н.С. Хрущевым в 1958–1964 гг. гонений на Церковь.

## **II ГЛАВА. ГОНЕНИЯ НА ЦЕРКОВЬ В СССР В 1958–1964 гг.: РОЛЬ В НИХ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА**

## § 1. Усиление антицерковной политики Советского государства в 1958–1961гг.

После Великой Отечественной войны положение Церкви в государстве и обществе начало стабилизироваться. Открываются, новые храмы, духовные школы, выходит «Журнал Московской Патриархии». Но, в конце 1950-х начинаются новые гонения на Церковь. Времена хрущевской оттепели обернулись для представителей различных конфессий, в первую очередь, Русской Православной Церкви лютым морозом. Спокойные отношения с Церковью преподносились, как Сталинское наследие, которое следует ликвидировать, хотя именно религиозные организации особенно пострадали от проводимых репрессий. Нагнетание антирелигиозных настроений к концу 1950-х годов в партийных и комсомольских верхах делало почти неизбежной войну с религией<sup>184</sup>.

Гонения начались в 1958 году. 4 октября 1958 года ЦК принял секретное постановление «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды», которое обязывало партийные, комсомольские и общественные организации развернуть пропагандистское наступление на религиозные пережитки советских людей. Государственным учреждениям предписывалось осуществить мероприятия административного характера, направленные на ужесточение условий существования религиозных общин<sup>185</sup>.

В 1960 году власть Хрущева была настолько прочна, что он смог начать проведение массовых антицерковных мероприятий, в результате которых Русская Церковь в период с 1959 по 1964 год потеряла около двух третей своего организационного состава<sup>186</sup>.

В самом начале этих гонений советские органы власти старались осуществить закрытие монастырей и храмов, используя давление на Патриархию. Они прилагали все силы к тому, чтобы убрать из Патриархии тех церковных лидеров, которые открыто таким гонениям противостояли<sup>187</sup>. Из Совета по делам РПЦ с конца 1950 годов также начали постепенно «убирать» всех сотрудников с сочувствием относившихся к религии.

Патриарх Алексей I очень тяжело переживал происходившие в церковно-государственных отношениях перемены. Его волновало то, что «под видом научно-атеистической пропаганды имеют место факты физического уничтожения Православной Церкви и религии вообще, нарушение этики, когда в газетах и журналах пишут оскорбительные статьи в адрес церковнослужителей, даже умерших»<sup>188</sup>.

По указанию Совета по делам РПЦ Патриархия уже к концу 1959 года была вынуждена ликвидировать Сумскую, Челябинскую и Ульяновскую епархии, закрывать монастыри и храмы<sup>189</sup>.

Епархии ликвидировались путем слияния тех из них, которые имели незначительное количество приходов по сравнению с соседними епархиями.

С 1959 года Патриарх Алексий I «настойчиво добивался встречи с Н.С. Хрущевым, чтобы довести до его сведения озабоченность состоянием взаимоотношений государства и Церкви. В 1961 году он жаловался заместителю председателя Совета по делам Русской Православной Церкви Фурову В.Г.: мне верующие пишут, что я плохой глава Церкви, что я не информирую Правительство... Верующие и духовенство считают, что Патриарх своим бездействием потерял авторитет в глазах верующих и духовенства и не пользуется уважением в глазах советских властей, правительства, которое не хочет его принять»<sup>190</sup>.

В создавшейся ситуации нужен был спокойный и откровенный диалог руководства Русской Православной Церкви с руководством государства. Однако В. Фуров в одной из записок в руководящие инстанции предпочёл дать следующие советы: «... Учитывая также, что Патриарх на многое смотрит с позиций прошлого века, на наш взгляд, уместным будет разъяснить ему и некоторые общие проблемы развития нашего советского общества: страна строит коммунизм, развивается наука, растёт культура людей ... Партия и государство заботится о воспитании человека нового общества, свободного от идеалистических в том числе и религиозных предрассудков. И разве неясно какова, перспектива Церкви, скажем, лет через 20–30, когда люди в силу законов скажем развития общества и в результате воспитания будут атеистами. Это – закономерность развития истории. Так, что пусть Патриарх не обижается, что люди рвут с религией и закрывают церкви...»<sup>191</sup>

Н.С. Хрущёв, дважды выступая на XXII съезде КПСС в 1961 году, оба раза касался вопросов борьбы с религией. «Коммунистическое воспитание, – говорил он, – предполагает освобождение сознания от религиозных предрассудков и суеверий, которые всё ещё мешают отдельным советским людям полностью проявить свои творческие силы... Ведь не может духовное развитие человека проходить успешно, если голова его забита мистикой, суевериями, ложными представлениями».<sup>192</sup>

М.А. Суслов, один из главных идеологов атеизма того времени, называл религиозные настроения людей в ряду таких негативных общественных явления, как тунеядство, пьянство, воровство, хулиганство, взяточничество. Он утверждал, что сосуществование религиозного мировоззрения и социалистической идеологии «невозможно без предательства интересов коммунизма»<sup>193</sup>.

Перед партийными организациями ставилась задача через 12–17 лет в соответствии с программой КПСС полностью освободить сознание советских людей от пережитков старого строя, в том числе и от религиозных предрассудков<sup>194</sup>.

Одновременно были сделаны шаги, подорвавшие и материальную базу Церкви. Было запрещено продавать свечи по ценам более высоким, чем они приобретались в свечных мастерских. Это было серьезным ударом по доходам и бюджету церковных приходов, так как приобретение свечей в епархиальных свечных мастерских стало убыточным для храмов, что привело, в свою очередь, к закрытию мастерских<sup>195</sup>.

В соответствии с указаниями ЦК и лично Хрущева, 16 октября 1958 года, Совет Министров СССР принял постановление «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей». Вводился налог со строений и земельная рента (отменены с 1945 года), резко повышалась ставка налога с земельных участков<sup>196</sup>.

Важную роль сыграло то, что постановление, сообщенное Церкви 28 октября, вступило в силу уже с 1 октября, что повлекло за собой взыскание дополнительной платы за уже проданные свечи. Епархии и приходы оказались в катастрофическом положении и в Патриархию стали направляться отчаянные просьбы о помощи (нужно учитывать, что, например, по Московской мастерской увеличение налога на свечи составило 1033%). Епископ Ивановский и Кинешемский Роман (Танг) писал в Патриархию о катастрофическом состоянии его епархии и просил о денежной ссуде. Так, Ивановской епархии необходимо было заплатить налог за 4 квартал 1958 года в размере 3088 тыс. рублей, а в епархиальной кассе было лишь 100 тысяч<sup>197</sup>. Это привело к тому, что, уже в июле 1959 года, свечная мастерская в Ивановской епархии была закрыта «по предложению органов противопожарного надзора»<sup>198</sup>.

Но всё же в 1959 году, по свидетельству сменившего епископа Романа архиепископ Иларион (Прохорова) «несмотря на имеющиеся недостатки, духовная и хозяйственная жизнь в приходах епархии находилась на подобающей высоте»,<sup>199</sup> «храмы не вмещали всех богомольцев, повсеместно наблюдалось увеличение числа верующих, посещающих храм, примером чего служили не только городские, но и многие сельские храмы. Архиепископом Иларионом ставился вопрос об увеличении их числа».<sup>200</sup>

Но уже тогда, до реформ приходского управления отстранивших духовенство от управления финансово-хозяйственной деятельностью приходов, архиепископ Иларион отмечал в 1959 году в деятельности исполнительных органов следующие недостатки: «факты нецелесообразного расходования церковных средств, злоупотребления, отсутствие должного контроля за постановкой финансово-хозяйственного учёта, подмена функций одних должностных лиц другими и тому подобное»<sup>201</sup>. Однако, по его словам, в то время «указанные факты были немногочисленны... к виновникам нарушения принимались меры вплоть до отстранения их от должности».<sup>202</sup>

В особую проблему вылилось ренегатство. В конце 1950-х начале 1960-х годов около 200 священнослужителей, под давлением властных советских структур заявили о своем отречении от сана<sup>203</sup>. Многие из них использовались советской антирелигиозной агитацией, ими писались и издавались книги, «разоблачающие» религию<sup>204</sup>. Однако существенного воздействия на сознание верующих эта акция не оказала. Ренегаты вызывали лишь презрение.

30 декабря 1959 года Священный Синод под председательством Патриарха Алексия I вынес постановление: «Бывшего протоиерея и бывшего профессора Ленинградской Духовной Академии Александра Осипова, бывшего протоиерея Николая Спасского и бывшего священнослужителя Павла



Дарманского и прочих священнослужителей, публично похуливших имя Божие, считать изверженными из священного сана и лишенными всякого церковного общения... Евграфа Дулумана и прочих бывших православных мирян, похуливших имя Божие, отлучить от церкви»<sup>205</sup>.

В адрес отреченцев направлялись обличающие письма от верующих. Среди учащихся Ленинградской Духовной Академии и Семинарии широкое распространение получило стихотворение «Новый Иуда», автор которого неизвестен. Оно является ярким примером «религиозного самиздата» конца 1950-х годов. Там в частности есть такие строки:

«Первый Иуда, предавший Христа,  
Чувствовал – совесть его нечиста,  
Мучился точно в кипящем котле  
И успокоился только в петле.  
У Дулумана иная сноровка.  
Совести нет, не нужна и веревка –  
Был бы лишь туго набитый карман...  
Умер духовно Евграф Длуман.»<sup>206</sup>

Как отмечает М. В. Шкаровский, «Архивные документы свидетельствуют, что многие из отрекшихся от сана уже к середине 1960-х годов спились, покончили с собой, некоторые просили своих архиереев о прощении»<sup>207</sup>. В связи со всем этим в дальнейшем властям пришлось отказаться от практики использования беспринципных отреченцев в пропагандистских целях.

Известный религиозный писатель того времени А. Левитин-Шавров так характеризовал написанные этими ренегатами книги и статьи: «Уже выработался определённый шаблон отречения. Сначала самыми черными красками рисуется духовная среда, причём выясняется, что автор очередной «исповеди» был единственным исключением из правила: был искренне верующим, бескорыстным, морально чистым человеком. Затем следует рассказ о «противоречиях» в Евангелии – эти так называемые «противоречия» (вроде того, что неизвестно в каком году умер Христос) уже давным-давно всем известны. Однако, наш «праведник» только сейчас их заметил и «прозрел». Кончается «исповедь» как правило, гимном советскому обществу, списанным из первомайской стенгазеты»<sup>208</sup>.

Далее он отмечает: «Ошибкой было бы, однако, считать что антирелигиозная пропаганда не заслуживает внимания. За её спиной стоят мощные и грозные силы, – и с этими силами нельзя не считаться, их нельзя отвергать»<sup>209</sup>.

Религиозные убеждения в то время могли стать причиной ограничений в трудоустройстве. Тот же А.Э. Левитин-Шавров свидетельствовал: «Сейчас (в 1960–61 гг.) верующих учителей снимают с работы или заставляют уйти по собственному желанию». Антирелигиозники это признают и с неслыханным цинизмом, совершенно открыто, проповедуют такие произвол и беззаконие, каких не было даже во времена Берии и Ежова».<sup>210</sup>

Хрущёв объявил о начале перехода СССР в период «предкоммунистических отношений», когда распространение научных

«знаний» не оставляет место для веры (в Бога).

Если в сталинской концепции создания советско-русской национальной империи в борьбе с космополитизмом Русская Церковь рассматривалась не как враждебная, а как патриотическая народная сила, то с хрущёвскими планами и стремлениями к идее «интернациональной сущности коммунизма» партия и правительство возвращаясь к эпохе бурь и натиска» на Церковь и верующих революционных двадцатых годов.<sup>211</sup>

21 июня 1960 года был снят с поста председателя отдела внешних церковных связей митрополит Николай (Ярушевич), самый энергичный из постоянных членов Священного Синода. Архиепископ Василий (Кривошеин) в своих воспоминаниях пишет: «всех нас, как громом, поразила внезапность и непонятность отставки митрополита Николая... Положение митрополита Николая на должности главы «иностранного» отдела казалось настолько прочным, деятельность его в этой области была всецело в русле политики советского правительства, а известность его за границей столь велика, что отставка выглядела совсем необъяснимой. Что-то важно происходит в стране, решили все, но что именно, было неясно. Вероятно, плохое!»<sup>212</sup> 16 сентября 1960 года он был уволен на покой, а 13 декабря 1961 года скончался. Обстоятельства его смерти до конца не выяснены и поныне»<sup>213</sup>.

В 1960 году был осуждён на три года заключения архиепископ Иов (Кресович) за то, что активно пытался противодействовать закрытию церквей в епархии. Он разъезжал по сёлам и призывал паству твёрдо стоять за свои храмы. Архиепископ Иов был обвинён в неуплате налогов и в сокрытии доходов.

В беседе с архиепископом Брюссельским Василием (Кривошеиным), состоявшейся в июле 1960 года митрополит Николай (Ярушевич) объяснил: «Согласно с установившимися правилами архиереи платят налог со своего жалования. Кроме того они получают на представительство (куда часто входят содержание машины, секретаря, поездки и т.д.). Эти суммы налогами не облагаются и в инспекцию не заявляются. А вот к архиепископу Иову придрались, что он эти суммы на представительство скрывал, налогов с них не платил. Но даже в этих случаях, когда кто-нибудь скрывает доходы и не платит налогов, за это не сажают сразу в тюрьму, но предлагают уплатить недостающий налог, и только в случае отказа могут подвергнуть наказанию. Архиепископ Иов предложил всё уплатить что с него требуют. Тем не менее его приговорили к трём годам»<sup>214</sup>.

Число арестованных и осуждённых священнослужителей составляло тогда несколько сот, среди них были и «повторники» уже отсидевшие за то, что во время войны служили на оккупированных территориях.

Закрытие приходов в 1959 году приобрело массовый характер, в следующем году оно осуществлялось с ещё большим размахом, сравнимым разве что с кампаниями эпохи великого перелома. Из 13 008 приходов на 1 января 1961 года остался 11 571, 1437 храмов были закрыты, многие разрушены или взорваны<sup>215</sup>.

«Чувствую себя нервным от общего лада церковных дел...», – именно такие слова написал в конце августа 1959 года Патриарх Московский и всея Руси Алексий (Симанский), оценивая государственно-церковную политику в стране. По его мнению, это было связано с каким-то новым отношением к делам Церкви со стороны гражданских властей<sup>216</sup>.

13 января 1960 года было принято постановление ЦК КПСС «О мерах по ликвидации нарушений духовенством Советского законодательства о культах». Основное внимание уделялось тому, что «Положение об управлении Русской Православной Церкви», принятое Поместным Собором 31 января 1945 года, отстранило прихожан от управления церковным имуществом и денежными средствами, вернув эту прерогативу, как было и прежде, настоятелям. «Положение» было утверждено постановлением Совнаркома 28 января 1945 года. Между тем, декрет об отделении Церкви от государства от 23 января 1918 года и последующие инструкции Наркомюста по его проведению в жизнь предусматривали положение, по которому церковным имуществом могли распоряжаться религиозные общества. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года «О религиозных объединениях» предоставило религиозным обществам право распоряжаться всем церковным имуществом, ведать наймом «служителей культа». Постановление Совнаркома от 28 января 1945 года вступило в противоречие с этими документами, на что обращало внимание постановление ЦК КПСС от 13.01.1960 года.<sup>217</sup>

Годом позже, 16 января 1961 года, Совет министров СССР принял специальное постановление «Об усилении контроля за деятельностью церкви». Оно отменило все законодательные акты, принятые в годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные десятилетия. Эти два постановления стали правовой основой реформы, включавшей в себя шесть основных положений:

1. Коренную перестройку церковного управления, отстранение духовенства от административных, финансово-хозяйственных дел в религиозных объединениях, что подрывало бы авторитет служителей культа в глазах верующих;

2. восстановление права управления религиозными объединениями органами, выбранными из числа самих верующих;

3. перекрытие всех каналов благотворительной деятельности церкви, которые ранее широко использовались для привлечения новых групп верующих;

4. ликвидация льгот для церковнослужителей в отношении подоходного налога, обложение их как некооперированных кустарей, прекращение государственного социального обслуживания гражданского персонала церкви, снятие профсоюзного обслуживания;

5. ограждение детей от влияния религии;

6. перевод служителей культа на твердые оклады, ограничение материальных стимулов духовенства, что снизило бы его активность».<sup>218</sup>

Но искренне ли верил главный идеолог новых гонений на Церковь Н. С. Хрущев в возможность скорого построения коммунизма, в котором не должно быть места религиозным предрассудкам?

Одна из наиболее серьезных исследователей истории Русской Церкви в XX веке О. Ю. Васильева отвечает на это так: «В это верится с трудом. Приведу яркий пример. В 1959 году Москву посетил известный итальянский гуманист мэр Флоренции Джорджо Ла Пира. Он был принят Хрущевым, затем неоднократно писал советскому лидеру. И в одном из своих писем, датированном 14 марта 1960 года можно прочесть следующее: «Уважаемый господин Хрущев, от всего сердца желаю Вам скорейшего выздоровления. Вы знаете, я уже писал Вам об этом несколько раз, что я всегда молился Мадонне, нежной Матери Христа, к которой Вы с юношеского возраста относились с такой любовью и такой верой, чтобы Вы могли стать подлинным создателем «всеобщего мира» в мире,» (это письмо не дошло до адресата, оно было задержано в советском посольстве в Италии и позже передано в МИД).

Вряд ли Ла Пира стал бы придумывать это, скорее всего подобный разговор состоялся при встрече. Важность этого факта – в дополнительных чертах к портрету Н. Хрущева: рассуждать о вере и искоренять ее более искусно, чем в довоенные десятилетия, бороться с «сталинским наследием», оставаясь при этом человеком прежней системы по духу и плоти»<sup>219</sup>.

## **§ 2. Реформа приходского управления. Заккрытие храмов, как одно из важнейших направлений хрущевской антицерковной политики.**

Идеологи «церковной реформы» отчетливо представляли себе, что «перестройка церковного управления» может оказаться делом «сложным и деликатным». Решение было найдено быстро: «Для того, чтобы не вызвать каких-либо осложнений в отношениях между Церковью и государством, многие мероприятия проводить церковными руками»<sup>220</sup>.

18 апреля 1961 года, под жестоким давлением Совета по делам РПЦ, Священным Синодом было принято постановление об отстранения священнослужителей от хозяйственных дел в приходах. Несогласие со столь радикальной реформой приходского управления многих видных иерархов, потребовало дополнительного утверждения ее на Архиерейском Соборе<sup>221</sup>.

18 июля 1961 года в Троице-Сергиевой Лавре состоялся Архиерейский Собор, который установил новую организацию приходского управления. Проводилась реформа, как вынужденная мера, в тяжелые для Церкви дни, когда гонения на нее резко усилились. Выставлено было требование привести «Положение об управлении РПЦ» в строгое соответствие с постановлением ВЦИК и НК РСФСР 1929 года «О религиозных объединениях», которое устраняло священнослужителей, как лиц лишенных избирательного права, от участия в хозяйственных делах религиозных общин. То, что после издания Конституции СССР 1936 года, предоставившей всем гражданам одинаковые права, постановление это вступило в противоречие с основным законом государства, игнорировалось<sup>222</sup>.

В результате реформы приходского управления сложилась ненормальная ситуация, когда настоятели приходов, лишившиеся всякой возможности вмешательства в хозяйственные дела общин, оказались в положении наемных лиц у церковного совета, состоявшего из мирян, причем зачастую далеко не религиозных. Власть же епархиального архиерея над приходами минимизировалась до такой степени, что после снятия с регистрации назначенного им настоятеля, приходы становились подведомственны только государственному регистрирующему органу.

Духовенство восприняло реформу приходского управления неоднозначно. Например, один из священников Костромской епархии в беседе с уполномоченным по поводу ее заявил: «С этой перестройкой я, как настоятель превратился в половую тряпку, которой можно лишь потереть пол. Никому не имею права ничего приказать. К ящику<sup>223</sup> не подходи, мною могут командовать всякие старухи»<sup>224</sup>. Аналогичное настроение вынашивалось целым рядом священников. Другая же их часть пошла по иному пути: внешне они подчинялись, но фактически продолжали распоряжаться финансово-хозяйственными делами церкви, используя лично им преданных малограмотных членов исполнительных органов<sup>225</sup>.

Архиепископ Никон (Фомичев) вспоминал: «духовенство оказалось в подчинении у старост, которые нередко творили полный произвол. В калужском кафедральном соборе, например, староста отменила все крестины – они совершались только во втором, Никольском храме. ...старосты возомнили себя «князьками» Церкви. Без их согласия священник или епископ не мог принять на работу или уволить даже уборщицу в храме. На собрание, избиравшее церковный совет, духовенство не допускалось. Решать, какой быть церковной общине, мог атеист, а священник не имел на это права...»<sup>226</sup>

Впрочем, были и совсем иные мнения. Например, на Поместном Соборе 1988 года архиепископ Иркутский и Читинский Хризостом дал положительную оценку приходской реформе 1961 года: «Помню сороковые годы, с 1943 по 1954 годы у нас тоже было возрождение, даже более мощное, чем сейчас; открывались храмы тысячами. Священнослужители имели возможность и административной и пастырской деятельности. Начали с того, что покупали себе роскошные дома на самом видном месте, красили заборы в зеленый цвет. А машины – не просто «Волги», а ЗИЛы. Я думаю, что великим благом... было то, что в 1961 году отказались от административной деятельности. Это промыслительно потому, что последующие годы были трудные, но, если бы священники были у власти, то их всех бы пересажали на законном основании»<sup>227</sup>.

Но такое мнение являлось единичным. Большинство духовенства и простых верующих восприняли реформы отрицательно.

Выход для духовенства из создавшейся ситуации обозначил Святейший Патриарх Алексий I «Умный настоятель, благоговейный совершитель богослужений и, что весьма важно, человек безукоризненной жизни, всегда сумеет сохранить свой авторитет в приходе. И будут прислушиваться к его мнению, а он будет спокоен, что заботы хозяйственные уже не лежат на нем и что он может всецело отдаться духовному руководству своих пасомых».<sup>228</sup>

Эти слова наставления дали силу противостоять лавине «церковной реформы», направленной в первую очередь на изменение всего строя церковной жизни и уничтожение порядка приходского управления.

Одновременно с реформой был произведен, так называемый, «единовременный учет». Проверялось не только количество церковных зданий, их площадь и другие габариты, и даже не только количество совершаемых треб, но все, вплоть до того, сколько людей посещает храм в дни церковных праздников. Так, например, данными единовременного учета 1961 года было установлено, что в Костромской области разовое посещение церквей в дни больших религиозных праздников составляет около 22 тысяч человек<sup>229</sup>.

По данным уполномоченного Совета по г. Москве в день праздника Благовещения Пресвятой Богородицы 7 апреля 1959 года в Москве функционировали 36 церквей, в которых совершались две литургии в 8 и 10 часов утра. Количество посетивших церкви в этот день составляло примерно 90–100 тысяч человек, подавляющее большинство (90–95%) присутствующих составляли женщины и только 5010% было мужчин престарелого возраста.<sup>230</sup>

При проведении единовременного учета «было выявлено много бездействующих церквей, не используемых молитвенных зданий, затухающих приходов. Совет принял меры по ликвидации практики субсидий таким приходам со стороны более сильных религиозных объединений и Патриархии, что повлекло прекращение их деятельности. На местах разобрались с каждым религиозным обществом. В соответствии с законом, общественные здания, захваченные церковниками в период войны, были возвращены их прежним владельцам и превращены в учреждения культуры, школы. Многие слабые и распавшиеся религиозные объединения сняты с регистрации. Материальная база православия заметно сузилась». (Таковыми словами докладывал в ЦК КПСС В. Фуров, заместитель председателя совета по делам религий, рапортуя об итогах перестройки церковного управления).<sup>231</sup>

В Ивановской епархии в одном только 1961 году было закрыто семь храмов: в погосте Ананьин Конец Заволжского района, в селе Бортницы Родниковского района, во Всехсвятском погосте Южского района, в селе Дроздово Шуйского района, в селе Иванове Середского района, в селе Спас Шелутино Палехского района, в селе Филиппково Комсомольского района. Если на 01.01.1961 года число приходов Ивановской епархии равнялось 56, то на 01.01.1962 года оно сократилось до 49<sup>232</sup>.

Заккрытие проходило неравномерно, в разные годы и в разных областях. Например, в той же Ивановской епархии в 1959–1960 году, когда по все стране активно шло закрытие храмов, церкви не закрывались; только с июня 1959 года «по предложению органов пожарного надзора» была закрыта епархиальная свечная мастерская, служившая до определенного времени источником больших доходов для епархии. В 1962 и 1963 году в Ивановской епархии было закрыто по два храма, еще один храм был закрыт в 1964 году. В отличие от многих других епархий Советского Союза, начиная с 1965 года, закрытия храмов в Ивановской епархии не происходило<sup>233</sup>. (В Костромской епархии, в период с 1962 по 1983 год, количество действующих церквей сократилось с 77 до 65<sup>234</sup>. Во Владимирской епархии с 1962 по 1975 год – соответственно 61 и 51)<sup>235</sup>.

Приводимые ниже таблицы иллюстрируют, как изменялось количество храмов в период проведения реформы приходского управления в Костромской и Ивановской областях:

#### **Таблица 1<sup>236</sup>. Закрытие храмов в Костромской области в 1961–1964 годах**

|                                 |      |      |
|---------------------------------|------|------|
| Год                             | 1961 | 1964 |
| Количество действующих приходов | 77   | 73   |

#### **Таблица 2<sup>237</sup>. Закрытие храмов в Ивановской области в 1961–1964 годах**

|                                 |      |      |      |      |
|---------------------------------|------|------|------|------|
| Год                             | 1961 | 1962 | 1963 | 1964 |
| Количество действующих приходов | 56   | 49   | 47   | 44   |

Для очередных закрытий использовались все возможности. В плане уполномоченного Совета по Костромской области на 1964 год значилось: «Совместно с райисполкомами и райкомами провести социологическое обследование населенных пунктов в районе одиннадцати церквей, ... где из-за отсутствия священников длительное время нет богослужений и где финансовое положение религиозных объединений свидетельствует о том, что церковь не поддерживается населением и после этого решить вопрос о снятии с регистрации религиозных обществ»<sup>238</sup>. Впрочем, необходимо отметить, что во многих областях РСФСР статистика функционирования церквей и служащих священнослужителей была намного более удручающей, чем например в Ивановской и Костромской областях. А приводимая ниже таблица иллюстрирует ситуацию в национальных регионах, не имеющих глубокий православных традиций.

**Таблица 3<sup>239</sup>. Количество православных церквей, молитвенных домов и священников в некоторых областях РСФСР (на 01.01.1958)**

| Область / Количество  | Священников              | Церквей и молитвенных домов |
|-----------------------|--------------------------|-----------------------------|
| Алтайский край        | 19                       | 11                          |
| Якутская АССР         | 6 (из них<br>внештатных) | 3                           |
| Тувинская АО          | 2                        | 2                           |
| Чечено-Ингушская АССР | 9                        | 5                           |

Нужно отметить, что к началу 1962 года во Владимирской области имелось 346 недействующих храмов. Общая характеристика их приводится ниже в таблице.

**Таблица 4<sup>240</sup>. Закрытые храмы Владимирской епархии (на 01.01.1962 г.)**

| Количество храмов | закрытых       |                | Использование закрытых храмов |                     |                     |                  |    |
|-------------------|----------------|----------------|-------------------------------|---------------------|---------------------|------------------|----|
|                   | Сроки закрытия |                | Из них                        | Под                 | Под                 | Признано         |    |
| Общее количество  | С До           | С 1941 по 1960 | памятников архитектуры        | культпросвет. нужды | хозяйственные нужды | подлежащим сносу |    |
|                   |                | 01.01.1962     |                               |                     |                     |                  |    |
| 346               | 330            | 12             | 4                             | 117                 | 44                  | 223              | 79 |

Из этой таблицы наглядно видно, как мало ценились в советское время культурно-исторические ценности религиозного характера. Из 117 закрытых храмов, являющихся памятниками архитектуры, лишь 44 использовались под



культурно-просветительские нужды, следовательно, остальные либо использовались под хозяйственные нужды (склады, цеха и т.п.), либо же были признаны подлежащими сносу. Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР обычно легко утверждал постановления облисполкомов о сносе и переоборудовании недействующих православных церквей. В 1960-е годы, среди множества прочих, были утверждены решения Владимирского облисполкома о переоборудовании церкви в селе Окшово Ляховского района под клуб. В селе Осипово Кировского района – под склад. Был решен вопрос о разборке церковных зданий в селе Сновицах Суздальского района, селе Черкутино Ставровского района, как аварийных<sup>241</sup>. Нужно еще вспомнить о том, что 346 – это не количество храмов, закрытых во Владимирской епархии после революции, а лишь тех из них, которые сохранились до 1962 года. А сколько храмов было уничтожено до этого времени! И из этих 346 оставшихся стоять закрытыми храмов, 79 были признаны подлежащими сносу, т.е. почти 23%.

Не всегда закрытие храмов происходило спокойно. Верующий народ не желал отдавать свои святыни на поругание. Например, в 1960 году стоял вопрос о закрытии Успенского собора в г. Владимире и переводе его на музейный режим; взамен верующим предлагалось предложить Успенскую церковь Княгинина монастыря в г. Владимире, являющуюся памятником архитектуры XVI века. Собор этот, открытый в апреле 1944 года, с 1949 по март 1954 года был закрыт для богослужений, в связи с ремонтно-реставрационными работами. И в 1960 году, видимо, предполагалось под предлогом таких работ спокойно его закрыть.

Но сильные протесты верующего народа помешали закрытию, хотя богослужения и были ограничены ввиду ремонтно-реставрационных работ, продолжавшихся с перерывами вплоть до начала 1980-х годов. Интересно, что обвинявшие верующих в неумении хранить бесценные фрески собора, руководители советских органов культуры сами об их сохранности совсем не заботились.

В 1965 году внутри собора проводились съемки киносъемки фильма «Андрей Рублев». По ходу съемок внутри собора разжигался костер (отсюда копоть и прочие загрязнения иконостаса), а применение высоковольтных прожекторов с пучками света, направленного на фрески, привели к грубому нарушению установленного климата (температура, влажность), фрески под воздействием прожекторов портились и приходили в аварийное состояние. Кроме того, в период съемок, под куполом собора возник пожар разрушивший купол собора. Пожар возник в ходе киносъемок. При тушении пожара в собор проникло много влаги, которая сильно сказалась на сохранности фресок Рублева.

Церковная община собора провела работы по консервации этих фресок и затратила на это 25000 рублей. Община также произвела полный ремонт кровли собора<sup>242</sup>.

Верующие боролись не только за соборы, но и за маленькие сельские храмы. В 1964 году, по поводу закрытия церкви в селе Елховка Тейковского

района Ивановской епархии, около ста человек прихожан направили письма протеста уполномоченному Совету по делам РПЦ при Совмине СССР, Патриарху, уполномоченному по Ивановской области, в Ивановское епархиальное управление.

Сам захват этой церкви иначе, как разбойничьим назвать невозможно. 11 декабря 1963 года уполномоченный при Тейковском райисполкоме, вместе с некоторыми представителями местной власти, среди которых был начальник местной милиции, приехали в церковь и потребовали от председателя церковного совета выдать им ключи от церкви под предлогом производства ревизии и проверки церковного имущества. Староста отдавать ключи не хотела, но ее запугали и чуть ли не силой отобрали ключи. После этого было изъято мелкое церковное имущество и утварь, а также были изъяты и другие ценности: свечи, наличные деньги, банковские документы по текущему счету, церковная печать, штамп и регистрационная справка на церковь. В этом случае все апелляции верующих оказались бесполезными<sup>243</sup>.

Но нередко были случаи, когда храмы закрывались «по-тихому». Митрополит Николай (Ярушевич) приводил такой пример закрытия храма: уполномоченный снимает священника с регистрации. Архиерей вынужден подчиниться и назначает на приход другого священника. Но уполномоченный продолжает упорно, аод разными предложениям отказывать в регистрации нового священника. В результате в храме свыше шести месяцев не совершается богослужение, и власти закрывают храм как недействующий.»<sup>244</sup> Подобные вещи происходили повсеместно. Например «священник села Межи Родниковского района Ивановской области о. И. Рябинин указом от 7 августа 1962 года был перемещен настоятелем церкви села Филисово, того же района и области с тем, чтобы настоятель церкви села Филисово о. И. Табаков был перемещен в церковь села Межи.

Когда протоиерей о. И. Табаков приехал в епархию за назначением в село Межи, то уполномоченный по делам РПЦ по Ивановской области Н.Н. Желтухин попросил повременить с его назначением, ссылаясь на решение Ивановского облисполкома о закрытии церкви в селе Межи»<sup>245</sup>. Также уполномоченным Советом по Ивановской области отмечалось, что и после закрытия церкви в селе Филиппково Комсомольского района никаких жалоб и заявлений с просьбой ее открытия не было<sup>246</sup>. Не везде верующие достаточно активно боролись за свое право на свободу совести.

Митрополит Николай (Ярушевич) приводил и более резкие способы закрытия храма: «В один назначенный властями день, обыкновенно в воскресный, после окончания богослужения, года народ уже разошелся, около храма собирается толпа в несколько сот человек. Все это коммунисты, комсомольцы и весь так называемый актив. Они вооружены соответствующими инструментами и в течение нескольких часов физически разрушают и уничтожают храм! А церковную утварь, книги, облачение, иконы – грузят на грузовики и увозят в неизвестном направлении.»<sup>247</sup>

Сокращались и представительские возможности епархий и их управляющих. В середине 60-х годов управляющий Ивановской епархией

митрополит Антоний (Кротевич) передал городу прекрасное здание епархиального управления, в котором имелся и большой домовый храм, а также некогда располагались и свечные мастерские. Взамен этого здания был куплен небольшой дом, куда было по благословению Патриарха Алексия I перенесен и домовый храм, расположенный в старом здании епархиального управления<sup>248</sup>.

Последствия реформы приходского управления оказались весьма негативные. Вследствие ее священник превратился в «служителя культа», нанятого исполнительным органом, а, следовательно, мог быть уволен по усмотрению этого органа. Проведение, так называемого, «единовременного учета» способствовало установлению тотального государственного контроля над всеми сторонами церковной жизни. Ограничилась проявившаяся вновь после ВОВ власть епархиальных архиереев над приходами, которые после отстранения священника, становились подчинены и подотчетны только государственному регистрирующему ведомству. Под любыми предлогами происходило закрытие храмов. Соотношение открытых и закрытых храмов в 1960-е годы на примере Владимирской епархии было примерно один к шести. А например в Кировской области с 1960 по 1964 год из 75 церквей и молитвенных домов, действовавших в 1959 году, было закрыто путем произвола и насилия 40 церквей или 53%. В Полтавской епархии в 1958 году было 340 храмов, в которых совершалось богослужение, а в 1964 году их осталось только 52. Всего в СССР за указанный период было закрыто более 10000 церквей, или половина всех храмов, действовавших после войны<sup>249</sup>. Исходя из имеющихся фактов, можно констатировать, что подавляющее большинство храмов закрылись не сами собой (в силу того, что люди оставили христианскую веру), а закрывались незаконно, организованным административным нажимом.

В то же время необходимо отметить, что в 1961–1963 годах, несмотря на разгул антицерковных репрессий, количество крещений и венчаний например в Ивановской епархии было намного более значительным, чем в 1968 году. Вопрос о высокой обрядности в Ивановской области рассматривался даже в органах Совета Министров РСФСР<sup>250</sup>. После чего, вероятно, были приняты «соответствующие меры», снизившие данные показатели. Но до этого, в 1961 году в Ивановской области было совершено 13720 крещений и 394 венчания, в 1962 году 13586 крещений и 282 венчания, за первое полугодие 1963 года – 5337 крещений и 123 венчания<sup>251</sup>.

Сокращалось количество духовенства. Во Владимирской епархии на 01.01.1962 года имелось 72 священника, на 01.01.1970 года – 62 священника<sup>252</sup>. Особенно резкое сокращение количества духовенства отмечалось в начале шестидесятых годов – во время пика хрущевских гонений. Так, в костромской епархии на 01.01.1961 года было 77 священников и 3 диакона, а на 01.01.1962 года стало 70 священников и 5 диаконов<sup>253</sup>.

Большой вред духовной жизни приносила и частая смена управляющих епархиями. Так, в Костромской епархии в течение только 1961 года сменилось

4 архиерея: архиепископ Пимен, архиепископ Иоанн, епископ Донат и епископ Никодим.

*Уполномоченный по Костромской области в своем отчете писал об этом: «Пимен – выбыл из области в марте 1961 года, будучи одновременно управделами Московской Патриархии. Большую часть времени находился в Москве, Костромской областью интересовался мало, за пределы Костромы не выезжал.*

*Иоанн – получив назначение от Патриархии к управлению епархии не приступал – ушел за штат.*

*Донат – прибыл из Новосибирской области в мае 1961 года, уволен 15 июля 1961 года. Имел крупные неприятности в прежней епархии. Вел себя крайне осторожно, за пределы областного центра не выезжал, влияния на религиозную жизнь не оказывал.*

*Никодим – зарегистрирован 12 августа 1961 года. С первых же дней проявил активность по ознакомлению с приходами. В отличие от своих предшественников принимает меры, чтобы оживить деятельность церквей, в первую очередь за счет комплектования их духовенством»<sup>254</sup>.*

Заккрытие храмов и инициированная советскими органами власти реорганизация приходского управления 1961 года были составными частями одного общего процесса гонения на Церковь, начавшегося в 1958 году и пошедшего на спад в 1964 году. В связи с политикой Хрущева, декларировавшего скорое построение коммунистического общества, в котором нет места «религиозным предрассудкам», Русская Православная Церковь оказалась в ситуации, в которой административная система советского государства вновь начала работать на ее уничтожение. Прекращению антицерковных акций в 1964 году было несколько причин; среди основных называют активизацию международной деятельности Русской Православной Церкви, но важнейшей причиной, видимо, следует считать смещение Н. С. Хрущева.

Мы видим, что давление государства на Церковь во время гонений государства на Церковь в СССР при Н.С. Хрущеве было достаточно сильным, однако имело существенные отличия по сравнению с антицерковными репрессиями 1920–1930-е годы. Уже не практикуется безнаказанное убийство священнослужителей государственными органами «на законных основаниях», заключения их в концлагеря, тюрьмы, а также их ссылка не носят массовый характер. Однако экономический и идеологический пресс, а также отстранение священнослужителей от экономических вопросов в приходах, приводят к закрытию многих храмов, причем это происходило административным путем.

«Хрущевские» гонения на Церковь, в целом бескровные стали исключительно тяжелым периодом жизни Русской Православной Церкви в Советском Союзе. Они также, как и гонения 1920–1930-х годов выявили среди православных священнослужителей и мирян как героев веры, так и ренегатов.

### **§ 3. Общественная реакция на антицерковную кампанию в России в 1958–1964 гг. Жизнь православного духовенства в этот период.**

Необходимо отметить, что более или менее активное общественное протестное движение против антицерковной политики в России возникло где-то во второй половине шестидесятых годов XX века, когда разгул антицерковных гонений на Церковь уже миновал. «Определенная часть советского общества относилась к масштабам кампании индифферентно, а демократически настроенные «шестидесятники» считали, что в СССР может быть построено справедливо социально ориентированное государство, где христианству не будет места».<sup>255</sup> Однако это не значит, что общественный протест на антицерковную политику Хрущева Н. С. полностью отсутствовал.

Архиепископ Иоанн Сан-Францисский, опубликовавший в Париже рукопись советского педагога и защитника веры А. Э. Левитина-Шаврова в предисловии к этой работе так характеризует общественное движение в России в защиту Церкви в этот период: «Это писатели, не имеющие надежды быть напечатанными в СССР, пишут свои обращения, опровержения, «ответы» и «письма в редакцию» разных периодических советских изданий. Эти сочинения другими переписываются и открыто в СССР распространяются среди верующих, а также направляются и к неверующим и к властям страны.

...В условиях Советского Союза верующие не имеют иных возможностей защитить свою веру и опровергать те непрекращающиеся лживые измышления о вере, которые печатаются там в миллионных тиражах и поддерживаются всеми изданиями страны и содействием властей, выполняющих антирелигиозный план. ...Левитин хочет не только свободы для верующих людей, он хотел бы свободы и для атеистов, правильно замечая, что «у нас в стране и атеизм не свободен». Казенный, принудительный и привилегированный, свыше насаждаемый атеизм так же не может быть свободным проявлением человеческого духа, как и казенная религия. И вот – верующие в Бога люди, защищая свободу веры, требуют и свободы выражения для атеизма...

С «кляпом во рту» (выражения Левитина) православные и все верующие в Бога люди живут и защищают в СССР свою веру. И в этой правде, которую они в себе несут, определенная победа».<sup>256</sup> А. Левитин-Шавров, прекрасный полемист, отвечая на бездарное описание одним из советских атеистических писателей крестного хода,<sup>257</sup> говорит, что оно столь же близко к действительности как следующее описание симфонического концерта: «Представьте себе такое описание: «Прихожу я в огромный зал. Сидит людей видимо-невидимо. И все хорошо одетые, настроение у них праздничное, радостное. Чему радуются – непонятно. Но вот показался какой-то лысый, в длиннополом черном хвостом пиджаке. Взмахнул какой-то палкой. И послышался откуда-то снизу оглушительный шум. Взглянул туда – батюшки, что такое: в какие-то трубы трубят, по какому-то сундуку (барабаном

называется) стучат, один какой-то как пилой на продолговатой штуке все пилит, пилит, никак не перепилит. А люди обалдело слушают этот невообразимый шум, а потом точно сумасшедшие принялись в ладони бить. Стыдно в XX веке, в наше прекрасное время, когда такие умные люди, как Геродник живут, такой ерундой заниматься». Многим нашим читателям это место может показаться плоским, бездарным, но чем собственно отличается это описание симфонического концерта от описания Геродником крестного хода!»<sup>258</sup>

В другой своей статье А. Левитин пишет: «Было время, когда атеистами называли себя вольные и отважные люди. Это была эпоха борьбы против всякого гнета, борьбы за обновление всех обветшавших институтов. В это время атеизм, хотя он был всегда глубоко ошибочным, в корне антинаучным мировоззрением, мог играть прогрессивную роль, воодушевлять отдельных людей на борьбу за народ, иметь в числе своих поборников великих революционеров и больших мыслителей.

Совершенно иначе обстоят дела теперь: современные антирелигиозники (типа «деятелей» журнала «Наука и религия») выступают как представители религиозной дискриминации, как профессиональные доносчики. Систематически, из номера в номер, они занимаются травлей религиозных людей, всячески стремятся раздуть человеконенавистническую историю, разжигают антирелигиозный фанатизм и клеветают на христианство, изображая его в карикатурном, явно искаженном виде».<sup>259</sup>

Впрочем, не все священнослужители Русской Православной Церкви поддерживали идеи А. Левитина; многие осуждали его за участие в прошлом в обновленческом расколе. Один протоиерей направил письмо архиепископу Иоанну, где критиковал его за публикацию трудов А. Э. Левитина, которые охарактеризовал следующим образом: «Его писанина просто возмутительна, так как она косвенно играет на руку врагам нашей веры, ведет к раздиранию «Нешвенного Хитона» Христова, к расколу. Видимо этого ищет мятежный дух Левитина»<sup>260</sup>. Однако архиепископ Иоанн так возразил ему на это: «Не против Левитина и им подобных надо нам, пастырям, сейчас направлять свои стрелы и обличения... братски относиться надо к тому, кто по существу все же «ходит с нами» и даже выражает «на кровлях» ту веру, которую мы иногда «шепчем лишь на ухо» своему народу»<sup>261</sup>.

Положение духовенства в этот период хорошо иллюстрируют следующие письма архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого): «В 1959-м обстановка еще более накаляется. «По горло занят тяжелыми епархиальными делами и трудными отношениями с уполномоченным». «Епархиальные дела становятся все тяжелее, по местам доходит до открытых бунтов против моей архиерейской власти. Трудно мне переносить их в мои восемьдесят два с половиной года. Но уповаю на Божью помощь, продолжаю нести тяжкое бремя». «Приехал член Совета по делам Православной Церкви, для проверки заявлений на уполномоченного. Ничего хорошего не принес и этот его приезд. Мне стало понятно: жалобы мои дадут мало результатов».

Письма 1960 года уже подлинный сигнал бедствия тонущего корабля. «Церковные дела мучительны. Наш уполномоченный злой враг Церкви Христовой, все больше и больше присваивает себе мои архиерейские права и вмешивается во внутрицерковные дела. Он вконец измучил меня». «Более двух месяцев пришлось мне воевать с исключительно дурным священником... Бунт против архиерейской власти в Джанкое, длящийся уже оголо года и поощряемый уполномоченным». «Общее положение церковных дел становится невыносимым»<sup>262</sup>.

Епископ Ковровский Афанасий (Сахаров) с большой скорбью говорил о закрытых церквях. «Великолепные храмы, построенные нашими предками, предназначенные для богослужения, стоят безмолвные, с осыпающимися стенами, с потемневшими куполами, как выколотые очи зияют их побитые окна. Когда-то здесь горели огни, толпились люди, стены оглашались пением, возносились молитвы. Вспомнишь – и плакать хочется... Но, благодарение Богу, что они еще целы. Пусть крестами своими освящают и осеняют землю нашу»<sup>263</sup>.

Говоря о духовенстве периода хрущевских гонений нельзя не обратить внимание на то, что к концу 60-х почти все правящие епископы принадлежали к поколению людей, выросших и получивших образование при советском режиме. Аналогичный процесс происходил и в среде приходского духовенства.<sup>264</sup>

Известный московский священник второй половины XX века протоиерей Всеволод Шпиллер отмечал, что они понимают Церковь совершенно иначе, чем традиционно верующие. У них в детстве... окружение было активно нерелигиозным и часть антирелигиозным... Вдруг они увидели Церковь в ее правде и красоте и присоединились к ней. Не употребляя самого этого слова, отец Всеволод утверждает, что они внутренне настолько смирились с секулярным тоталитаризмом, что просто не могут представить себе терпимое общество, с двумя типами законов: секулярным и церковным. Тот факт, что Церковь в Советском Союзе не имела статуса юридического лица, казался совершенно нормальным студентам 40-х гг., т. е. тому поколению, которое родилось и выросло при Сталине. Соответственно они не воспринимали и Церковь как общественный институт. Они воспринимали ее в очень узком смысле как «Собрание верующих», что полностью исключает юридический контекст.

Шпиллер дальше ссылается на конкретных епископов нового поколения, имеющих тот же менталитет, и полагает, что следствием этого будет в дальнейшем полное подчинение гражданским властям – их требованиям, законам и порядку – не просто из страха, но по убеждению, что в государстве может быть только одна власть и один закон.<sup>265</sup>

Вскоре после падения Хрущева советские профессиональные атеисты начали осторожную переоценку пяти лет преследований. По общему мнению, суровые преследования не оправдались: гражданская и политическая лояльность многих верующих была подорвана этими мерами. Лишившись зарегистрированных церквей, верующие уходили в подполье. А тайная,

неконтролируемая религиозная жизнь, по общему признанию, представляла для советской власти большую угрозу, чем легальная (а значит – контролируемая) Церковь. Более того, преследование верующих и их страдания привлекали к ним «нездоровые» симпатии со стороны тех, кто иначе остался бы вне религиозной сферы. Также и огромные усилия по вербовке на сторону атеизма ренегатов-священников принесли неожиданные плоды: верующие были убеждены, что эти изменники служили Церкви за деньги, а теперь будут по тем же причинам служить атеизму, так что чем большее их число покинет Церковь, тем для нее лучше. В целом же с падением Хрущева кампания преследования Церкви прекратилась, хотя очень немногие из закрытых церквей были тогда открыты вновь; их открытие и восстановление началось лишь после 1987 года.<sup>266</sup>

Общественная реакция на антицерковную политику Н.С. Хрущева, как мы видим, была достаточно слабой, так как большинство интеллигенции относились к проблемам Церкви, как к посторонним для себя проблемам. Меняется состав духовенства – к концу 60-х большинство священнослужителей люди, выросшие и получившие образование при Советском режиме. Как следствие этого меняется и менталитет духовенства, советские реалии начинают восприниматься им как должное.



### **III ГЛАВА. Отражение атеистической политики советского государства на внутрицерковной жизни и реакция советского общества на государственный атеизм в 1964–1988 гг.**

## **§ 1 Влияние государственного атеизма на внутрицерковную жизнь 1964–1988 гг.**

На фоне антицерковной реформы приходского управления и массового закрытия храмов, власти дали разрешение Русской Православной Церкви (и некоторым другим конфессиям в СССР) на установление экуменических контактов с целью закамуфлировать преследование религии. В 1961 году РПЦ ходатайствовала о принятии ее во Всемирный Совет Церквей (ВСЦ) – это ходатайство сразу же было удовлетворено. Отвлекающий маневр удался: ВСЦ и весь мир ликовали – Церкви в СССР свободны. Церковные деятели Московской Патриархии должны были представлять своим западным собеседникам церковную жизнь в СССР, как нормальную и свободную и опровергать любой намек на репрессии против верующих, как клевету<sup>267</sup>. Ради сохранения Православной Церкви в России во время гонений, ее иерархии, приходилось порой идти с властью на подобные компромиссы.

За 1961–1964 годы в СССР было осуждено по религиозным мотивам 324 человека. Многие из них были осуждены на лагеря, в поселения, ссылки. Нередко при ведении таких дел допускалось нарушение законности. Не случайно сразу после отставки Н.С. Хрущева, в октябре 1964 года, в Верховном Суде СССР прошло под председательством А.Ф. Горкина специальное совещание по вопросам нарушения социалистической законности в отношении верующих. А в январе 1965 года Президиум Верховного Совета СССР принял Постановление «О некоторых фактах нарушения социалистической законности в отношении верующих», в соответствии с которым была проведена работа по дополнительному изучению дел и были отменены многие судебные решения<sup>268</sup>. Председатель Совета по делам религиозных культов А. Пузин 21 ноября 1964 года уже с негодованием писал в ЦК КПСС, что за последние три с половиной года к уголовной ответственности привлекли более 700 верующих и, кроме того, многих сослали по Указу Президиума Верховного Совета РСФСР о тунеядцах. Он подчеркивал, что как тунеядцев судят стариков, получающих пенсию, рабочих и колхозников, добросовестно работающих на предприятиях и в колхозах<sup>269</sup>. Много осужденных верующих было реабилитировано, возвращено в места прежнего проживания.

Но притеснение верующих не прекращалось. Церковное руководство, как в центре, так и на местах, было практически беспомощно перед произволом властных советских государственных органов. Очень сложно было, например, совершить крещение взрослого человека и даже причастить младенца. О том, какие препятствия вставали при решении этих вопросов в Ивановской епархии, можно увидеть из приводимых ниже циркуляров управляющего Ивановской епархией митрополита Антония (Кротевича) от 10 сентября 1965 года и 14 сентября 1965 года.

«В тех случаях, когда с просьбой о крещении обращаются совершеннолетние и взрослые, священнику надлежит удостовериться в том,

что желание креститься у них несомненно и твердо. Их необходимо должным образом подготовить к таинству крещения. Только в этом случае надлежит обратиться ко мне, с просьбой благословить на совершение таинства крещения»<sup>270</sup>.

«В то время как родители детей отсутствуют, находятся на работе, бабки приносят детей в церковь для причащения, иногда против желания родителей. Родители выражают недовольство, так как причащение детей совершается против их желания. В таких случаях священникам не следует поступать против воли родителей»<sup>271</sup>.

Если первый циркуляр можно обосновать древнехристианскими традициями, которые действительно предписывали взрослым людям прежде, чем принять Таинство крещения, пройти через продолжительную катехизацию, то второй циркуляр является лишь следствием гонений на Церковь от безбожной власти, не имеющим под собой никаких догматических или канонических подкреплений в церковной традиции.

Над совершением треб был введен жесткий контроль со стороны государства. Все они заносились в специальные книги с указанием фамилий, паспортных данных, адресов участников. В некоторых местах советскими органами власти велся даже учет количества людей, посещавших храмы<sup>272</sup>. Для крещения ребенка требовалось присутствие обоих родителей, а кое-где и письменное заявление, выдавались квитанции. Эта акция преследовала сразу несколько целей. Резко усилился налоговый контроль. Деньги за требы стали поступать исполнительным органам, которые сдавали «излишки» в фонд мира. Информация об участии в церковных обрядах нередко передавалась официальным советским органам и могла служить причиной преследований по месту работы или учебы<sup>273</sup>.

Правда, через некоторое время давление на желающих принять Таинство крещения или отпеть умерших родственников несколько снизилось, но и тогда продолжало оставаться достаточно сильным.

Несмотря на это давление, число желающих, чтобы над ними были совершены церковные таинства, продолжало оставаться значительным. Со всей убедительностью об этом свидетельствует приводимая ниже таблица.

**Таблица 1<sup>274</sup>. Количество треб, совершенных в Ивановской, Костромской и Владимирской епархиях в 1960-е годы**

| Треба     | Епархия            |                   |                   |
|-----------|--------------------|-------------------|-------------------|
|           | Ивановская         | Владимирская      | Костромская       |
| Крещение  | 6453 (на 1968 г.)  | 8761 (на 1969 г.) | 7714 (на 1961 г.) |
| Венчание  | 58 (на 1968 г.)    | 153 (на 1969 г.)  | 269 (на 1961 г.)  |
| Отпевание | 10189 (на 1968 г.) | 9592 (на 1969 г.) | 3608 (на 1961 г.) |

Из этой таблицы мы видим, что наиболее часто совершаемыми требами были крещение и отпевание, сравнительно редкой – венчание. Так, в 1960

году, в Костромской области крестили 38,1% новорожденных, в 1961 году 43,3%<sup>275</sup>.

Особой проблемой была конфронтация церковных советов со священниками и епископами, связанная с тем, что по советскому законодательству духовенство не имело реальной власти в приходах.

Например в Ивановской епархии она приняла особо острую форму. На старосту Преображенского собора г. Иваново А. А. Вереникина и его окружение поступало много устных и письменных жалоб со стороны прихожан, но когда архиепископ Феодосий говорил об этом уполномоченному совету по делам религий по Ивановской области Н. В. Тимофееву, то уполномоченный непременно упрекал его в том, что он очень доверчивый человек и любит слушать сплетни<sup>276</sup>.

Были определенные проблемы и с исполнительными органами других приходов. Архиепископ Феодосий в отчете в Патриархию писал: «Самоуправно, дерзко и грубо ведет себя староста церкви п. Старая Вичуга А. Н. Морева, как в отношении прихожан, так и в отношении духовенства и даже архиерея. Маленький, но материально хорошо обеспеченный храм из-за ее нерадивого отношения содержится в грязном и запущенном состоянии. Священнослужителей она рассматривает как личных наемных работников. Не получая зарплаты, чтобы не лишиться пенсии, она занималась перепродажей несгоревших свечей в свою пользу; с прихожанами, духовенством и служащими Церкви была невероятно дерзка и груба»<sup>277</sup>.

А в отчете в Патриархию за 1972 год архиепископ Феодосий пишет: «Общее и принципиальное отношение ко мне церковного совета ясно и недвусмысленно выразил однажды председатель ревизионной комиссии кафедрального собора А. Н. Аксенов в разговоре обо мне с одной служащей собора сказав следующие слова: «Это для вас он Владыка, а для нас он ничто».<sup>278</sup>

Члены церковных советов подозревались прихожанами в равнодушном отношении к религии и даже атеизму, в разных манипуляциях со свечами, кружками и пожертвованиями<sup>279</sup>.

Заказ отпевания был сравнительно более легким делом, поэтому число отпеваний имеет наивысший показатель. Разительное отношение в количестве отпеваний по Ивановской и Владимирской епархиям с одной стороны и с другой – Костромской, свидетельствует, скорее всего, не о том, что такое огромное расхождение действительно имело место, а о том, что уполномоченный учитывал в отчете только очные отпевания, опуская заочные. Что касается венчаний, то, учитывая государственный, идеологический и иной прессинг на сознание молодежи того времени, неудивительно, что их число было весьма невелико.

Поставленная государством в строгие рамки, Церковь не могла в то время проявить достаточной активности в социальной, образовательной, просветительской и культурной сферах. Однако и ограниченные этими рамками православные епископы и священники всемерно старались способствовать духовному возрождению вверенных им епархий и приходов

теми средствами, которые были для них возможны, в основном – через личные беседы, исповеди, проповеди и наставления верующих. Очень непростыми были отношения духовенства с исполнительными органами приходов. Тот же архиепископ Феодосий констатировал: «Среди членов церковных советов, церковных служащих и певчих попадаются люди, не причащающиеся Святых Тайн, не присутствующие за богослужением, не подходящие прикладываться к кресту, Евангелию и иконам. Есть люди сомнительной нравственности во всех отношениях, а особенно – в семейной жизни, живущие без церковного венчания. Церковные счетоводы, в большинстве случаев, за церковными службами никогда не бывают и не исполняют никаких церковных обрядов». Далее владыка отмечает: «Церковные старосты иногда вступали в конфликты с духовенством. Поступали жалобы от прихожан на старосту. Были жалобы и на священников»<sup>280</sup>.

Необходимо привести несколько цитат из писем верующих Патриарху, чтобы проиллюстрировать это утверждение.

«На наш взгляд не внушает доверия весь церковный совет. В самом деле Гайдук это ярый антихрист и хитрый лицемер. Назначает Кротова невера сребролюбивая и к тому же легкого поведения. Покровский Н. С. сребролюбивый, кощунник и невера. Вот лица этих так называемых исполнителей органа собора».<sup>281</sup>

Другое, более позднее письмо, написано еще ярче: «Староста церкви Вереникин А. А. шофер по профессии, человек неверующий, очень грубый с прихожанами и духовенством, имеет жену и шесть человек детей. Регент храма Левчук Б. П. окончил духовную семинарию и академию, со своей супругой не живет, а как Вереникин А. прелюбодействует с певчими из своего хора и с женой отца Николая Чернявского, у которого тоже двое детей. Продавец Ильинская К. С. это такая личность, что страшно представить. Ильинская, некогда имея на руках троих детей, сдала их в детдом и сама нанялась в домработницы к отцу Александру Ильинскому (ныне покойный). Она разбила семью отца Александра (жена и дети ушли от него) и прижила с ним сына. На смертном одре она принудила отца Александра зарегистрировать с ней брак, не расторгнув брака с первой женой. Как ей удалось это сделать неизвестно. И теперь эта Ильинская, величая себя «матушкой», командует в храме»<sup>282</sup>.

Впрочем, некоторые заслуживающие доверия очевидцы событий того времени считают, что авторы кляуз были людьми намного более порочными и беспринципными, чем те, о ком они писали.

Один уважаемый священнослужитель в личной беседе выразил мнение, что работники исполкомов и уполномоченные были гораздо порядочнее, чем многие, так называемые «верующие», приходившие в храм из любви к клязам и пакостям ближним.

Вот, например, свидетельства о некоторых эпизодах служения преподобного архимандрита Леонтия (Стасевича), которому шел девятый десяток в селе Михайловское Фурмановского района Ивановской области:

«Ему делали подножки во время каждения храма, а несколько раз, как бы ненароком роняли на него тяжелые хоругви. Некоторые только что молились в храме, вышли на улицу и стали поджидать отца Леонтия, чтобы избить его. Но помощники батюшки догадались об этом, успели вывести его боковым выходом»<sup>283</sup>.

Контроль над исполнением треб со стороны властных советских структур и последующая соответствующая проработка обращающихся с просьбами об их совершении приводила к тому, что далеко не все, желавшие креститься или венчаться, решались на это. Очень мало было взрослых людей, решившихся креститься; большинство крещений было младенцев. Например, во Владимирской области в 1978 году из 10198 крестившихся совершеннолетних было только 242, а в 1974 году из 10198 лишь 74<sup>284</sup>.

Архиепископ Феодосий отмечал, что «крещений могло бы быть гораздо больше, если бы горсоветы и райисполкомы не проверяли систематически так называемые «книги записи обрядов», в которых церковные советы были обязаны записывать имена, фамилии, адреса родителей крещаемых младенцев, номера и прочие данные паспорта. В этих же книгах родители должны были собственноручно расписываться. Проверка книг сельских церквей производилась несколько раз в год. Городские же церкви должны были предоставлять свои книги в горсовет каждый месяц, причем они задерживались в горсовете на несколько дней»<sup>285</sup>.

В Ивановской области еще одно затруднение состояло в том, что для того, чтобы крестить ребенка, необходимо было согласие обоих родителей. А нередко были случаи, когда мать желала крестить ребенка, а отец нет, и наоборот. Большие трагедии для матерей, желающих крестить своих детей, возникали в том случае, когда мужья оставляли своих жен и детей, не расторгнув официально брака, и находились в безвестном отсутствии, обзаведясь новыми семьями. Имели место случаи, когда мужья, оставляли своих жен и, оформив развод, жили с другими в той же местности, совершенно не интересуясь детьми от первого брака, а между тем не желали дать согласие на крещение этих детей. И даже в таких случаях церковные советы были вынуждены отказывать матерям в крещении их младенцев. В то же время, в некоторых других областях не существовало таких строгих и непреклонных правил для крещения детей, отцы которых отсутствовали или порвали общение с ними<sup>286</sup>.

Шаги по подрыву материальной базы Церкви не прекращались и после 1964 года.

Архиепископ Никон (Фомичев) вспоминал: «В 1955 году я был назначен в Архангельск. Храмов там почти не оставалось. В короне действовали три храма, из них два кладбищенских, а в епархии – такой колоссальной – всего 16 приходов. Открывать было почти нечего. Я просил, правда, одну церковь, но мне не только не дали ее открыть, но, наоборот пытались закрыть два храма, а «взамен» дать лишнего священника к собору...

Собор был маленький. Я приехал в Архангельск в феврале и ужаснулся: все обросло инеем, льдом. Оказалось, что каменные плиты пола лежат прямо

на земле. Ремонт делать не разрешали. Лишь после долгих переговоров с властями нам разрешили положить в соборе маты (циновки, половики), а в алтаре настелить деревянный пол»<sup>287</sup>.

Помимо глобального препятствования нормальному осуществлению церковной деятельности местные власти придирались и ко всем мелочам. Например, когда в 1970 году по инициативе архиепископа Феодосия церковный совет Преображенского Собора города Иваново обратился в областное управление культуры с просьбой разрешить сделать в железной решетке, отделяющей солею от храма, две дополнительные дверки для прохода верующих после исповеди и причастия, а также для прохода обслуживающего персонала во избежание сутолоки и давки, то управление культуры отказало в этом, под предлогом, что нельзя нарушать интерьер памятника архитектуры. Между тем, решетка была сделана за 10 лет до обращения, из простого полосового железа и никакой художественной и исторической ценности не представляла, отношения к собору того времени, когда он был построен, не имела<sup>288</sup>.

Несмотря на такое тяжелое положение в храмах производились ремонтно-реставрационные работы. Так, в 1968 году, были произведены ремонтные работы в 17 храмах Ивановской епархии, в 1970 году в 18 храмах, в 1971 году в 14 храмах<sup>289</sup>.

Заккрытие духовных школ производилось под любыми предлогами. Их ликвидации предшествовала соответствующая идеологическая обработка общественного мнения через статьи в прессе, в которых приводились порочащие преподавателей церковных учебных заведений факты, порой не соответствующие действительности. Попытки же подвергнутых такой проработке преподавателей заручиться поддержкой и защитой перед общественным мнением у уполномоченного были, как правило, бесполезными<sup>290</sup>. Как это стало уже традицией в советском государстве, закрытие семинарий происходило «по многочисленным мнениям трудящихся», не желающих мириться с существованием «рассадников мракобесия»<sup>291</sup>. Епархиальные архиереи, до которых доходили слухи о предстоящем закрытии, находившихся на территории их епархий духовных школ, предпринимали тщетные попытки их сохранения.

За счет частой смены епархиальных архиереев властные советские структуры достигали дополнительной дестабилизации обстановки в епархиях; иногда – даже относительно безразличного отношения архиереев к нуждам епархий, к которым они не успевали привыкнуть. Впрочем, и здесь имелись исключения. Архиепископ Кассиан (Ярославский) управлял Костромской епархией с 20.05.1964 по 30.11.1988 годы, архиепископ Онисим (Фестианов) управлял Владимирской епархией с 27.08.1944 по 31.10.1970 годы, архиепископ Амвросий (Щуров) управляет Ивановской епархией с 18.11.1977 года по настоящее время.

Интересно отметить, что даже в предельно узких рамках своих административных возможностей разные управляющие епархией по разному видели идеальную структуру управления епархией. Так, в 1964 году

управляющим Ивановской епархией митрополитом Антонием была упразднена должность благочинных, которые являлись как бы кураторами над приходскими священниками, посредниками между ними и архиереем. По мнению митрополита Антония, «таким образом, улучшено и усилено было личное непосредственное руководство митрополита пастырской деятельностью духовенства»<sup>292</sup>. Совсем по-другому видел эту проблему архиепископ Ивановский и Кинешемский Феодосий, который писал следующее: «Первые шаги моей архипастырской деятельности затруднялись и осложнялись тем обстоятельством, что в епархии не было ни одного благочинного. Как выяснилось, Высокопреосвященнейший митрополит Антоний, управляя епархией, счел полезным для ее блага упразднить всех благочинных в 1964 году. Помимо того, что отсутствие благочинных не соответствует структуре управления епархией, утвержденной в «Положении об управлении РПЦ», создалось такое ненормальное положение, что в случае конфликтных дел и жалоб на священнослужителей не было, кого послать на место для ознакомления с истинным положением дела, в результате чего я не имел твердых оснований для решения спорных вопросов. Для исправления создавшегося положения мною были восстановлены благочинные округа: сначала три, потом еще один»<sup>293</sup>.

Неудивительно, что при определенного рода «опеке» со стороны властей, число священнослужителей было весьма невелико, хотя, впрочем, соразмерно числу храмов. Хорошо иллюстрируют это приводимые ниже таблицы.

**Таблица 2<sup>294</sup>. Сведения о численном составе духовенства Владимирской епархии в 1962–1984 годах**

|                         | Годы |      |      |      |
|-------------------------|------|------|------|------|
| Численность священников | 1962 | 1970 | 1975 | 1984 |
| Священников             | 72   | 62   | 61   | 70   |
| Диаконов                | 13   | 10   | 9    | 15   |

**Таблица 3<sup>295</sup>. Сведения о численном составе духовенства Ивановской епархии в 1977–1987 годах**

|                         | Годы |      |      |      |      |      |      |      |
|-------------------------|------|------|------|------|------|------|------|------|
| Численность священников | 1977 | 1978 | 1979 | 1980 | 1981 | 1983 | 1984 | 1987 |
| Священников             | 54   | 55   | 56   | 56   | 57   | 58   | 57   | 60   |
| Диаконов                | 9    | 9    | 11   | 12   | 15   | 13   | 12   | 21   |

Из этих таблиц мы видим, что число священнослужителей, достаточно резко сократившееся во времена хрущевских гонений 1959–1964 годов, в начале 1970-х годов стабилизировалось и в начале 1980 годов, на примере Владимирской епархии даже появилась тенденция к некоторому его увеличению. Однако значительный рост числа духовенства начался лишь после 1988 года.



Необходимо обратить внимание на то, что среди священнослужителей порой попадались личности непорядочные и неподходящие для этого служения. Архиереи боролись с этим явлением. Митрополит Ивановский и Кинешемский Антоний отмечал в 1965 году, что «одной из моих первых задач было внедрение надлежащей дисциплины среди приходского духовенства и наблюдение за должной постановкой церковного дела на местах... Приняты решительные меры по искоренению пьянства, лодырничества, кляузничества и прочих недостатков»<sup>296</sup>. О подобных проблемах в 1968 году писал и архиепископ Ивановский и Кинешемский Феодосий. Одного из священнослужителей, восьмидесятилетнего протоиерея П. Миловидова он характеризует как «уникальный тип священника – нигилиста»<sup>297</sup>. Необходимость постоянного поддержания строгой дисциплины в среде духовенства архиепископ Феодосий мотивирует следующим образом: «Существует мнение, что строгое отношение к клирикам может привести к количественному уменьшения членов клира, в которых и сейчас уже ощущается недостаток. Несомненно, применение строгой церковно-канонической дисциплины отразится на количестве членов клира, но зато возрастет качественный элемент, и это обстоятельство будет больше и лучше способствовать благу Церкви Христовой, чем стремление сохранить в клире явно недостойных людей, соблазнительная жизнь и деятельность которых отторгает людей от Церкви»<sup>298</sup>.

Необходимо отметить, что такая идеологическая борьба происходила на фоне всемерного ограничения Церкви во всех видах ее деятельности. Достаточно сказать, что в 70–80-е годы не только приход, но даже епархиальное управление не могло приобрести без санкции уполномоченного не только автомобиль, но даже пишущую машинку<sup>299</sup>.

Важнейшее событие внутрицерковной жизни этого периода – Поместный Собор Русской Православной Церкви 1971 года. Обстановку, в которой он проходил, хорошо характеризуют следующие воспоминания его участника, архиепископа Василия (Кривошеина): «Митрополит Никодим спросил: «Нет ли желающих задать вопросы?» Их не оказалось. Далее он спросил: «Все ли согласны, чтобы Собор одобрил процедуру выборов Патриарха и постановления 1961 года?»<sup>300</sup> Я на это сказал, что остаюсь при своем мнении, то есть совершенно не одобряю. Никто другой такого не сказал. Помню, как это меня поразило»<sup>301</sup>.

«Протоиерей Б. Осташевский (Калининской епархии) сказал, что доклады выражают мнение всех присутствующих, а поэтому мы должны «крепить могущество нашего государства», «строго соблюдать законы», «быть лояльными» (?). И что «мудрые решения 1961 года пошли на пользу Церкви и подняли авторитет священства, а собрание духовенства и мирян Калининской епархии единогласно их одобрили»<sup>302</sup>.

Интересны и другие личные наблюдения архиепископа Василия, сделанные им в ходе Собора: «Недавно в Калужской епархии уполномоченный «обложил» один из храмов таким большим взносом, что после его уплаты в Фонд мира у храма не хватало денег на требуемый

властями ремонт храма, который в результате был закрыт. Когда я спросил епископа Калужского Доната: «Правда ли, что у вас закрыли церковь», – он мне ответил: «Да знаете ли, это был громадный храм, а молящихся всего пять-шесть старушек... вот и пришлось закрыть храм». Но кто этому поверит? Всюду храмы переполнены и их не хватает, а тут всего пять-шесть старушек!»<sup>303</sup>

Среди важнейших деяний Поместного Собора 1971 можно назвать избрание Патриарха Московского и всея Руси Пимена, а также отмену клятв на старые обряды и придерживающихся их. В последнем документе, в частности, говорится: «Освященный Поместный Собор Русской Православной Церкви любовью объемлет всех, свято хранящих древние русские обряды, как членов нашей Святой Церкви, так и именующих себя старообрядцами, но свято исповедующих апостольскую православную веру»<sup>304</sup>.

Давление на Церковь со стороны государственных властей не прекращалось и в начале 1980-х годов. Архиепископ Никон (Фомичев) вспоминал: «В 1983 году в Перми на Пасху милиция не пускала в храм молодежь, причем милицейский автобус был поставлен так, чтобы люди не могли видеть крестный ход через ворота. Когда пошел на крестный ход, я тоже не выдержал, подошел к милиционерам и сказал:

– Что вы безобразничаете? Если не хотите пускать молодежь, так, дайте ей хотя бы видеть крестный ход!

– Хорошо, хорошо, мы автобус уберем.

Но вместо автобуса вскоре «убрали» меня, а ведь я стоял за интересы Церкви, за духовенство...»<sup>305</sup>

Мы видим, как сильно отражалась атеистическая деятельность советского государства в 1960–1980-е годы на внутрицерковной жизни. От интенсивности этой деятельности напрямую зависели такие показатели, как: количество закрываемых храмов, других религиозных учреждений; количество церковных треб; общая численность духовенства и храмов.

Начало 60-х явилось для Церкви сложным временем новых гонений, связанных с массовым закрытием храмов, «единовременным учетом религиозных объединений, молитвенных зданий и имущества, находящегося в пользовании религиозных организаций», позволившим собрать всестороннюю и полную информацию о Церкви, которая использовалась затем для дальнейшего ее ослабления. Очень сложно было верующему человеку, особенно с высшим образованием, поступить в Духовную семинарию или академию, стать священнослужителем. Число священнослужителей сокращалось вместе с числом храмов. Верующих «прорабатывали» по месту учебы, работы, жительства. Крещение ребенка, например, могло быть чревато для его родителей исключением из партии, крупными неприятностями на работе.

После отставки Хрущева гонения на Церковь несколько утихли, но продолжают, хотя и в более мягкой форме. Для своей борьбы против Церкви атеистическая пропаганда не гнушалась использовать ренегатов – отреченцев, любые внутрицерковные проблемы.

Между тем, вместе с началом перестройки, намечаются пути к перемене церковно-государственных отношений в СССР. Необходим был только сильный толчок, который стал бы переломным моментом в этих отношениях. И таким толчком стало широкое празднование 1000-летия Крещения Руси.

## § 2. Русская Православная Церковь и религиозные диссиденты в 60–80-е годы XX века

Во второй половине 1960-х появляются примеры активного общественного сопротивления государственному атеизму. Наиболее известный документ этого периода – открытое письмо Святейшему Патриарху Алексию I священников Николая Эшлимана и Глеба Якунина. Это письмо было написано в результате работы целой группы людей. Первоначальный вариант подготовил А.Э. Краснов-Левитин. Он был существенно переработан и дополнен священниками Николаем Эшлиманом и Георгием Эдельштейном. Над письмом работали также миряне Феликс Карелин, Лев Регельсон и Виктор Капитанчук. Священник Глеб Якунин высказал лишь общие идеи. Первоначально предполагалось, что это будет совместное письмо епископов и священников Патриарху, но затем практически все отказались дать свои подписи. Письмо содержало резкую критику в адрес советской политики в области религии и подписать его решились лишь два священника<sup>306</sup>. Копия письма была разослана правящим архиереями, а также Председателю Верховного Совета СССР, Председателю Совета Министров СССР, генеральному прокурору СССР.

Реакция Патриарха на это открытое письмо была весьма жесткой. Священники были запрещены в священнослужении, также было опубликовано специальное обращение Патриарха, где говорилось: «В их действиях мы усматриваем стремление нанести вред единству нашей Святой Церкви и нарушить мир церковный... Кроме того, в их действиях мы усматриваем и стремление возвести клевету на государственные органы... Распространению всевозможных «открытых писем» и статей должен быть положен решительный конец»<sup>307</sup>.

В 1966 году 12 верующих Кировской епархии подписались под письмом к Патриарху, составленном Борисом Талантовым. В письме говорилось о том, что религиозная жизнь разоряется руками церковного руководства. Письмо получило огласку за пределами страны. В результате травли, развязанной в местной печати скончались, не выдержав стресса, несколько человек, подписавших письмо, (в том числе жена Талантова – от инсульта) . 12.06.1969 года Б. Талантова арестовали и осудили на 2 года лагерей общего режима, где он и умер за несколько часов до освобождения<sup>308</sup>.

Кроме того, в 1968 году за свое письмо, в котором содержались обвинения в отходе от норм, выработанных Поместным Собором 1917–1918 гг. и резкая критика реформы приходского управления был отправлен на покой и послан в Жировицкий монастырь Калужский архиепископ Гермоген (Голубев)<sup>309</sup>.

1970–1980-е годы – время, когда наблюдается оживление общественного интереса к проблемам Русской Православной Церкви. Общественная реакция на засилье государственного атеизма становится ярко выраженной, появляются свидетельствующие об этом документы. Однако со стороны

церковной иерархии эти проявления свободомыслия не всегда встречают понимание, имеют место проявления идеализации ведущими архиереями государственно-церковных отношений в СССР.

Показательны следующие слова из интервью 1974 года архиепископа (позднее митрополита) Питирима (Нечаева): «Говорю как епископ и богослов: с отделением Церкви от государства религиозные общины утратили лишь изначала несвойственные им функции социального служения.

Церковь в Советском Союзе больше не занимается преподаванием Закона Божия для несовершеннолетних, потому что религиозные наставления несовершеннолетних детей способствует возникновению предрассудков и даже содержит в себе элементы духовного и нравственного насилия совести»<sup>310</sup>. В своей апологии советского режима он пошел намного дальше других иерархов.

Среди общественных деятелей, выступивших против антицерковных гонений нельзя не отметить Солженицына А.И., направившего на Крестопоклонной неделе 1972 года письмо Патриарху Пимену. Известный писатель-эмигрант пишет: «Пришиблено право продолжать веру отцов, право родителей воспитывать детей в собственном миропонимании, – а вы церковные иерархи, смирились с этим и способствуете этому, находя достоверный признак свободы вероисповедания в этом. В том, что мы должны отдать детей беззащитными не в нейтральные руки, но в удел атеистической пропаганде, самой примитивной и недобросовестной... По любому злу в дальней Азии или Африке Русская Церковь имеет свое взволнованное мнение, лишь по внутренним бедам – никогда никакого. ...На каждый действующий храм – двадцать в запустении и осквернении, – есть ли зрелище более надрывное, чем эти скелеты, достояния птиц и кладовщиков?»<sup>311</sup>

Создание в 1973 году Христианского комитета защиты прав верующих в СССР во главе с Глебом Якуниным свидетельствует об изменении ситуации в связи с ростом сопротивления антицерковной политике. Верующие многих приходов обращались в этот Комитет, который посылал петиции в адрес Патриарха и властей.

Советские органы государственной власти не собирались закрывать на это глаза. В 1979 году Глеб Якунин арестован, полученный им лагерный срок сокращен лишь в 1987 году. Разгромлены религиозно-философские семинары в крупных городах России (Москва – Александр Огородников, Ленинград – Виктор Пореш, Смоленск – Татьяна Щипкова), организаторы осуждены на большие сроки. Известный московский священник Дмитрий Дудко за духовно-просветительскую деятельность был арестован в начале 1980 года, полгода находился под следствием, затем выступил по Центральному телевидению с заявлением, что действовал по заданию ЦРУ, что в этом он раскаивается и в будущем воздержится от любой политической деятельности. После этого выступления он был освобожден и получил приход<sup>312</sup>.

Необходимо отметить, что отца Димитрия Дудко это надломило духовно. В своих воспоминаниях он пишет: «Следователю своему я сказал:

-Вы же целая армия, организация, а я один... Впрочем, у меня тоже была армия – духовные дети, вы ее рассеяли. Когда-то мое слово подхватывали, когда-то когда меня вызывали, многие шли со мной. А теперь, когда вызывают, жена только идет со мной. Да еще один, о котором говорят, что он, мол мало что понимает. Да еще одна, которая почти в истерике кричит: «Вы убили моего духовного отца!» – Это по вашему не Голгофа?»<sup>313</sup>

На процессе В. Пореща в Ленинградском городском суде, который проходил 23–25.04.1980 года, он заявил: «В 1974 году нами был создан Христианский семинар по проблемам религиозного возрождения в России. С самого начала, с создания, семинар подвергался преследованиям КГБ. Был посажен в психиатрическую больницу член семинара А. Ардентов, его история болезни есть в деле, из нее явствует, что он абсолютно здоров. Постоянная слежка за членами семинара»<sup>314</sup>.

Священник Дмитрий Дудко, позднее так объяснил свое заявление по телевидению: «вопрос встал так: страдать не за дело Христа, а за дело кесаря. За политику, а не за веру. За земное, а не за небесное. Чекисты мне предложили выбор: земную славу, венец мученика – или дело Божие... Я понимал, на какой позор я иду, как будет трудно меня понять, но я сознательно пошел на это... И вот, когда освободился, у меня пошло расхождение «с диссидентией». Хочу заметить, не я обманул ее ожидания, а она обманулась, потому что напрасно видела во мне диссидента»<sup>315</sup>.

Показательно письмо митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия доктору Конраду Райзеру, заместителю генерального секретаря Всемирного Совета Церквей по поводу судебных процессов в СССР над религиозными диссидентами: «К сожалению, многие стороны жизни нашего общества, включая права человека и особенно вопросы религиозной свободы, западными религиозными агентствами подаются часто весьма искаженно, в духе так называемой психологической войны. Отсюда не удивительно превратное, как правило, их толкование за границей...»<sup>316</sup>.

Мы видим, что 1960–1980-е годы стали временем не только противостояния общества государственному атеистическому режиму, но и формирования определенной внутрицерковной оппозиции. «Религиозное возрождение» конца 1970-х годов – начала 1980-х годов не встретило понимания со стороны руководства Церкви. Связано это было с тем, что религиозные диссиденты выступали с модернистских, обновленческих позиций, не совместимых с традиционной церковностью. Немаловажную роль сыграло и то, что религиозные диссиденты требовали вещей, невозможных в тех исторических условиях советской действительности – разрешения благотворительной деятельности, издания разнообразной духовной литературы, большой духовно-просветительской деятельности. Кроме того, они критиковали Церковных иерархов за их молчания по вопросам религиозной дискриминации в стране и отсутствия поддержки тех, на кого власти начинали гонения в связи с религиозными убеждениями. Все это и обусловило расхождение позиций руководства Русской Православной Церкви и религиозных диссидентов.

### **§ 3. Поместный собор Русской Православной Церкви 1988 года и его роль в изменениях во внутрицерковной жизни.**

Осмысляя итоги духовного и идейного развития России в XX веке, нельзя не остановить внимание на Поместном Соборе Русской Православной Церкви 1988 года. Поместному Собору в Русской Православной Церкви по сложившейся в XX веке традиции надлежит высшая власть в области вероучения, церковного управления и церковного суда – законодательная, исполнительная и судебная. В состав Поместного Собора входят архиереи, а также представители духовенства и мирян от всех епархий, важнейших учебных духовных заведений и монастырей, зарубежных учреждений Русской Православной Церкви.

Важность Поместного Собора 1988 года обусловлена тем, что проводился он во время, когда появились предпосылки для кардинальных перемен в положении Церкви в советском государстве и обществе.

Процессы, так называемой перестройки и демократизации, наряду с негативными последствиями имели и ряд положительных. К последним можно отнести перемены в государственно-церковных отношениях. На волне проводимых в стране демократических реформ Церковь постепенно освободилась от чересчур навязчивой опеки госаппарата; получила самостоятельность в вопросах собственности, проповеди, духовного образования и просвещения, кадровой политики, установления сотрудничества с государственными и общественными организациями. В том, что это стало возможным, велико значения Поместного Собора 1988 года.

Он создал предпосылки для перемен в государственном законодательстве в отношении религии, которые и произошли в 1990 году с принятием новых российского и союзного законов о свободе вероисповеданий. Проводимый в год Тысячелетия Крещения Руси Поместный Собор привлек к Русской Православной Церкви самое широкое внимание общественности не только Советского Союза но и мировой.

Одним из главнейших деяний Собора явилось обсуждение и принятие нового устава Русской Православной Церкви, взамен устаревшего «Положения об управлении Русской Православной Церковью», принятого на Поместном Соборе 1945 года с изменениями, внесенными Архиерейским Собором 1961 года.

Важнейшие изменения претерпело управление приходами. Проведенная в 1961 году реформа приходского управления полностью устранила духовенство от участия в хозяйственных делах приходов, создала ненормальное положение, когда вопросы материального состояния Церкви зачастую решали люди неверующие. На Поместном Соборе 1988 года последствия этой реформы были признаны отрицательными. Архиепископ Смоленский и Вяземский Кирилл отметил, что «поправки к «Положению», сделанные в 1961 году, были продиктованы не внутренними потребностями Церкви, а той сложной внешней ситуацией, в которой оказалась наша Церковь

в конце 50-х – начале 60-х годов. «Реформа 1961 года» по существу оказалась несостоятельной и обратилась внутренними нестроениями в Церкви».<sup>317</sup> В 1988 году духовенству была вновь возвращена возможность активного участия в финансово-хозяйственной стороне жизни приходов, что нашло отражение и в принятом на Соборе новом Уставе.

Необходимо отметить, что наряду с многими положительными изменениями в Уставе 1988 года были сохранены некоторые пункты реликтового характера, играющие однако весьма важную роль в жизни Церкви. Так, например, в числе требований к кандидату в Патриархи в качестве обязательного называлось, чтобы он был гражданином СССР.<sup>318</sup>

В связи с этим в 1990 году, во время выборов нового Патриарха не была принята к голосованию кандидатура митрополита Сурожского Антония, пользовавшегося большим авторитетом у части епископата. Причиной было именно то, что глава приходов Русской Православной Церкви в Великобритании не был гражданином СССР.

Однако, в целом Собор был переломным этапом в новейшей истории Русской Православной Церкви. Были приняты решения об активизации работы в сфере духовного образования, издательской деятельности Церкви.

Важным событием явилось прославление на Поместном Соборе 1988 года целой группы новых святых, впервые за весь советский период. В лике святых были прославлены благоверный князь Димитрий Донской (1350–1380), преподобный Андрей Рублев (1360 – I-я половина XV века), преподобных Максим Грек (1470 – 1556), святитель Макарий Московский (1482 – 1563), преподобный Паисий Величковский (1722 – 1794), блаженная Ксения Петербургская (1732 – нач. XIX в.), святитель Игнатий Брянчанинов (1807 – 1867), преподобный Амвросий Оптинский (1812 – 1891), святитель Феофан Затворник (1815 – 1894).

До этого на Поместном Соборе 1917 – 1918 гг. были причислены к лику святых святители Софроний Иркутский и Иосиф Астраханский. За все же остальное время советского периода Русской Православной Церковью были прославлены только двое святых – святитель Иннокентий (Вениаминов) и Николай, архиепископ Японский. Причем важно отметить, что в обоих случаях инициатива канонизации исходила не непосредственно от Русской Православной Церкви, но шла из зарубежья. В первом случае инициатором канонизации выступил Священный Синод Православной Церкви в Америке, во втором – Собор Православной миссии в Японии. Поэтому прославление на Поместном Соборе 1988 года целой группы святых стало большим событием для Русской Православной Церкви.<sup>319</sup> На Поместном Соборе 1988 года, пусть и не совсем прямо, в выступлении митрополита Сурожского Антония прозвучали и слова о необходимости прославления новомучеников и исповедников XX века. Он сказал тогда: «Единственные люди, которые молчат о том, что только героическая верность и стойкость тысяч неизвестных людей спасла Церковь от совершенного разрушения – это мы. И мы могли бы хоть какой-нибудь фразой в нашем Послании, не говоря о новомучениках, не употребляя такой слов, которые, может быть оскорбят чей-то слух, указать на



то, что мы благодарим Бога, что за все XX столетие в Русской Православной Церкви оказались свидетели веры, которые до крови, до плахи, до жизни, до муки сумели остаться верными Христу, Который искупил их и спас, и этим они прибавили к сиянию и святости в Русской Церкви». <sup>320</sup> По тем временам это были смелые слова, проблему гонения на Церковь со стороны безбожной власти было принято обходить. И это был уже шаг на пути к Архиерейскому собору 2000 года, официально прославившему новомучеников и исповедников Российских.

Помимо официальных докладов на Поместном Соборе 1988 года прозвучали и выступления рядовых членов Собора, где говорилось о сложном положении Церкви на местах, высказывались многие критические замечания.

Особенно резким было выступление архиепископа Иркутского и Читинского Хризостома. В частности он отметил, что на его взгляд самыми существенными недостатками церковной жизни того времени являются отсутствие всякой дисциплины, разобщенность архиереев, наличие большого количества покровителей у порочных священнослужителей, трудности, встающие перед правящим архиереем, желающим очистить свою епархию от недостойного духовенства, отсутствие у епархий должной связи с Патриархией. Он обличил финансовые злоупотребления, привыкания к богослужению, когда многие священнослужители во время службы ведут себя, по образному сравнению архиепископа Хризостома, хуже, чем зрители на спектакле. В заключение он призвал: «Мы должны прислушиваться друг к другу, быть солидарными и прежде всего очистить свои ряды от тех, кто забылся, кто пренебрегает правилами приличия, кто просто ведет себя непорядочно и подло». <sup>321</sup>

Г.Н. Лопаев из Калининской епархии критиковал работу издательского отдела Московского Патриархата. В частности он отметил, что «в изданиях Московской Патриархии чудеса позволялись только в далекие времена. Мало того – в Минеях даже русские святые прошедших времен представлены, скорее, как строители, администраторы и в самой меньшей степени как люди, отмеченные Самим Богом, то есть чудотворцы, прозорливцы. А ведь ничто так не вдохновляет к деятельной жизни, как православная мистика». <sup>322</sup>

Проблемы, стоящие перед духовной школой, обозначили в своих выступлениях ректор Ленинградской Духовной Академии протоиерей Владимир Сорокин, архиепископ Смоленский и Вяземский Кирилл.

Протоиерей Владимир в частности отметил низкий уровень многих поступающих в духовные школы абитуриентов, не имеющих ничего за плечами, кроме хорошей рекомендации из своей епархии. Были такие абитуриенты, которые не умели даже толком писать по-русски, допускали грубые ошибки, не умели излагать свои мысли.

Архиепископ Кирилл критически отзывался о разрыве богословия с практической церковной жизнью, он отметил, что «выпускник духовной семинарии практически беспомощен в вопросах душепопечения, пастырства, чаще всего он не способен отвечать на те вопросы, с которыми к нему обращаются не только современные люди, но даже пожилые, находящиеся на

покое».<sup>323</sup> Он отметил необходимость реформирования системы богословского образования связью ее с церковной практикой, сокращения срока обучения, так как до сорока процентов времени студенты тратили на изучение одного и того же – вначале в семинарии, потом в академии.<sup>324</sup> Проблемы, стоящие перед духовным образованием, отмечал и председатель Учебного Комитета при Священном Синоде, ректор Московской Духовной Академии архиепископ Дмитровский Александр.

Многие практические проблемы, стоявшие перед Церковью затронул архиепископ Псковской и Порховский Владимир. Он говорил о проблемах в строительстве новых храмов, о противлении местных властей: «нет, вы нам не портите город, село, район».<sup>325</sup> Конкретным его предложением было создание архитектурного отдела или проектного бюро при Патриархии, которое бы выработало типовой проект нового храма или отдельные проекты, которые не могли бы оспорить местные власти.<sup>326</sup> Он говорил также о том плачевном состоянии в котором находилась хозяйственная жизнь епархий и монастырей: «В Почаевской Лавре нет офиса, где бы иностранцы могли после дальней дороги вымыть руки. Шабский монастырь прозябает в первобытном состоянии убогой общины, которая живет непонятно какими представлениями. Когда я приехал в Псковский монастырь, там не было комнаты для архиерея, который является священноархимандритом Свято-Успенского Псковского монастыря, негде было переночевать: я срочно переоборудовал две комнаты. Я знаю, что когда приехал Горьковский Владыка Николай, в доме не было телефона. Я знаю, как умирал Владыка Тамбовский Михаил: у него, извините, не было в доме туалета. ... нельзя, дорогие отцы и братья, продолжать так жить».<sup>327</sup>

Были подняты и многие другие важные вопросы внутрицерковной жизни.

Впрочем, нельзя сказать, что в адрес Поместного Собора 1988 года не было критики. Так например канадский ученый Д. В. Поспеловский считает, что был необходим «Собор, рассчитанный на несколько месяцев, решения которого поэтому имели бы силу подлинного соборного голоса всей Церкви, т. е. духовенства и мирян, а не одного епископата. Трех-четырехдневные соборы в лучшем случае дают лишь епископату, а вернее Патриаршему Синоду, некоторое представление о настроениях на периферии, наиболее острых проблемах – на основании нескольких десятков выступлений с мест».<sup>328</sup>

Однако и критик находит в деятельности Собора целый ряд принципиальных положительных моментов. «Собор 1988 года – первый Собор в Русской Православной Церкви с 17-го века, не связанный с избранием Патриарха, – не был пустой декорацией к празднованию 1000-летия. На нем при всеобщей поддержке были отменены навязанные Церкви безбожной властью в 1961-м году поправки к Положению об управлении Русской Православной Церкви», которые лишали всякой власти и епископов и настоятелей приходов за исключением т. н. «отправления культа». Юбилейный Собор – и это крайне важно – принял новый «Устав об управлении Русской Православной Церкви», который по своему содержанию и более совершенен и ближе к соборности, чем «сталинское» положение 1945-го г., предельно централизованное, не предусматривавшее ни церковных

судов, ни периодичности Соборов, ни даже обязательности Епархиальных Советов».<sup>329</sup>

Возвращаясь к основным принципам «Определений» Поместного Собора 1917–1918 гг. о епархиальном управлении, Поместный Собор 1988 года восстановил и такой институт, как Епархиальные Собрания. «Высшим органом, при содействии которого архиерей управляет епархией, является Епархиальное Собрание», – сказано в уставе. Епархиальное Собрание состоит из равного числа представителей клира и мирян. О Епархиальном Совете в уставе говорится, что он «образуется по благословению правящего архиерея и состоит не менее чем из четырех лиц в пресвитерском сане, половина из которых назначается архиереем, а остальные избираются Епархиальным Собранием на один год».<sup>330</sup>

Поместный Собор 1988 года проводился во время, когда Русская Православная Церковь еще жила практически по дискриминационному постановлению ВЦИК и СНК «О религиозных объединениях» от 1929 года. Внесенные в него к 1988 году изменения и дополнения также не давали Церкви возможности полноценного осуществления своего служения в государстве и обществе.

И тем выше значение Собора, который хотя и решил далеко не все, стоящие перед Русской Православной Церковью на данном этапе, проблемы, но, сняв многие из них, стал мощнейшим стимулом к избавлению Церкви от гнета госатеизма, к развитию внутрицерковной жизни, к направленности деятельности Церкви на взаимопольное сотрудничество с государством и обществом, к развитию духовной, мистической стороны жизни Церкви, религиозного образования и духовного просвещения.

#### § 4. Общественное сопротивление в России советской атеистической политике.

Юбилейный для Русского Православия 1988 год стал переломным в церковно-государственных отношениях в СССР. Правда, изменения носили еще не юридический характер, правовой статус Русской Православной Церкви в основных чертах оставался прежним, продолжало действовать Постановление ВЦИК и СНК РСФСР 1929 года (с незначительными изменениями), лишавшее религиозные общины возможности нормального существования. Но, в то же время Церковь вышла из гетто, в которое заключил его госатеизм; в отношении к ней государства и общества наметились разительные перемены.

Новое качество советской церковной политики можно охарактеризовать формулой: «Советский Союз не является режимом, преследующим религию, но это страна, где атеисты и верующие совместно строят социализм». М. С. Горбачеву, генеральному секретарю ЦК КПСС, для реализации его планов была нужна поддержка религиозных конфессий, особенно Русской Православной Церкви. С начала 1988 года советские газеты, были наполнены религиозной тематикой, священники имели возможность обращаться к широкой аудитории<sup>331</sup>.

Началось открытие храмов. В Ивановской епархии в 1988 году был открыт Скорбященский храм в г. Фурманове. Архиепископ Ивановский и Кинешемский Амвросий впоследствии так вспоминал об этом, первом из открытых за время его управления Ивановской епархией, храмов: «Помню, как трудно передавали дивный храм – двадцать два купола – в Фурманове. Он принадлежал молокозаводу и был обречен на гибель. В подвале была устроена сливная яма, летом там полоскали белье, замой мальчишки катались на коньках, как на катке. Сколько обуви стоптали люди, которые ходили по инстанциям, чтобы добиться передачи храма. Сколько трудов было положено на его восстановление. Слава Богу, сейчас храм восстановлен, в нем идут богослужения»<sup>332</sup>. Тогда же были зарегистрированы еще две новые православные религиозные общины: в г. Иваново и в г. Комсомольске, но храмовые здания не были предоставлены верующим, так как были заняты: в Комсомольске под мебельный склад, а в Иваново под областной архив<sup>333</sup>. Во Владимирской епархии в 1988 году число приходов возрастает с 51 до 54<sup>334</sup>. В 1989 году процесс открытия храмов набирает еще большую силу. В Ивановской епархии в 1989 году было открыто 7 храмов и принято принципиальное решение об открытии еще двух храмов, находящихся в областном центре<sup>335</sup>. Во Владимирской епархии в 1989 году становится уже 57 храмов<sup>336</sup>. Но, в Костромской епархии в 1989 году так же, как и в 1985 году, оставалось лишь 64 действующих церкви<sup>337</sup>. Связано это было, по все видимости, с малой активностью престарелого уже архиепископа Костромского и Галичского Кассиана (Ярославского), управлявшего епархией с 1964 по 1988 год. Сменивший его архиепископ Иов (Тывонюк) управлял

Костромской епархией с декабря 1988 по сентябрь 1989 года и, по всей видимости не успел за этот срок активизировать церковную деятельность.

Положение разительно изменилось, когда в 1989 году управляющим Костромской епархией становится только что рукоположенный епископ Александр (Могилев), еще до архиерейской хиротонии доказавший свою активную церковную позицию. О своих первых шагах на Костромской кафедре он впоследствии вспоминал так: «Мое назначение на Костромскую кафедру состоялось в сентябре 1989 года. Здесь меня встретил маленький покосившийся деревянный домик, в котором располагались вместе и епархиальное управление, и жилище епископа. Помню, с каким удивлением смотрели на меня в коридорах власти, когда я впервые появился перед глазами руководителей города и области с церковными вопросами, просьбами от лица верующих»<sup>338</sup>.

Но, несмотря на такое осторожное отношение представителей власти к Церкви, первые контакты начали происходить. В Ивановской области в 1987 и 1988 годах состоялись первые встречи архиепископа Амвросия с Председателем Ивановского облисполкома В.Н. Тихомировым, что явилось со стороны местной власти первыми шагами по сближению с Церковью<sup>339</sup>.

Процесс возвращения Церкви храмов начался, но не везде он проходил безболезненно. В г. Приволжске настоятель храма села Толпыгино Приволжского района иеромонах Зосима (Шевчук) сумел добиться возвращения храмового здания Церкви лишь после длительной борьбы, в том числе, связанной и с демонстрациями протеста верующих против произвола советских чиновников. А вот в селе Бортницы председатель колхоза сам вышел с инициативой передать храм епархии<sup>340</sup>.

Но наибольший скандал разгорелся вокруг передачи Введенского храма г. Иваново. 21 марта 1989 года четыре православных женщины – Лариса Холина, Маргарита Пиленкова, Валерия Савченко и Галина Ящукская – объявили голодовку, требуя возвращения храма верующим. Объявить голодовку их заставило то, что все другие средства были уже исчерпаны: был позади целый год непрерывного хождения по инстанциям, сбор подписей, наконец, плакатная манифестация. И в ответ на это – неизменный отказ в передаче храма, хотя Совет по делам религий при Совмине СССР зарегистрировал общину, имея в виду передачу ей освобождающегося храма еще в 1988 году<sup>341</sup>.

16 дней голодовки – сначала у кинотеатра «Современник», затем непосредственно у храма – дали свои результаты. К инциденту было привлечено внимание самых широких слоев российской и мировой общественности. В «Огоньке» появилась статья, полная едких выпадов в адрес местных органов власти<sup>342</sup>. Особенно интересны процитированные слова уполномоченного по Ивановской области Лысова А.А.: «Они не ваши слуги, – стеной вставал Лысов на защиту руководителей, – а слуги народа». «А мы кто – не народ?» – спросили верующие, указав, что их просьбу поддерживают тысячи жителей города. Лысов отбил, не дрогнув: «Вы – люди. А народ – имеется в виду вся область»<sup>343</sup>.

Консультант по религиозным вопросам Московской группы Международного общества прав человека Павел Проценко, анализируя события, развернувшиеся вокруг Введенского храма, в своем заявлении в СМИ отмечал, что причина упорства партаппарата в отказе в возвращении храма связана с тем, что партаппарат стремится подчеркнуть, что свою власть над Церковью и обществом он из рук не выпустит. Для Ивановских, и всех прочих партаппаратчиков существует безусловная истина: демократия в религиозной сфере несовместима с коммунизмом<sup>344</sup>. Наконец принципиальное решение об открытии храма было принято местной властью, но реально Церковь получила Введенский храм г. Иваново лишь в 1990 году.

Были проблемы и достижения и в других епархиях. Например, в 1990 году, было отказано в регистрации второй религиозной общины в г. Коврове Владимирской области<sup>345</sup>. В то же время в 1988–1990 годах во Владимирской области было открыто 16 храмов.<sup>346</sup> Повсеместно отмечался рост общественной активности верующих. 21 августа 1990 года архиепископ Владимирский и Суздальский Валентин и настоятели приходов Владимирской епархии обратились к Председателю Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцину с просьбой оказать содействие в развитии епархиальной жизни.

Были обозначены следующие проблемы: до сих пор в епархии нет ни одного действующего монастыря (до революции их было 44), нет духовной школы, открыто очень небольшое количество новых приходов, в г. Суздале местные власти отказали в регистрации православной общины при наличии прихода Зарубежной Православной Церкви. Ставился вопрос о передаче Церкви ряда церковных зданий<sup>347</sup>.

Как реакция на обращение из Верховного Совета РСФСР во Владимирский облисполком пришло письмо за подписью заместителя председателя Комитета по свободе совести, вероисповеданиям и благотворительности Якунина Г.П. В нем указывалось, что в письме духовенства Владимирской епархии «приводятся факты грубого вмешательства в дела верующих исполкомовских работников. Имеют место индивидуальные «проработки» верующих, проверки их мировоззрения, нажим на отдельных членов религиозных обществ с целью заставить их выйти из общества и т.п. Такие действия должностных лиц незаконны. Предлагаем принять необходимые меры, иначе мы будем вынуждены обратиться к правоохранительным органам»<sup>348</sup>. Предлагалось также положительно решить вопрос с передачей запрашиваемых церковных зданий<sup>349</sup>.

В ответ было послано письмо за подписью заместителя председателя облисполкома, где говорилось о возможных путях решения вопросов<sup>350</sup>.

После масштабного празднования Тысячелетия Крещения Руси появилась возможность проведения широкомасштабных церковных мероприятий и на областном уровне. Так, на июнь месяц 1990 года, архиепископом Владимирским и Суздальским Валентином было запланировано проведение юбилейных торжеств в городах Владимире и Суздале, приуроченных ко дню памяти святителя Феодора, первого епископа Суздальского и посвященных 1000-летию Крещения Владимиро-Суздальской земли. Торжества проходили в

Богородицeroждественском соборе Суздальского Кремля – втором кафедральном соборе Владимирской епархии, у мощей святителя Феодора. Это здание занимал музей<sup>351</sup>.

В Суздале группа представителей Зарубежной Церкви делала попытку сорвать торжества, было собрано 200 подписей. Скандал получил большой резонанс. Даже облисполком в письме от 07.06.1990 года предлагал перенести запланированные на 21 июня в г. Суздале мероприятия в г. Владимир «с целью избежать возможных негативных проявлений верующих и жителей Суздаля в отношении клира и гостей Владимирской епархии»<sup>352</sup>. Однако 19.06.1990 года, Президиум и исполком областного Совета народных депутатов сочли возможным удовлетворить ходатайство Владимирского епархиального управления о проведении торжеств в г. Суздале, учитывая поддержку Совета по делам религий при СМ СССР<sup>353</sup>. Торжества были проведены с участием представителей Патриархии, несмотря на все попытки противостояния.

В день торжества, 21 июня 1990 года, митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл и архиепископ Владимирский и Суздальский Валентин, обратились во Владимирский областной Совет народных депутатов с просьбой о передаче Богородицeroждественского собора Владимирской епархии<sup>354</sup>.

В это же время архиепископ Костромской и Галичский Александр обращается к широкой общественности Костромской области, получает право выступления на радио и телевидении, требует от городских и областных руководителей внимания к церковным вопросам, призывает верующих и духовенство смело активизировать свою деятельность, добиваться возвращения церковных зданий, организовывать воскресные школы, осуществлять благотворительные акции<sup>355</sup>.

Постепенно отношение общества к Церкви начинает меняться и становится благожелательным. И в этом большую роль сыграло празднование Тысячелетия Крещения Руси. Даже атеисты не могли не отметить значение этого события для Русской истории<sup>356</sup>. Церковь получила возможность не только проведения широкомасштабных торжеств в связи с Тысячелетием Крещения Руси с привлечением широкой международной общественности, но и появилась возможность для проведения крупных церковных мероприятий и на областном уровне. Началось открытие храмов, появились возможности прямых контактов духовенства с представителями государственной власти без посреднического участия уполномоченного. Духовенство и верующие миряне начали более активно отстаивать свои позиции по ключевым церковным вопросам. СМИ постепенно начинают перестраивать свои советские стереотипы по отношению к Церкви; на страницах газет и журналов, на радио и телевидении священнослужители получают возможность выступать, как равноправные участники диалога верующих с неверующими, тогда как раньше вся пресса была в руках госатеизма. Однако для того, чтобы все эти перемены стали стабильными, необходим был пересмотр

государственного законодательства о религии, который и произошел в 1990-м году.

Атеистическая пропаганда к 1990 году оказалась практически свергнутой, большинству граждан страны стала видна ее несостоятельность. В то же время для полноценной разноплановой церковной деятельности не было достаточной правовой почвы, которая появилась в 1990 году в связи с принятием Законов о свободе вероисповеданий СССР (01.10.1990) и РСФСР (25.10.1990).



## **IV ГЛАВА. РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ**

## **§ 1. Возрождение монастырей, приходов, и религиозного образования, социального служения Церкви.**

1990-е годы – сложнейший и противоречивый период в жизни не только Русской Православной Церкви, но и России в целом. События 1991 года, закончившиеся развалом Советского Союза и окончательно победившая в 1993 году поставило Российское государство и общество в совершенно новые исторические условия. Сегодня сложно давать объективную оценку 1990-х – слишком недалеко отстоят они от нас. Однако это не значит, что не нужно их рассматривать.

Для Русской Православной Церкви 1990-е годы – время, когда дважды ей пришлось делать выбор, какую форму государственной власти в России она поддерживает. Взвешенность и осторожность решений Святейшего Патриарха Алексия II способствовали тому, что Церковь безболезненно пережила события и 1991 и 1993 года.

1990-е годы – также время, когда дважды менялось Российское Законодательство о религии – в 1990 и 1997 годах. Перемены в законодательстве способствовали росту числа православных приходов; начинают появляться и первые монастыри. Поддержка Русской Православной Церкви со стороны первого Президента РФ Б.Н. Ельцина обуславливала быстрые темпы открытия новых религиозных общин.

13 мая 1990 года скончался Патриарх Пимен. Последние годы он, в силу болезней, не мог уже уделять много внимания вопросам собственно церковного управления. Из трех кандидатов – митрополита Киевского и Галицкого Филарета, митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия и митрополита Ростовского и Черкасского Владимира – Поместный Собор Русской Православной Церкви 1990 года избрал Патриархом Московским и Всея Руси митрополита Алексия.

Избранный Собором Святейший Патриарх Алексий принял на себя бремя управления Церковью в трудный период. Налицо была «неготовность сложившихся норм церковной жизни к разительным переменам, происходящим в государстве, сознание духовенства отставало от стремительных перемен в сознании общественном»<sup>357</sup>. Все изменилось с избранием нового Патриарха.

Еще до своего избрания Патриархом, митрополит Алексий отмечал важность перенимания опыта западных Церквей, говорил о том, что, знакомясь с социальной деятельностью Церквей в США и в ФРГ, он с доброй завистью завидовал каждому приходу, который вокруг храма имеет множество подсобных помещений: библиотеку, залы для внебогослужебных занятий с различными возрастными группами, специальные помещения для заботы о пожилых и одиноких людях<sup>358</sup>.

С его избранием началась повсеместная активизация деятельности Церкви, ставшая возможной благодаря судьбоносным изменениям в стране. Очередным свидетельством укрепления самостоятельности Церкви стало

открытие православной классической гимназии в Москве и письмо Патриарха Алексия Председателю Совета по делам религий Ю.Н. Христораднову с требованием отменить регистрацию духовенства Советом и его уполномоченными.

Уже в 1991 году Русская Православная Церковь имела более 12 000 приходов, 117 монастырей, 2 духовные академии, 7 духовных семинарий, 12 духовных училищ, 4 регентские школы, 1 аспирантуру<sup>359</sup>. Начался активный процесс открытия и реставрации поруганных в годы советской власти православных святынь – храмов и монастырей.

Так за 1989–1990 годы число храмов, например, Ивановской епархии возросло до 60. В первый же месяц 1991 года к ним добавились еще 9 вновь открытых храмов. Всего же за 1991 год было зарегистрировано 37 новых приходов<sup>360</sup>.

В 1991 году в Ивановской епархии появились и первые монастыри: Свято-Успенский женский монастырь в селе Дунилово Шуйского района и Николо – Шартомский мужской монастырь в селе Введение того же района. Особенно важно было открытие женского монастыря в самом областном центре: на основе прежнего Свято – Введенского прихода г. Иваново. Внутри церковной ограды были перестроены многие здания служебного назначения, началось строительство по периметру ограды, жилых двухэтажных корпусов. В 1991 году в монастыре проживало до 30 монахинь и послушниц, началось совершение ежедневных уставных богослужений. Впервые за послереволюционные годы в России был основан новый монастырь на том месте, где его прежде не было, тем более, в центре большого города. Поскольку территория монастыря в центре города Иваново была небольшой, по ходатайству епископа Ивановского и Кинешемского Амвросия, облисполком выделил для монастыря 30 гектар земли в селе Доронино Тейковского района и передал монастырю разрушенный храм этого села, в котором сразу же начались восстановительные работы. Земли возделывались приезжавшими из монастыря послушницами. Указом архиепископа Амвросия в селе Доронино было образовано подворье Свято – Введенского монастыря.

В Свято-Успенском монастыре села Дунилово, наконец, 1991 года проживало 30 послушниц и 3 монахини. Имелось небольшое хозяйство: монастырю было выделено 20 гектар земли, имелись коровы, лошади.

В Николо – Шартомском монастыре из 25 насельников было 5 иеромонахов, 3 иеродиакона, остальные – монахи и послушники.

Во всех новых монастырях проходили богослужения согласно монастырским уставам, увеличивалось число желающих принять монашеский постриг<sup>361</sup>.

Новые приходы требовали большого количества духовенства. Если, например, в 1984 году архиепископом Амвросием были рукоположены 4 священника и 3 диакона, то в 1989 году рукоположены были 12 священников и 1 диакон. В 1991 году 13 священников и 8 диаконов, в 1993 году 25 священников и 6 диаконов. В 1996 году 44 священника и 5 диаконов<sup>362</sup>. В 1991 году управляющий Ивановской епархией епископ Амвросий, согласно

определению Святейшего Патриарха Священного Синода был возведен в сан архиепископа.

Происходили благотворные перемены и во взаимоотношениях с властями. В 1991 году институт уполномоченных Совета по делам религий был упразднен; место уполномоченных заняли консультанты по вопросам религии при облисполкомах. В разных местах они назывались по разному: консультанты, главные или ведущие специалисты, иногда – непосредственно облисполкома, а иногда одного из его отделов или управлений. Во Владимирской области уполномоченный передал дела советнику по связям администрации области с общественными и религиозными объединениями в январе 1992 года<sup>363</sup>. Еще ранее, в 1991 году, уполномоченным Совета по Владимирской области в епархиальное управление были переданы личные дела заштатных священнослужителей<sup>364</sup>. Если еще несколько лет назад управляющий Ивановской епархией как бы об особой оказанной ему чести упоминал в отчете Патриарху о том, что был принят председателем облисполкома и имел с ним добрую, продолжительную беседу, то в 1991 году взаимоотношения кардинально изменились. Областная администрация стала подчеркнуто вежливо и почтительно относиться к управляющему епархией, считаться с его мнением по всем возникающим спорным вопросам, в его адрес начали регулярно отправляться приветственные и поздравительные адреса по случаю церковных торжеств и памятных личных дат<sup>365</sup>.

Все направляемые архиепископом Амвросием в адрес местных властей ходатайства о передаче храмов, строений и прочих церковных нуждах в 1991 году неизменно благожелательно рассматривались и разрешались.

В передаче трех храмов в г. Иваново имелись определенные сложности, но уже в 1991 году шел активный процесс их преодоления.

Владимирский храм г. Иваново находился на территории секретного военного завода по ремонту космических средств связи. Не смотря на это, областные и городские власти, руководство завода, по согласованию с министерством обороны, начали решать вопрос об отделении храма от территории завода, выведении из него военных складов и, после подведения подъездных путей, соответствующего ограждения, передаче его верующим.

Успенский храм в г. Иваново был занят Ивгорэлектросетью и представлял собой большой электроцех, но было обещано, что он будет освобожден в течение трех лет, а на конец 1991 года он уже являлся собственностью епархии, арендуемой Ивгорэлектросетью.

В Казанском, бывшем единоверческом, храме размещалось акционерное общество «Ивановореставрация». После передачи трапезной части храма здесь была основана домовая церковь Ивановских реставраторов, где к концу 1991 года уже состоялись первые богослужения, был назначен настоятель храма.

Важным событием в жизни Ивановской епархии этого года было и то, что община старообрядческой церкви Казанской иконы Божией Матери г. Иваново под руководством уставщика Селина Л.П. изъявила желание перейти в юрисдикцию Русской Православной Церкви. Архиепископ Амвросий

рукоположил Селина Л.П. в сан священника, имея в виду безукоризненную чистоту его жизни, долгие годы беспорочного служение в храме Божиим, как единственного хранителя храмового имущества. По заявлению общины храма, управление юстиции Ивановского облисполкома зарегистрировало устав прихода Русской Православной Церкви.

После многочисленных обращений архиепископа Амвросия в подкомитет по свободе совести, вероисповедания и благотворительности Верховного Совета РСФСР, по вопросу передачи епархии отнятого в шестидесятые годы Троицкого кафедрального собора г. Кинешмы, из Верховного Совета была назначена депутатская комиссия под руководством депутата Федорова В.Я., председателем подкомитета по собственности. Благодаря рекомендациям этой комиссии и личному вниманию к проблемам Церкви главы администрации Ивановской области А.Ф. Лаптева, епархии был передан Троицкий кафедральный собор г. Кинешмы. После этого, на второй архиерейской кафедре, в г. Кинешме стала проходить служба в двух соборах – Успенском и Троицком (летнем и зимнем), находящимся в одной церковной ограде.

Во Владимирской епархии, согласно ходатайству ее управляющего, 22.03.1990 года, было передано епархии и Успенскому кафедральному собору г. Владимира 3 жилых дома во Владимире, общей площадью 2100 квадратных метров.

Костромской епархии, в 1990 году, был передан собор Богоявленско – Анастаскина женского монастыря в центре Костромы<sup>366</sup>. Епархии возвратили и ряд других церковных зданий, в одном из которых удалось организовать духовное училище<sup>367</sup>. С 1980 года началась борьба за Ипатьевский монастырь. Епископ Костромской и Галичский Александр сразу заявил позицию епархии, которая не изменилась и по сей день: этот величайший памятник истории и культуры, жемчужину Поволжья, необходимо использовать совместно государству и Церкви. После многих встреч с музейными работниками и представителями администрации, после долгой публичной полемики компромиссное решение нашли: часть зданий монастыря получила монашеская община, а ряд музейных экспозиций стали готовиться к переезду в помещения в историческом городском центре<sup>368</sup>.

В 1992 году материальное положение Церкви стало ухудшаться. Это было связано с ухудшением уровня жизни населения. Особенно это сказалось на Ивановской епархии. И если в 1992 году еще была значительная материальная помощь, оказываемая епархии предприятиями области и местными советами, то даже уже в 1993 году епархия не могла уже ожидать значительной помощи, т.к. многие предприятия области начали останавливать свое производство, разорялись, появились безработные, число которых все увеличилось. Несмотря на это, новые приходы не переставали открываться. Народ, духовно голодный, истосковавшийся по церковной молитве и богослужениям, наполнял храмы, особенно городские. Несмотря на то, что многие храмы, открывшиеся в сельской местности, были не укомплектованы

церковной утварью, книгами, а порою в них не было даже и хора, они медленно, но все же реставрировались на радость верующему народу<sup>369</sup>.

В 1993 году, с одной стороны, наблюдался приток в храмы все большего количества людей, с другой – жизнь епархии в материальном плане становилась все тяжелее. В своем отчете в Патриархию в 1993 году архиепископ Амвросий отмечал: «Особенно осложняется процесс реставрации храмов из-за политики правительства, проводимых в отношении текстильных предприятий области. Не имея средств, текстильные предприятия области не в состоянии больше помогать храмам, а рабочий народ, трудящийся на предприятиях и помогавший своими пожертвованиями восстановлению храмов, оставлен без средств к существованию.

Однако хотелось бы отметить, что, несмотря на весь трагизм ситуации, народ от Церкви не отходит, а местные власти пока изыскивают возможности как-то контролировать ситуацию и помогать обездоленным»<sup>370</sup>.

Необходимо отметить, что с 1990 по 1993 год наблюдался резкий рост количества людей, желающих креститься, венчаться, отпевать своих усопших родственников. В 1989 году в храмах епархии было совершено: 25394 крещения, 505 венчаний, 12298 отпеваний (из них очных 4120, заочных 8278); в 1990 году 36354 крещений, 1208 венчаний, 12003 отпевания (из них очных 2496, заочных 9507); в 1991 году 34188 крещений, 902 венчания и 16390 отпеваний (из них очных 2558, заочных 13832). Для сравнения: в 1968 году в Ивановской епархии было совершено крещений 6453, венчаний 58, отпеваний надгробных 1611, отпеваний заочных 8578<sup>371</sup>.

Такое резкое возрастание числа людей, желающих креститься и венчаться, объясняется тем, что после 1988 года и даже несколько раньше, в общественном сознании начали происходить значительные перемены во взгляде на Церковь, религию, верующих. Верующих перестали считать неполноценными людьми, они получили возможность открыто исповедовать свои убеждения, не опасаясь того, что последствием этого будет ущемление их гражданских прав и свобод. Большая часть жителей Ивановской области, которые боялись креститься во время гонений на Церковь, крестились в период с 1989 по 1992 год. Уже в 1993 году наблюдается некоторый спад в количестве совершаемых в храмах Иванова крещений – 18695, при сохранении числа венчаний (1409) и отпеваний (14056)<sup>372</sup>. Этот спад объясняется как раз тем, что большинство ранее некрещеных уже крестились к этому времени, а также, где-то с 1993 года, начали отходить от Церкви те, кто шел в нее не по велению сердца, а отдавая дань моде.

К концу 1997 года в Ивановской епархии имелось 4 монастыря, 8 монашеских общин и свыше 160 приходов. В 1998 году число монастырей возросло до 10, за счет реорганизации монашеских общин<sup>373</sup>.

Такой же процесс духовного возрождения отмечался, например, во Владимирской и Костромской епархиях. В 1999 году в Костромской епархии было открыто 180 храмов, налаживалась монашеская жизнь в девяти монастырях<sup>374</sup>. Из костромских монастырей необходимо особо выделить Ипатьевский и Богоявленско – Анастасьин города Костромы. Последний стал

для епархии духовным центром, в сердце которого находится великая святыня – Феодоровская икона Пресвятой Богородицы. В зданиях этой древней обители, кроме самого монастыря, расположились: приют для девочек-сирот, богадельня для престарелых, службы епархиального управления, семинария, телестудия «**Преображение**» и другие епархиальные структуры<sup>375</sup>. Буквально из руин встал Чухломский Авраамнево-Городецкий монастырь<sup>376</sup>. Во Владимирской епархии на начало 1999 года имелось 18 монастырей, разделенных на 6 монастырских благочиний<sup>377</sup>; действующие храмы были разделены на 16 благочиний, которые, в свою очередь были разделены на 5 округов<sup>378</sup>. Необходимо также указать и на то, что во всех этих происходящих в 1990-е годы процессах реставрации православных храмов и монастырей (а в последние годы и строительства новых), весьма значительную роль играли конкретные личности – как церковные, так и государственные деятели.

В 1990-е годы в епархиях отмечался процесс не только восстановления старых, но и строительство новых храмов. За 1990-е годы в Ивановской епархии построены храмы в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» в г. Иваново на месте ранее взорванного храма, Иоанно-Богословский храм в Сухово-Дерябинском микрорайоне г. Иваново, храм святого благоверного князя Александра Невского в г. Родники, храм преподобного Сергия в г. Кинешме, храм на территории завода в г. Фурманове, храм в честь Новомучеников Российских в мужской колонии общего режима в поселке Талицы, храм в честь иконы Божией Матери «Утоли моя печали» в мужской колонии строгого режима в поселке Талицы, храм – часовня в честь великомученицы Анастасии Узорешительницы в женской колонии общего режима в г. Иваново. Построено много часовен, в том числе и в г. Иваново.

Построен ряд новых храмов в Костроме. Два из них – в расположении воинских частей, на территории Высшего военного командного училища войск химической защиты и в дивизии Ракетных войск стратегического назначения. Предпринято строительство храма в честь святого Патриарха Тихона и новомучеников Российских в новом микрорайоне Костромы Давыдовском<sup>379</sup>. В августе 1999 года состоялось освящение новопостроенного храма на Костромском городском кладбище в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость»<sup>380</sup>.

Во Владимирской епархии был создан даже специальный епархиальный отдел учета, реставрации и проектирования храмов, в состав которого вошли среди прочих епархиальный архитектор, начальник епархиального строительного предприятия, техник – архитектор, юридический консультант по вопросам недвижимости и учета храмовых строений<sup>381</sup>.

Подводя итоги общему обзорному рассмотрению процесса реставрации древних, а также строительства и создания новых монастырей и храмов в 1990-е годы, необходимо особое внимание обратить на то, что процесс этот не был легким. Первая волна энтузиазма у людей, которые вчера разрушали храмы, а сегодня решили их реставрировать, быстро схлынула. Щедрые

пожертвования, которые начали делаться на восстановление храмов вскоре после празднования 1000-летия Крещения Руси, например, в Ивановской области уже к 1993 году, стали довольно-таки скромными. В то же время бремя забот, которое легло на Церковь вместе со свободой, оказалось достаточно тяжелым. Это и ответственность за переданные в ее собственность храмовые и иные здания; забота об их сохранности, ремонте, отоплении, и строительство новых храмовых зданий взамен разрушенных, и работа в сфере религиозного образования и духовного просвещения. Большой сложностью являлось также воссоздание монастырей и их укладности. Вместе с открытием большого количества новых монастырей и приходов остро встал и кадровый вопрос. Катастрофически не хватало священнослужителей.

В Ивановской епархии многие вопросы оказались сняты благодаря тому, что с самого начала 1990-х годов архиепископ Амвросий начал широко использовать практику рукоположения монашествующих и направления их на бедные, находящиеся в полной разрухе приходы. Сам архиепископ Амвросий говорит об этом так: «Монашествующему нужно меньше, чем семейному человеку, а отдача от него несравненно большая. Часто на заброшенных приходах молодые монахи, в исключительно суровых условиях, налаживают уже давно прекратившуюся церковную жизнь, помогают сформировавшимся в атеистический период людям найти дорогу к храму»<sup>382</sup>.

То, что владыка не ошибся в определении стратегии развития епархии, свидетельствует то, что в беднейшей в России Ивановской епархии, при отсутствии необходимых материальных ресурсов, наблюдается активное развитие церковной жизни. Из десяти монастырей не менее трех можно назвать не просто отреставрированными, но даже процветающими. Из них Свято – Введенский женский монастырь г. Иваново является одним из крупнейших в России женских монастырей. Возрождается и приходская жизнь. Не только монашествующие, но и белое (семейное) духовенство, вносит свой вклад в дальнейшее развитие епархии. Поскольку помощь от административных органов и предприятий бедной Ивановской области не может быть значительной, монастырям и приходам приходится искать пути материальной поддержки своей деятельности из центра и из-за рубежа. Все более активную роль в процессе возрождения церковной жизни Ивановской епархии начинают играть и миряне – активные верующие, не имеющие священного сана, но горящие желанием потрудиться в деле возрождения православия на Ивановской земле.

Вскоре после 1000-летия Крещения Руси Православная Церковь в России оказалась в новых исторических условиях. Российский Закон о свободе вероисповеданий, вступивший в действие 25.10.1990 года, открыл для Церкви много возможностей.

Широкие возможности, открывшиеся перед Церковью, отразил Святейший Патриарх Алексий II в слове, сказанном в день его интронизации. В том числе говорил он и о проблемах религиозного образования и духовного просвещения: «Памятуя о своей обязанности научать истине Христовой и крестить во Имя Его, мы видим перед собой необозримое поле



катехизаторской деятельности, включающей создание широкой сети воскресных школ для детей и взрослых, обеспечение духовного возрастания. С благодарением Богу мы отмечаем, что перед нами открываются новые пути и средства для развития нового духовного просвещения в самых различных кругах нашего общества. Мы сознаем, что движение к этим целям потребует от нас увеличения числа духовных школ, углубленного духовного образования будущих пастырей, развития столь славной в прошлом отечественной богословской науки»<sup>383</sup>.

Вскоре после интронизации Патриарха Алексия II началась активизация деятельности Церкви в сфере религиозного образования и духовного просвещения. Решением Священного Синода от 30–31 января 1991 года был образован Отдел Московского Патриархата по религиозному образованию и катехизации, председателем которого стал игумен Иоанн (Экономцев)<sup>384</sup>.

В Ивановской епархии начало этой деятельности связано с именем архимандрита (в то время иеромонаха) Зосимы (Шевчука). С 1990 года, впервые в области, в школах № 1 и № 12 г. Приволжска им стали проводиться занятия по предмету «История религии» в 8, 9, 10 и 11 классах, в общей сложности для 100–120 человек. В воскресные дни в соборе Николая Чудотворца г. Приволжска им же начали проводиться занятия воскресной школы с преподаванием Закона Божия для детей и их родителей (в общей сложности свыше 100 человек)<sup>385</sup>.

Примерно в это же время в г. Иваново священнослужители стали проводить регулярные занятия по Закону Божию во Дворце Культуры Текстильщиков, Ивановском Государственном университете, текстильном институте. Для детей впервые были организованы церковными общинами Рождественские елки в г. Иваново и в г. Плесе. Священнослужители епархии стали регулярно посещать предприятия и учреждения области, где проводили с коллективами трудящихся беседы на религиозные темы.

И в целом по стране отношение общества к Церкви также изменилось в положительную сторону. Церковные деятели получили широкий доступ к средствам массовой информации – в печать, на радио и телевидение. Они стали участвовать в общественном диалоге по проблемам, волнующим людей, – о нравственном состоянии общества и путях его оздоровления, о культурном наследии, по национальному вопросу, о проблемах сохранения мира. Архипастыри и пастыри встречались с общественностью в клубах, домах культуры, их приглашали в институты и школы<sup>386</sup>. Как выше уже отмечалось, все эти новые формы церковной деятельности успешно усваивались и проводились в жизнь Ивановской епархии.

Централизацию и начало пика активности в издательской деятельности Ивановской епархии следует отнести к 1998 году. Вплоть до этого года в епархии не имелось собственной епархиальной прессы. А 1998 год стал знаменателен созданием по инициативе секретаря архиепископа Амвросия – архимандрита Зосимы (Шевчука) в епархиальном управлении издательского отдела и переходом, в связи с этим, центра издательской активности с мест

(Свято – Введенский женский монастырь, Макариев – Решемский мужской монастырь) в епархиальное управление.

Так, наконец, был начат выпуск периодических епархиальных изданий: ежемесячной газеты «Ивановский епархиальный вестник», ежеквартального «Журнала Ивановской епархии», ежегодного «Богословского сборника Ивановской епархии». Собственный журнал с 1997 года начал выпускать Свято – Благовещенский приход г. Кохмы, газету «Инок» с 1998 года – Успенско-Казанский мужской монастырь села Кузнецово. Решение о начале выпуска с 1999 года своих периодических изданий приняли Вознесенский приход г. Фурманова, приход св. благоверного князя Александра Невского г. Кинешмы, а также некоторые другие православные религиозные организации Ивановской области<sup>387</sup>.

В Костромской епархии издательская деятельность началась значительно раньше, чем в Ивановской, православная газета «Благовест» стала выходить в ней с 1990 года<sup>388</sup>. Это было одно из первых периодических церковных печатных изданий выпускаемых в провинциальной России. К настоящему времени вышло уже свыше 50 номеров этой газеты. Выходят книги, брошюры, буклеты, периодика, например, православная газета «Нерехта». Костромская епархия имеет собственную телестудию «Преображение»<sup>389</sup>.

Хорошо налажена издательская деятельность и во Владимирской епархии. Регулярно выходят православные периодические издания: «Православная газета для простых людей», «Православный Суздаль», начал выходить информационный бюллетень «Владимирская епархия»<sup>390</sup>. В целом же, за период своего существования, издательский отдел Владимирской епархии реализовал несколько полиграфических проектов – от отдельных изданий до тематических вкладок в областных общественно – политических газетах<sup>391</sup>.

Открываются практически во всех епархиях и библиотеки православной литературы.

Первая общедоступная библиотека православной литературы в Ивановской епархии была открыта в 1993 году при Преображенском кафедральном соборе г. Иваново. Сначала она была совсем небольшой, но, к концу 1992 года, в ней насчитывалось уже 3000 книг и свыше 400 читателей. Примерно к этому же времени библиотека Преображенского собора стала выполнять функции общепархиальной библиотеки и методического центра для других православных библиотек епархии, которых к концу 1998 года в епархии имелось свыше 30<sup>392</sup>.

Во Владимирской епархии, согласно типовой программе развития социально – благотворительной и церковно-общественной жизни крупного районного центра, практически в каждом райцентре создается библиотека, читальный зал и постоянно действующий лекторий, к деятельности которого привлекаются лучшие священнослужители и общественные деятели<sup>393</sup>.

Развиваются церковные библиотеки и в Костромской епархии. В возрожденной Костромской Духовной семинарии хорошая библиотека была создана уже к 1996 году<sup>394</sup>.

Первая воскресная школа в Ивановской епархии, как выше уже упоминалось, была открыта в г. Приволжске в 1990 году. В г. Иваново воскресные школы для детей и взрослых начали действовать при Преображенском кафедральном соборе с 1993 года<sup>395</sup>. В детской воскресной школе дети учат «Закон Божий», церковно-славянский язык, читают жития святых, знакомятся с храмовой жизнью, утварью, иконами, терминологией. Дети проводят праздничные утренники, поздравляют друг друга с Днем Ангела, ходят на богослужения<sup>396</sup>. Воскресная школа для взрослых ориентирована, в первую очередь, на интеллигенцию, изучаются основы православного вероучения. И для взрослых и для детей регулярно организуются паломнические поездки по святым местам России.

Уже в 1991 году в Ивановской епархии действовало 10 воскресных школ<sup>397</sup>. К 1999 году количество воскресных школ при монастырях и храмах составило около 40. Из воскресных школ особенно следует выделить школу имени праведного Иоанна Кронштадтского, основанную Макариев-Решемской монашеской обителью (ныне – мужской монастырь), которую регулярно посещают около 2000 взрослых и детей<sup>398</sup>.

По состоянию на конец 1997 года в этой школе обучалось 4 группы учащихся: 2 младшие группы, 1 – старшекласников и 1 взрослая. Дети ходят в школу добровольно, 2/3 учащихся – дети из нецерковных семей. Дети регулярно готовят утренники к большим церковным праздникам, постепенно воцерковляясь и приводя к вере и своим родителей. Изучаются следующие дисциплины: Священное Писание, православный календарь, уроки благочестия, церковное пение и рукоделие. Регулярно организуются и паломнические поездки<sup>399</sup>.

Во Владимирской епархии также проводится большая работа по открытию воскресных школ при приходах, а также единых (центральных) воскресных школ при духовных центрах, создать которые планируется в каждом райцентре<sup>400</sup>. Уроки воскресных школ призваны запечатлеть в восприимчивой душе ребенка не столько схоластические знания, сколько научить их любить Бога и ближних, видеть образ Божий в каждом человеке, с которым сводит их жизнь, нести свет и добро окружающим. И уроки эти не проходят даром. Об этом свидетельствуют слова Виталия Грязнова, воспитанника православной воскресной школы Смоленского храма г. Суздаля: «Недавно мы ездили к болящим бабушкам и дедушкам в Торчино, поздравить их и выступить перед ними. Они очень обрадовались, увидев нас. После поздравления всем им подарили по шоколадке и игрушке. В общем, это Рождество я провел отлично»<sup>401</sup>.

Особое внимание работе с молодежью уделяется в Костромской епархии, управляющий которой архиепископ Александр одновременно является Председателем Всецерковного Молодежного Движения Московского Патриархата. Главными целями Движения являются привлечение детей и подростков, юношей и девушек к активной церковной жизни, объединение их в группы православных молодых христиан<sup>402</sup>.

Впервые вопрос об открытии в Ивановской епархии собственного общеобразовательного учебного заведения был поднят после Архиерейского Собора 1994-го года. А в сентябре 1995 года в г. Иваново уже была открыта епархиальная общеобразовательная средняя школа. Были набраны по одному первому и второму классу; администрация города передала в аренду епархии на 5 лет здание бывшей 38 школы, закрытой за год до того по решению местных органов власти. В 1996 году была получена лицензия на деятельность школы от управления образования администрации Ивановской области и она была зарегистрирована как юридическое лицо в регистрационной палате г. Иваново. Помещение физкультурного зала на первом этаже школы было переоборудовано под храм<sup>403</sup>.

В школу пришли дети из православных семей г. Иваново. Помимо общеобразовательных дисциплин в школе изучается Закон Божий, церковно – славянский язык, церковное пение. К концу 1998 года в школе обучается уже около 70 детей, на 1999/2000 учебный год объявлен набор в 1–8 классы.

Переданное здание бывшей 38 школы использовалось епархией также для проведения в нем занятий епархиальных пастырско – богословских курсов, курсов для православных педагогических работников, а также была предпринята попытка создания областного православного центра.

Еще на год раньше, в 1994 году, при Свято – Успенском женском монастыре села Дунилово Шуйского района, был создан детский приют, в котором на конец 1994 года проживали 18 девочек – сирот и из неблагополучных семей. Для них при монастыре была открыта общеобразовательная школа<sup>404</sup>. А в 1995 году этот приют получил лицензию от областного управления образования на свою деятельность в качестве школы-интерната гимназического типа<sup>405</sup>. С 1997 года подобный приют и школа для девочек-сирот и из неблагополучных семей были созданы и при Никольском женском монастыре г. Приволжска. На данный момент все эти церковные общеобразовательные школы и приюты успешно функционируют.

По состоянию на конец 1997 года в монастырском детском приюте в селе Дунилово проживали постоянно 33 воспитанницы в возрасте от 6 до 16 лет. Вместе с девочками живут монахини – воспитательницы. Они стараются окружить детей лаской и любовью, помогают им во всем. Для девочек выстроен отдельный дом и трехэтажное здание православной гимназии с домовым храмом в честь святой равноапостольной княгини Ольги. Оба здания соединены теплым переходом, чтобы зимой детям не холодно было идти в школу. В праздничные и воскресные дни девочки участвуют в монашеских богослужениях. В монастыре есть отдельный детский клирос. Девочки сами ставят духовные спектакли, шьют костюмы, сочиняют стихи, часто выезжают с духовными спектаклями в детские сады и школы, на предприятия<sup>406</sup>.

В г. Приволжске в приюте постоянно проживают 5 девочек – сирот и из неблагополучных семей, всего же в гимназии их обучается около 20. Здесь они также получают так необходимую им заботу и поддержку.

Также в 1998 году в г. Кинешме была открыта общеобразовательная православная школа приходом святого благоверного князя Александра

Невского. В 1998 году в г. Вичуге открыт первый в епархии православный детский сад Воскресенским приходом.

Говоря об образовании в России, в целом в Российской школе, нельзя забывать того, что именно монастыри были центрами Российской культуры, книжности, письменности, вплоть до Петра I, запретившего монахам держать в кельях чернила и бумагу. И потому, если в западной Европе именно на базе монастырей и монашеских братств появились первые университеты, то в России этот процесс был искусственно прерван. Долгие годы Россия была практически единственной страной, которая вместо богословских факультетов имела в ВУЗах кафедры научного атеизма. Однако сейчас многое в российском обществе меняется, можно сказать это и об отношении Церкви к науке, в том числе и на территории Ивановской области.

В Шуйском государственном педагогическом университете с 1998 года открыта кафедра теологии. ШГПУ уже не один год сотрудничает с Ивановской епархией. Еще с 1994 года священнослужители епархии читают студентам ВУЗа курс (Философско-богословское содержание основных сюжетов Священного Писания). Широкий резонанс в стенах ШГПУ вызвали и первые философско-богословские чтения, состоявшиеся благодаря участию епархии и показавшие широкие перспективы сотрудничества ВУЗа с Православной Церковью. Кроме того, издательством ШГПУ выпущен в свет целый ряд книг и сборников, связанных с историей русского православия. Со стороны Ивановской епархии деятельность кафедры теологии ШГПУ курирует секретарь епархиального управления архимандрит Зосима (Шевчук), получивший в 1998 году ученое звание доцента этой кафедры. Звание почетного первого профессора кафедры теологии ШГПУ получил в 1997 году архиепископ Ивановский и Кинешемский Амвросий. А в 1998 году он стал действительным членом Международной Академии гуманизации образования, открывшей свой филиал в стенах ШГПУ<sup>407</sup>.

В Шуйском педагогическом университете, наряду с курсом истории Священного Писания, читаются лекции по истории религии, история Русской Православной Церкви, основам Богословия, церковно – славянскому языку<sup>408</sup>.

К концу 1998 года не менее тесное сотрудничество наладилось у епархии с Ивановским государственным университетом. В стенах этого главного ВУЗа Ивановской области неоднократно проходили занятия с учащимися Ивановских епархиальных пастырско-богословских курсов, различные богословские факультативы. А 6 апреля 1999 года состоялось подписание договора о сотрудничестве сроком действия 5 лет между Ивановской епархией и ИвГУ. Договор предусматривает приглашение в университет для чтения спецкурсов представителей Ивановской епархии, издание совместных научных сборников университета и епархии по историко-религиозной тематике, проведение совместных научных конференций, подготовку в университете аспирантов и соискателей из числа духовенства Ивановской епархии, открытие дополнительной подготовки по религиоведению на историческом факультете ИвГУ. В перспективе – открытие в ИвГУ при участии Ивановской епархии межфакультетской кафедры религиоведения и университетского

храма, сотрудничество сторон во взаимном формировании интеллектуального потенциала Ивановской епархии и Ивановского государственного университета<sup>409</sup>. 21 апреля 1999 года епархией было подписано соглашение о сотрудничестве и с управлением образования администрации Ивановской области, которое упрочило правовую базу тесного сотрудничества священнослужителей епархии со многими государственными учебными заведениями области.

Наиболее интересным примером такого сотрудничества является опыт государственной общеобразовательной школы № 44 г. Иваново, где и было создана параллель православного образования, охватывающая на конец 1997 года 156 детей (51 ученик 5–6 классов, 80 учащихся 1–4 классов и 25 учащихся 0-го класса.)<sup>410</sup>. По 4-й класс включительно дети занимаются 2 раза в неделю, с 5-го класса кроме Закона Божия (по школьной программе именуемого «Основами православной культуры») преподаются церковнославянский язык и церковное пение. Действуют библейский кружок и кружок церковного пения. Организуются поездки по монастырям и храмам города и области. При школе создан кабинет православного воспитания, в котором собрана православная учебная, методическая литература, периодика, которые используются учителями школы. Помимо занятий с православными классами ведется работа и с остальными учащимися школы. Разработана система внеклассных бесед с учениками 5–11 классов, с тем, чтобы в каждом классе не менее 3–4 раз в году были проведены беседы на религиозно – нравственные темы.

Деятельность Русской Православной Церкви в сфере религиозного образования и духовного просвещения сегодня обширная и многосторонняя. Практически уже в каждой епархии сегодня открыта Духовная семинария или Духовное училище, открываются православные общеобразовательные и воскресные школы, развивается церковная издательская деятельность, активно работают православные библиотеки и духовные центры, ведется разносторонняя работа с молодежью. Во время духовного кризиса, когда общество потеряло твердые нравственные ценности и духовные ориентиры, эта деятельность Русской Православной Церкви, являющаяся одной из немногих целостных и духовно здоровых патриотических сил российского общества, является особо необходимой.

Долг Церкви – бороться против пропаганды насилия и порока, против внедрения в общественном сознании культа низменных инстинктов. Особую роль здесь играет работа с молодежью; в первую очередь, через образование, через школу.

Попытки создания сугубо православных общеобразовательных школ оказались не вполне целесообразными, за исключением тех случаев, когда они создавались при монастырских детских приютах. Неудачу этих школ, с одной стороны, обуславливало то, что детей в них привели родители, в значительной своей части, далекие от Церкви, а это создавало ситуацию внутреннего конфликта в душе ребенка. В школе он учился одному образу жизни, дома же воспринимал другой, что не могло положительно сказаться на

его психике. Как недостаток таких школ называли и то, что дети росли в них во многом оторванные от реальных общественных отношений современного мира и, выйдя во взрослую жизнь, могли оказаться в ней дезориентированы.

Впрочем, второе утверждение носит более спорный характер, так как духовная жизнь современного общества зачастую бывает такова, что и неплохо научиться внутренней самоизоляции от многих сторон жизни; ребенок же, с незрелой психикой, может подойти к внутренней самоизоляции только через внешнюю. Во всяком случае, православные общеобразовательные школы при монастырских приютах, где дети не мучаются от противоречий между нецерковным воспитанием в семье и церковным в школе, оцениваются, как образцовые, как церковным, так и светскими кругами.

Вплоть до 1990 года, когда были приняты Законы СССР и РСФСР о свободе вероисповеданий, религиозные организации в СССР, в том числе и Русская Православная Церковь, были практически лишены возможности осуществлять общественное и социальное служение, заниматься благотворительностью. Статья 24 нового Закона РСФСР дала религиозным организациям право осуществлять благотворительную деятельность как самостоятельно, так и через общественные организации (фонды)<sup>411</sup>. В целом оба закона позволили религиозным организациям начать осуществление общественного и социального служения, которое долгие годы было им государством запрещено.

Церковь не замедлила начать деятельность в сфере благотворительности, в том числе и на местах. В начале 1990 года настоятель Успенского кафедрального собора г. Владимир протоиерей Александр Кузнецов обратился во Владимирский горисполком с просьбой о разрешении посещения священнослужителями детских домов, домов ребенка, интернатов и тюрем с благотворительной целью. Просьба была удовлетворена<sup>412</sup>.

Большое внимание социальному служению уделяется в Костромской епархии. В селе Ковалево Нерехтского района настоятелем Преображенской церкви протоиереем Андреем Ворониным создан детский приют для мальчиков – сирот. Невдалеке от Нерехты, при Свято – Троицком Пахомиевом монастыре, приют для девочек организовала игуменья Алексия (Ремизова). В самом центре Костромы, в зданиях древней Богоявленско-Анастасьиной обители, расположились и приют для девочек – сирот, и богадельня для престарелых<sup>413</sup>. В селе Ковалево общими усилиями благотворительного фонда «Преображение» и Костромской епархии в 1999 году готовился к введению новый корпус, строительство которого подходит к завершению. Новое здание примет более 40 детей. Богадельни действуют также при Пансиево-Галичском и Макариево-Унженском монастырях Костромской епархии, открыт православный медицинский центр, где оказывают бесплатную поддержку малообеспеченным больным, работают приходские благотворительные службы<sup>414</sup>.

В 1999 году во всех епархиях Русской Православной Церкви организовывалась раздача благотворительной помощи нуждающимся по линии американской благотворительной организации Международного

Православного благотворительного объединения, Синодального Отдела Русской Православной Церкви по социальному служению и церковной благотворительности.

Во Владимирской епархии действуют благотворительные организации: братство св. Александра Невского и сестричество св. Георгия Владимирского. Проводится работа по созданию в каждом крупном районном центре бесплатной столовой, магазина и аптеки для малоимущих, организации патронажной службы<sup>415</sup>. Владимирские сестры милосердия дежурят у тяжелых больных в ожоговом отделении, в психиатрической больнице, навещают дом инвалидов, ухаживают за одинокими стариками на дому. После создания приюта – убежища для несовершеннолетних взяли и его под свою опеку<sup>416</sup>.

В Ивановской епархии в 1994 году игуменьей Ольгой (Соколовой) был создан приют для девочек – сирот и из неблагополучных семей при Свято – Успенском женском монастыре села Дунилово Шуйского района, а в 1997 году архимандритом Зосимой (Шевчуком) и монахиней Евгенией (Подолещенко) – при Никольском женском монастыре г. Приволжска.

С 1994 года в Ивановской епархии начала активную работу епархиальная тюремная миссия, возглавляемая настоятелем и духовником Свято – Введенского женского монастыря г. Иваново архимандритом Амвросием (Юрасовым). Тюремная миссия за время своего существования внесла весомый вклад в нравственное воспитание и перерождение осужденных.

Однако 1990-е годы – время, когда многие из вновь открытых храмов, из-за отсутствия необходимых средств оказывались на грани выживания; были такие, где служба едва начавшись, прекращалась, так как храм не мог минимально содержать священника. Иногда священник для того, чтобы иметь возможность служить в храме в воскресенье и праздничные дни остальное время вынужден был трудиться на светской работе или жить натуральным хозяйством; иногда государственная пенсия священника была единственным источником содержания не только самого его, но и храма ... В это же самое время другие храмы имели сверхдоходы. Даже в Православной прессе 1990-х можно прочитать о том, что «существуют страшные с христианской точки зрения разобщения между большими и материально процветающими храмами в городе – и убогими, бедными сельскими церквями, а также между пастырями тех и других приходов»<sup>417</sup>.

Этой проблеме уделяет пристальное внимание Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, делаются шаги по централизованному распределению средств, что затруднено тем, что как правило, каждый монастырь или приход – самостоятельное юридическое лицо со своим расчетным счетом. Благополучие конкретной религиозной организации во многом определяется активностью позиции ее настоятеля, его способностью привлечь благотворителей, которые, в свою очередь, зачастую предпочитают жертвовать конкретному монастырю или приходу, а не епархиальному управлению.

Широкомасштабные конференции, торжества и другие мероприятия проходят и во многих епархиях. Например, во Владимирской епархии в 1990



году прошли юбилейные торжества, посвященные 1000-летию Крещения Владимиром – Суздальской земли<sup>418</sup>, в Костромской епархии в 1999 году, в Макарьеве, прошли торжества, посвященные 555-летию со дня преставления преподобного Макария Унженского – чудотворца<sup>419</sup>.

В Волгограде, по инициативе епархии, прошел целый ряд Российских Соборных конференций. Первая из них под названием «Как нам обустроить свою жизнь» прошла в 13–18 июня 1994 года. В ней участвовали представители 8 областей. Вторая с названием «Духовно-нравственное и патриотическое воспитание народа» прошла 18–19 сентября 1997 года и в ней приняли участие представители уже 14 областей и республик. Третья конференция «Создание благотворных систем на научной и духовно-нравственной основе», прошедшая 25–30 мая 1998 года, привлекла участников уже из 16 областей в том числе из Украины, Белоруссии, Молдавии.<sup>420</sup>

1990-е годы – особый период в истории Русской Православной Церкви. С одной стороны, она избавилась от тоталитарного гнета государственных структур, с другой, начала получать от них определенную помощь в реализации общественно-значимых программ, не став при этом от государства зависимой. Разрушение коммунистических идеалов способствовало массовому приходу потерявших жизненные ориентиры людей в Церковь. Однако те, кто пришел в Церковь в минуту растерянности или, следуя моде, быстро отсеялись. Примерно к 1993 году церковная жизнь начала выравниваться, приспосабливаясь к новой форме своего бытия.

В большом количестве открывались монастыри и храмы, Русская Православная Церковь начала активную деятельность в самых различных общественно-значимых сферах: образовательной, издательской, социальной и иных.

Большую роль в церковном возрождении сыграло новое государственное законодательство в отношении религии, изменившееся в положительную сторону в 1990 году, а затем ставшее еще более благоприятным для Церкви в 1997 году.

Во второй половине 1990-х годов важнейшей заботой Русской Православной Церкви становится забота о стабилизации духовной обстановки в российском обществе. Одна из первоочередных ее задач – противопоставить твердые нравственные ориентиры и ценности тому культу денег, похоти и живой силы, который культивирует в сознании молодежи антироссийская пропаганда. Церковь всемерно способствует развитию в душах своих прихожан любви к семье, своей Родине; укреплению семьи, государства и армии; работает со всеми слоями населения, так как каждому человеку в наше нелегкое время необходима моральная поддержка.

Сегодня, во время кризиса ценностей в обществе, огромное значение Православия для возрождения России очевидно. Активное сотрудничество государства и общества с Церковью, несомненно, будет весьма способствовать более быстрому духовному возрождению России, без которого невозможно и ее социально – экономическое возрождение.

## **§ 2. Церковно-государственные отношения в условиях постсоветской России.**

После Великой Отечественной Войны, примерно до 1958 года, государственное давление на Церковь несколько смягчилось, но правовая база ее существования в советском государстве практически не изменилась и, последовавшие затем хрущевские гонения в рамках советских законов о религии можно рассматривать, как вполне естественный процесс. Даже в 1988 году, когда прошли широкомасштабные торжества, посвященные 1000-летию Крещения Руси, когда Церковь постепенно начала выходить из того бесправного положения, в которое определила ее советская система, основным законом о религии в СССР, продолжало оставаться дискриминационное постановление ВЦИК и СНК от 1929 года. Правда в это время несоответствие данного постановления новым историческим реалиям уже остро ощущалось обществом, и шла подготовка нового религиозного законодательства.

Новые законы о религии СССР и РСФСР были приняты почти одновременно. Российский закон был разработан быстро и дополнен существенными поправками Комитета Верховного Совета по свободе совести, милосердию и благотворительности. В то же время союзный закон имел трудную судьбу.

Коммунистическим деятелям удавалось постоянно блокировать разработку проекта закона и внесение в него либеральных статей. Спустя три недели после опубликования закона СССР (01.10.1990), РСФСР представила свой Закон о свободе вероисповеданий (25.10.1990). Религиозные организации получили статус юридического лица. Родители получают право на религиозное воспитание детей. Были разрешены миссионерская и публицистическая деятельность Церкви. Смогла свободно развиваться приходская жизнь.

Однако если российский закон можно сравнить с западными законами, то в союзном законе можно найти несколько антирелигиозных штрихов, – так, например, статья 6 не предусматривает преподавание Закона Божьего в государственных школах. В то же время статья 9 российского закона гласит, что «религиозное воспитание... может осуществляться... по желанию граждан... в любых дошкольных и учебных заведениях и организациях». Союзный закон не предусматривал замены по религиозным убеждениям военной службы, связанной с ношением оружия, альтернативной (ст. 4) – российский закон (ст. 7) такое право формировал. Союзный закон предусматривал сохранение контрольного органа – Совета по делам религий, с правом решать координационные задачи (ст. 29), в российском законе о таком внепарламентском органе вообще не говорилось (ст. 11).

Принятию нового закона предшествовала большая полемика, в которой приняли участие, как церковные иерархи и политические деятели, так и рядовые граждане. Б.Н. Ельцин, в то время Председатель Верховного Совета

РСФСР, отмечал: необходимость упразднения Совета по делам религий при Совмине СССР, как управленческого органа, необходимость сотрудничества власти и Церкви в делах милосердия во имя подъема нравственности, необходимость возвращения Церкви некогда отобранных у нее храмов<sup>421</sup>. Секретарь Комитета Верховного Совета СССР по вопросам строительства и архитектуры М. Бочаров говорил о необходимости возрождения гражданской роли церкви, о полном освобождении ее от налогов, о важности передачи храмов в собственность Церкви<sup>422</sup>. Депутат Верховного Совета СССР М. Костенецкая отмечала необходимость окончательного упразднения обязательного обучения со сдачей экзаменов по атеизму в учебных заведениях страны<sup>423</sup>. А вскоре, после принятия новых законов о религии, народный депутат РСФСР Т.И. Корягина высказывала еще более смелые суждения, говорила о том, что Церковь должна подсчитать свои потери и предъявить иск государству и КПСС, которая фактически правила государством<sup>424</sup>.

В редакции церковных и государственных средств массовой информации поступало множество писем от рядовых граждан разного возраста, считавших, что Церкви должны быть возвращены права на полное и разностороннее служение, отнятые у нее советским государством, включая право иметь статус юридического лица, собственность, вести образовательную, миссионерскую и благотворительную деятельность.

Советский закон, вместе с положительными сторонами, имел и недостатки. Например, в главе III «Имущественное положение религиозных организаций» не получила отражения справедливо высказывавшееся в процессе разработки закона желание многих граждан и организаций, просьба Поместного Собора Русской Православной Церкви 1990 года о закреплении в законе права религиозных объединений получить в собственность используемое ими недвижимое имущество (храмовые здания и другие сооружения), если они находятся на их полном содержании, включая реставрацию, ремонт, реконструкцию<sup>425</sup>. Но его основные недостатки исчезли вместе с самим СССР.

Российский же закон, как более прогрессивный, открывал перед Церковью новые горизонты. Он «способствовал освобождению от наследия тоталитарного общества», в котором религиозные организации, формально отделенные от государства, вынуждены были существовать в режиме диктата со стороны идеологизированного государства, без правовой защиты, поскольку ни право граждан на свободу совести, ни положение религиозных объединений не имели цивилизованного правового основания<sup>426</sup>.

Однако процесс возвращения Церкви имущества религиозного назначения не закончился не только в 1990-е годы, но продолжается и по настоящее время. Не всегда этот процесс проходил безболезненно. Например, в 1999 году арбитражный суд Ульяновской области вынес решение о передаче здания, в котором до 1917 года располагалась Симбирская Духовная семинария, Ульяновской епархии. Администрация города обратилась с кассационной жалобой, агрессивная антицерковная компания была

развёрнута в местной прессе. Мэрия продала данное здание на аукционе и в нем были размещены кафе, магазин дорогой парфюмерии – несмотря на то, что к этому времени уже вошли в силу законодательные нормы, регулирующие отношения между Церковью и государством по вопросам недвижимости<sup>427</sup>.

Казанский собор в Санкт-Петербурге, в передаче которого Церкви была намечена на 4 ноября 1999 года, не был в указанный срок возвращен епархии, несмотря на принятое решение губернатора Владимира Яковлева, из-за противодействия оказываемого занимающим собор государственным музеем истории религии<sup>428</sup>.

В соответствии с Законом РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 года, были реабилитированы, независимо от фактической обоснованности обвинения, лица, осужденные за нарушения законов об отделении Церкви от государства и школы от Церкви. Целям восстановления справедливости, законных прав граждан России на свободу совести и вероисповедания, служит, также Указ Президента Российской Федерации «О мерах по реабилитации священнослужителей и верующих, ставших жертвами необоснованных репрессий» от 14 марта 1996 года<sup>429</sup>.

Новый Закон «О свободе совести и религиозных объединениях» от 26.09.1997 был призван, несколько ограничить деятельность зарубежных проповедников нетрадиционных для России религиозных учений, но, в отношении Православия был вполне лоялен. «Особая роль Православия в истории России, в становлении и активности ее духовной культуры» признается в преамбуле этого Закона.

Согласно этому Закону религиозное объединение «создается и осуществляет свою деятельность в соответствии со своей собственной иерархической и институционной структурой, выбирает, назначает и заменяет свой персонал согласно своим собственным установлениям<sup>430</sup>», «религиозные организации вправе в соответствии со своими уставами и с законодательством Российской Федерации создавать образовательные учреждения»<sup>431</sup>, «по просьбе религиозных организаций соответствующие органы государственной власти в РФ вправе объявлять религиозные праздники нерабочими (праздничными) днями на соответствующих территориях»<sup>432</sup>, «тайна исповеди охраняется законом»<sup>433</sup>, имеется ряд других положений, позволяющих Церкви активно осуществлять свою миссию.

Из всего этого мы видим, что государственное законодательство в отношении религий играет исключительно важную роль, как для взаимоотношений Церкви с государством, так и для внутрицерковной жизни. Гонения на Церковь в первые десятилетия существования советского государства не могли бы быть столь интенсивны, если бы не имели под собой соответствующей законодательной базы. И послевоенная «оттепель» в церковно-государственных отношениях смогла так легко перейти в хрущевские гонения на Церковь именно потому, что никакого законодательного основания эта «оттепель» практически не имела. Также и в 1990-е годы такое бурное возрождение церковной жизни, связанное с массовым открытием монастырей

и храмов, строительством новых культовых зданий, расширением сферы церковной деятельности, началом Церковью работы в областях религиозного образования и духовного просвещения, социального служения обществу, стало возможным именно вследствие изменения государственных законов о религии.

В то время, для разработки новых прогрессивных законов о религии большое позитивное значение имело избрание священнослужителей народными депутатами СССР. Святейший Патриарх Алексий II, в то время митрополит, был избран депутатом от фонда милосердия и здоровья, что позволило ему активно влиять на выработку нового законодательства о свободе совести. В связи с этим Патриарх говорил: «Депутатство различных уровней – сегодня не тот путь, который необходимо выбрать духовенству для осуществления своей миссии. Но, на первом этапе, когда в нашей стране возродились свободные выборы и нормальная депутатская работа, участие священнослужителей в Верховном Совете России и СССР, работа на съездах народных депутатов имела смысл, например, в связи с обсуждением и принятием нового законодательства о свободе совести. Ведь большинство депутатов просто не представляло себе реального положения Церкви, ее структур в нашем обществе... Они не понимали, например, что предыдущий закон 1929 года был дискриминационным. В принятие нового, значительно более справедливого закона, как в России, так и в СССР, тогда еще существовавшем, депутаты-священнослужители внесли большой вклад. Сегодня ситуация изменилась. Волны политических страстей захлестывают общество с такой силой, что, я думаю, участие в этих сражениях Церкви и ее представителей не имеет смысла: наша задача в другом – в нравственном оздоровлении народа»<sup>434</sup>.

В 1990 году на выборах в Костромской Совет народных депутатов уверенно победил епископ Костромской и Галичский Александр и в течение трех лет участвовал в работе Совета<sup>435</sup>. Сам он так вспоминал о своей работе в облсовете: «В те годы это было оправдано. Помню, что ни одного дня заседаний не проходило без обсуждения церковных вопросов. Для многих стало откровением, что в Костроме существует епархия, есть свой епископ, который представляет интересы большой группы верующих. Другим важным этапом оживления церковной жизни стало двухдневное собрание, в котором приняли участие настоятели всех православных храмов области и главы всех районных администраций. Так мало-помалу люди узнавали друг друга, и стена, искусственно возведенная между Церковью и обществом, разрушалась»<sup>436</sup>.

Важными подтверждениями укрепления церковных позиций были также перевод церковных пенсионеров на государственное пенсионное обеспечение в 1992 году и объявление Верховным Советом РСФСР праздника Рождества Христова нерабочим днем, начиная с 1991 года<sup>437</sup>.

Перемены в церковно-государственных отношениях не всеми принимались одинаково. Например, уполномоченный Совета по Костромской области М.В. Кузнецов, несмотря на выговоры и взыскания, защищал храмы

от закрытия, словом и делом помогал священнослужителям. А с назначением на Костромскую кафедру в 1989 году деятельного епископа Александра, М.В. Кузнецов стал верным его соратником в деле духовного возрождения Костромской земли<sup>438</sup>. А вот во Владимирской епархии уполномоченный в 1990 году очень возмущался тем, что председателем Владимирского горисполкома, в обход его, было принято положительное решение по ряду ключевых церковных вопросов и писал: «Считал бы целесообразным просить председателей гор-райисполкомов перед принятием решений по вопросам, относящимся к деятельности религиозных общин предварительно консультироваться с представителями компетентных организаций облисполкома»<sup>439</sup>.

Уже в 1992 году деятельность епархий и церковных приходов значительно упростилось. Это было связано с тем, что на дела Церкви все чаще и чаще стали обращать внимание, как рядовые граждане, так и различные объединения и организации. И если еще недавно контакт между епархией и властными структурами мог осуществляться только через уполномоченного Совета по делам религии, то теперь он стал осуществляться напрямую. Постоянными стали рабочие контакты церковных структур с администрациями области, городов и районов, поселков, сел<sup>440</sup>.

Большим достижением в жизни Ивановской епархии явилось решение № 97 от 08.07.1992 года Ивановского малого областного Совета народных депутатов, согласно которому были приняты предложения архиепископа Амвросия, поддержанные областной администрацией, о передаче в собственность Ивановской епархии церковных зданий, сопутствующих им сооружений, церковной утвари и земельных участков. Порядок и сроки передачи в собственность этого имущества были определены в постановлении главы администрации Ивановской области № 223 от 13.08.1993 года<sup>441</sup>. Теперь Ивановская епархия стала являться собственником земель, зданий и утвари более чем 135-и храмов, которые были зачислены на ее баланс.

По благословению архиепископа Екатеринбургского и Верхотурского Викентия с 1999 года 7 декабря, в день памяти святой великомученицы Екатерины, стал праздноваться Церковный день города Екатеринбурга<sup>442</sup>. В Ивановской епархии по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II с 2000 года был учреждён день памяти Собора Ивановских святых, празднование которого определено на 20 июня – день образования области.

Однако необходимость заниматься воссозданием церковной инфраструктуры отвлекала многих архиереев и священников собственно от пастырского служения. Митрополит Воронежский и Липецкий Мефодий в одном из интервью сказал: «анализирую пройденный день, неделю, месяц, год всё чаще ловлю себя на мысли, что я всё-таки не прораб, не начальник строительного управления. Взяв же на себя все заботы о строительстве и реставрации, к своему личному духовному возрождению, внутренней реставрации я так и не приступал. Как архипастырь я многое должен был бы

делать мягче, добрее, с большим христианским смирением, как учит нас Церковь»<sup>443</sup>.

Об укреплении отношений между церковью и государством свидетельствует и награждение церковных деятелей государственными наградами. Например, в 1998 году управляющий Ивановской епархией архиепископ Амвросий был награжден орденом Почета. Управляющий Костромской епархией архиепископ Александр, в 1994 году, был награжден орденом Дружбы Народов, а в 1999 году орденом Почета, митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл орденом «За заслуги перед Отечеством».

Можно констатировать, что Русская Православная Церковь играет все большую роль в жизни российского общества, оказывая благотворное духовное влияние на позитивное развитие многих общественных процессов. Несмотря на то, что сама она находится в крайне стесненном материальном положении, Церковь находит возможность и для оказания поддержки социально незащищенным слоям общества, хотя, на сегодняшний день, и в достаточно скромных объемах.

Открываются церковные социальные учреждения, такие, как приюты, дома престарелых, организуются различные благотворительные акции. Не становясь частью государственной системы. Церковь начинает играть в жизни общества столь значительную роль, что многие видные церковные деятели награждаются правительственными наградами. Широкомасштабные мероприятия, проводимые Церковью, привлекают к себе внимание общественности.

Одновременно нельзя не отметить, что «провал на выборах всех, так называемых православных партий ясно доказывает невозможность для какой-либо общественной силы пытаться опереться на авторитет Церкви, одновременно игнорируя церковные установления, отказываясь от принципа церковной дисциплины»<sup>444</sup>.

### § 3. Постсоветское общество в России и Русская Православная Церковь

1990-е годы – особый период в церковно-общественных отношениях в России. В ситуации, когда крах коммунистической идеологии привел к идеологическому вакууму, а свобода слова обернулась пропагандой вседозволенности и порока, общество нуждалось в новом объединяющем стержне. Большие надежды возлагались на Русскую Православную Церковь, однако в высшей степени наивным было полагать, что Церковь, которая чудом выжила в годы гонений, лучших членов которой казнили, заключали в тюрьмы и лагеря, ссылали и всячески ограничивали в правах, в одночасье сумеет стать силой, способной объединить нацию на новых началах. Многие ждали от Церкви чуда, но чудом было уже то, что Русская Православная Церковь после таких тяжелых испытаний вообще смогла возродиться. С середины 1990-х годов общественное отношение к Церкви начинает меняться.

В ходе общественных дискуссий и разрешения конкретных ситуаций сложились различные формы общественного отношения к Церкви. Во-первых, выделились так называемые «ревнители», которые боролись с экуменизмом, противопоставляли себя либеральной, на их взгляд, иерархии, придерживались крайне правых политических взглядов. Эта группа, включающая как клириков, так и светских деятелей, как правило, и сейчас действует в рамках Церкви, но нередко оказывается на грани раскола. Во-вторых, в полемике с первыми определились «нецерковные либералы», интересующиеся церковными проблемами и толкующие их в средствах массовой информации в силу собственного их понимания. Эта группа, состоящая в основном из творческой интеллигенции, (отдельные представители которой в 90-е гг. перешли в клир), весьма малочисленна, но по сей день играет большую роль в формировании общественного мнения о Церкви. Особую группу составили внутрицерковные и примыкающие к ним светские общественные движения, борющиеся за нравственное возрождение России.

При этом основная часть общества, в целом мало религиозная, или религиозно-индифферентная, недостаточно осведомлена о церковной жизни, и ее отношение к Церкви складывается во многом под влиянием сиюминутных впечатлений. Как отмечал профессор Санкт-Петербургской Духовной академии протоиерей Владимир Сорокин, особенностью нашего времени является то, что в Церковь пришло много новых людей, порою с комсомольским, партийным, профсоюзным прошлым. Они... «не ощущают себя полноценными православными, если рядом не находят врага, еретика. И в жизни церковной наблюдается такое нагнетание, поиск противостояний: экуменист – ревнитель канонов, консерватор – либерал, монах – белый священник»<sup>445</sup>

Среди крайних право-консервативных групп в церкви необходимо особо выделить группировку, идеологом которой является К. Ю. Душенов, а рупором – газета «Русь Православная». Они позиционируют себя в качестве



последователей митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). К. Ю. Душенов пишет о нем так: «Активная церковно-публицистическая деятельность митрополита Иоанна в 1992–1995 годах приобрела исключительно важное значение. Заговорив открыто и нелестно о самых жгучих проблемах Российского общества, он с удивительной быстротой превратился в живой символ Русского Духовного возрождения, бесспорного нравственно-религиозного лидера патриотических сил»<sup>446</sup>. По мнению К. Душенова «это не могло не вызвать раздражения и озлобления могущественной церковной номенклатуры, потому что нарушало тот баланс сил который позволял ей оставаться хозяйкою положения в Церкви независимо от потрясений, переживаемых страной и рядовыми верующими»<sup>447</sup>.

Выпускаемая Душеновым газета «Русь Православная» продолжает выходить под грифом «Издается по благословию митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна» несмотря на то, что митрополит Иоанн умер в 1995 г., а Санкт-Петербургскую епархию возглавляет митрополит Владимир (Котляров). Это издание отмечено крайне критическим отношением к церковной иерархии РПЦ, что признает и сам Душенов. В своей книге, «Молчанием предается Бог» составленной из опубликованных в данной газете статей, он делает такое примечание: «во избежание возможного соблазна я решил ограничить тираж этой книги и отказаться от её свободного распространения. Дай Бог, чтобы она попала в руки только тех, кто сумеет отличить искреннюю заботу об очищении церковной жизни от критического зуда огульного очернительства»<sup>448</sup>.

Для иллюстрации можно привести несколько цитат из «Руси Православной», автором которых является уже не сам главный редактор:

– «Совершенно ясно, что пока зараза либерализма и вероотступничества охватившая часть высокопоставленных церковных иерархов, плюс братание с еретиками, не будет искоренена, надеяться на истинное возрождение Православной России бесполезно»<sup>449</sup>;

– «Наши церковные руководители не готовы отстаивать перед государственной властью интересы своей русской паствы»<sup>450</sup>;

– «Политику московского священноначалия в отношении к экуменизму, церковному либерализму, и иным формам современной апостасии лучше всего можно описать известной пословицей: шаг вперёд, два назад..»<sup>451</sup>;

– «Если мы будем знать, что творится на самом деле среди иерархов и лжеиерархов, то мы тоже будем бодрствовать и молиться за исправление путей наших»<sup>452</sup>;

– «Истерика жидовствующих демократов достигла таких размеров, что со стороны могло показаться будто в России уже началась полномасштабная гражданская война»<sup>453</sup>.

Цитаты говорят сами за себя и показывают основные идеи издания и тех, кто за ними стоит.

Другие группы так называемых «ревнителей» придерживаются близких взглядов. Как правило, они считают монархию единственным возможной формой правления, выступают за канонизацию Г. Распутина, царя Иоанна Грозного, а некоторые даже за церковное прославление Иосифа Виссарионовича Сталина.

В 1990-е годы знаменем этого течения было движение за прославление Церковью царственных мучеников – императора Николая II и его семьи. Протоиерей Владимир Сорокин так писал об этом: «вопрос канонизации царской семьи, медленно, но верно созревает. Не нужно истерии вокруг. Образ царя не та фигура, вокруг которой нужно кричать. Перед ним надо благоговеть, рассуждая спокойно и трезво. Почитайте, молитесь, изучайте документы, собирайте конференции, служите панихиды, но не нарушайте церковных канонов»<sup>454</sup>. Прославление святых царственных страстотерпцев состоялось на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 2000 года.

Впрочем, по мнению профессора С.М. Усманова, «укрепившие свои позиции «идейные монархисты» в самой России оказались разочарованными итогами общецерковного прославления царя-мученика Николая II. Они собирались возглавлять и направлять ожидаемую волну народного энтузиазма, в этом смысле их надежды явно не оправдались»<sup>455</sup>.

Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, говоря о крайне правом течении в православной общественности, отмечает: «Чаще всего роль наиболее непримиримых воителей за чистоту православия присваивают себе люди еще вчера пребывающие за оградой Церкви. Это вчерашние атеисты, нередко комсомольские работники. ...Человек, бывший до своего обращения неверующим, имевший почти языческие понятия о допустимости блуда, прелюбодеяния, винопития и прочего, вдруг прилепляется к Церкви. А это не просто – нужно менять образ жизни, преображаться внутренне... А сил на это не хватает, преобразования не происходит, хотя чисто внешне церковность присутствует... И вот ему предлагается решение, снимающее все противоречия: защищать Православие от внешнего врага ...Чем менее преуспел человек в борьбе с самим собой тем сильнее будет его натиск, обращенный вовне. Наверняка, могут существовать и другие поведенческие модели. Например, из нашего общества никуда не исчезли силы, ненавидящие Церковь и боящиеся её авторитета. Эти силы обладают необходимыми финансовыми средствами и хорошо организованы. Я отнюдь не исключаю что иные из наших «бескомпромиссных» воителей, готовые «защищать» Русское Православие вплоть до раскола церковного единства, действуют не без внушения антицерковных сил»<sup>456</sup>.

Нельзя не упомянуть в этой связи и еще об одной проблеме – проблеме индивидуального идентификационного номера физического лица, вызвавшую бурную полемику в самых широких церковных кругах в конце 1990-х не потерявшую свою актуальность и в настоящее время.

Многих верующих смутило то, что личный ИНН может оказаться «числом зверя – 666» о котором говорится в Апокалипсисе. Как ответ на возникшую панику последовало послание Священного Синода Русской Православной

Церкви от 7 марта 2000 года: «Уважать чувства верующих. Хранить христианское трезвомыслие». В послании говорится: «Пытающимся связать идентификационные номера с «печатью антихриста» напоминаем, что в святоотеческом предании такая печать понималась как знак, закрепляющий сознательное отречение от Христа... Вопреки этой традиции иногда утверждают, что технологическое воздействие якобы может само по себе произвести переворот в сокровенных глубинах человеческой души, приводя её к забвению Христа. Такое суеверие расходится с Православным толкованием Откровения святого Иоанна Богослова, согласно которому «печать зверя» ставится на тех, кто сознательно уверует в него «единственно ради ложных его чудес» (святитель Иоанн Златоуст). Никакой внешний знак не нарушает духовного здоровья человека, если не становится следствием сознательной измены Христу и поругания веры»<sup>457</sup>.

Говоря о людях, создающих ажиотаж вокруг проблемы ИНН, известный современный богослов диакон Андрей Кураев пишет: «То они настаивают на созыве Собора, посвященного именно проблеме ИНН, то заранее обязуются не согласиться с его решением, если оно их не устроит»<sup>458</sup>. Однако протест Церкви против навязывания ИНН, по сути дела, состоялся. Сначала с бланков заявлений о присвоении «номеров» был убран штрих-код, а затем их заменили на анкеты. Однако в полной мере проблема не снята и сегодня.

Говоря об общественной группе нецерковных или околоцерковных либералов, также нельзя не заметить их негативного отношения к церкви, зачастую необъективные и тенденциозные оценки. Например, Николай Митрохин, завершая свой обширный труд «Русская Православная Церковь: современное состояние и актуальные проблемы» так резюмирует его: «за 1990-е гг. Русская Православная Церковь упустила свой шанс вписаться в современный мир, стать одним из ключевых институтов формирующегося в России и других государствах постсоветского пространства гражданского общества. Она все более становится реликтом минувших веков (как в религиозном так и в политическом отношении) и одновременно разлагается организационно, превращаясь в замкнутое и плохо управляемое сообщество религиозного значения. При антидемократическом направлении российской политики РПЦ может стать великой составляющей консервативно-государственной националистической идеологии. Однако пока её путь такой же, как у других больших исторических конфессий в Европе, – становится прибежищем для людей с низким уровнем образования и «традиционалистским» мировоззрением, выглядеть «пустым местом» для среднего класса, превращаться в объект насмешек для интеллектуалов и молодёжи, а главное – быть наблюдателем и критиком, но не участником текущих политических и социальных процессов»<sup>459</sup>.

Между тем реальность показывает, что «гражданское общество» в либеральном понимании, по всей видимости, имеет весьма малые перспективы развития в России в ближайшие десятилетия, а число приходов Русской Православной Церкви (кстати, относящихся к «третьему сектору») растёт с каждым годом. Церковь выступает как неперенный участник множества

значимых социальных и даже политических процессов, хотя политика не входит в круг задач Церкви. Растет число православных людей с высшим образованием и учёными степенями. В Москве большинство среди прихожан многих храмов составляет именно интеллигенция. Среди приходящих в Церковь много молодёжи. Если в католической Европе средней считается семинария с 20 студентами<sup>460</sup>, то для России средней является православная семинария, где очно учатся около 100 студентов.

Однако либеральные идеологи находят «свои» факты, на основе которых и делают далеко идущие выводы. Тот же Н. Митрохин, говоря об источниках, на которых он строил своё исследование, отмечает, что существенная их часть – это его устные интервью с различными священнослужителями или с так или иначе связанными с церковью людьми (фактически, зачастую автор использует обыкновенные сплетни), а также материалы Интернета и СМИ (о степени достоверности многих из которых также можно говорить с большой натяжкой).

Так, например, Н. Митрохин пишет: «То, что по официальным данным именуется приютом на 60 сирот Свято-Успенского женского монастыря в Ивановской области, в глазах бывшей насельницы выглядит так: «При общине, вспоминала Надя, жили дети разных возрастов, которые работали наравне со взрослыми. Надежда рассказывала, как у неё разрывалось сердце при виде полуголодных детишек, вшивых, полубольных, живущих в полуподвальных комнатухах, похожих на чеченские зинданы. Однажды в монастыре появилась женщина с тремя малолетними детьми. Через некоторое время доведенную до сумасшествия женщину отправили в психушку (больные монастырю не нужны), а детей оставили. Они таскали бревна, мешки, уголь. Кормили их в лучшем случае горсткой каши на воде, а в худшем – скисшими огурцами, которые жалко было выбрасывать на помойку. Молока малолетние рабы не видели»<sup>461</sup>. Далее он пишет: «при интервьюировании журналом «Нескучный сад» руководителей православных детских домов все опрошенные в качестве примеров успешной социализации своих выпускников заявили о том, что некоторые из них поступили в православные вузы, но никто не упомянул ни об одном случае учёбы в вузах светских»<sup>462</sup>.

Между тем автор данной статьи лично бывал в Свято-Успенском женском монастыре с. Дунилово о котором идет речь и может засвидетельствовать, что воспитанницы в нем живут в прекрасных условиях, гимназия имеет государственную аккредитацию, многие из её воспитанниц поступили в Шуйский государственный педагогический университет. Деятельность приюта получила высокую оценку губернатора Ивановской области В. И. Тихонова. За деятельность по организации данного социального церковного учреждения настоятельница монастыря игумения Ольга (Соколова), имеющая два высших светских образования, в 2004 году была награждена медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

Говоря об архиепископе Иваново-Вознесенском и Кинешемском Амвросии, Н. Митрохин называет его «одним из самых малообразованных

архиереев РПЦ»<sup>463</sup>. Между тем архиепископ Амвросий является почётным профессором Шуйского государственного педагогического университета, является действительным членом Международной академии гуманизации образования. Все эти звания даны ему не Церковью, и не являются «покупными» (по существующей сегодня в России традиции приобретать различные почётные учёные звания и степени в новообразованных академиях за определенную денежную мзду). Архиепископ Амвросий пользуется высоким авторитетом в кругах самой широкой, в том числе научной общественности.

Другой либеральный автор, М. Жеребятьев, рассуждая о степени доверия жителей России к Русской Православной Церкви, делает следующее заключение: «На сегодня доверие россиян к РПЦ МП, регистрируемое с помощью социологических опросов, обусловлено скорее, отрицательными величинами – неприятием действий власти, банкротством политиков, партий, идеологий. Церковь, отдающая предпочтение государственному церемониалу, и ставящая себя поверх «мелочей» – повседневных общественно значимых инициатив, ощутимых каждым «малым сим», – вряд ли может рассчитывать на понимание обществом своей позиции в долговременной перспективе»<sup>464</sup>. По сути, игнорируя данные научных исследований, однозначно свидетельствующих о позитивном отношении населения к РПЦ, автор подставляет на их место собственные сомнительные предположения.

Примеры можно множить и далее, но это вряд ли имеет смысл. Либеральные интеллектуалы видят в Церкви лишь то, что они хотели бы видеть, и рассчитывать на изменение их позиции в лучшую сторону в ближайшее время вряд ли можно рассчитывать.

Большую роль в современной церковно-общественной жизни играет движение за нравственное возрождение России. Оно находит большую поддержку у Патриарха и у виднейших иерархов Церкви. Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл отмечал: «Если нравственность уходит из жизни общества, то оно превращается в волчью стаю, в банку со скорпионами и люди начинают друг друга уничтожать. И никакие законы не помогают, никакие законы не работают, если уходит нравственное начало. И когда мы говорим, что деньги нужно вложить в бюджет, что бы повысить эффективность нашей правовой и правоохранительной системы – то можем весь бюджет туда направить, а общество будет волчьей стаей. Невозможно добиться нормальной жизни, совместной жизни людей без поддержания нравственной составляющей. Мы можем прогнозировать, что падение нравственности, прогресс бездуховности и вседозволенности на фоне глобализации способны привести к вырождению и, возможно, самоуничтожению человечества»<sup>465</sup>.

Среди основных направлений современного православного общественного движения за общественную нравственность необходимо отметить борьбу против легализации аборт, проституции, половых извращений, за целостность семьи, нравственное воспитание детей. Существует много православных общественных организаций, трудящихся в данном направлении, как в Москве так и в регионах. В Москве, например, активно работает

центр «Жизнь», возглавляемый священником Максимом Обуховым, в г. Иваново – общественный центр «Колыбель», возглавляемый доцентом ИвГУ Е. В. Язевой.

Центром «Жизнь» в январе 2000 года была сделана попытка организовать центр защиты материнства, который, с одной стороны предоставлял имеющуюся информацию о пагубных духовных и физических последствиях аборта, а с другой оказывал ей материальную помощь. Деятельность центра увенчалась некоторым успехом, удалось удержать от аборта многих женщин, сохранив жизнь десятков нерожденных детей<sup>466</sup>.

Большую работу в данном направлении проводят известные московские священники – протоиерей Димитрий Смирнов, Владимир Воробьев, Владислав Свещников, Александр Шаргунов, Артемий Владимиров.<sup>467</sup>

Необходимо отметить и имеющую место общественную деятельность в церкви по преодолению таких социальных пороков, как наркомания и алкоголизм. Ее особенностью является то, что она, как правило, связана с тем или иным храмом или монастырем, а также с конкретным священником. Однако сам характер этой деятельности не позволяет отнести её к проявлениям внутрицерковной жизни; правильнее было рассматривать её как форму церковно-общественных отношений, хотя появляются и такие структуры, как епархиальные отделы по противодействию наркомании и алкоголизму.

Столкновение ревнителей православной нравственности и сторонников либеральных взглядов в 1990-е наиболее ярко проявилось при принятии Государственной Думой Российской Федерации и законодательными органами субъектов Федерации Закона о репродуктивных правах граждан, и в полемике по такому, казалось бы, частному вопросу, как показ по каналу НТВ фильма Мартина Скорцезе «Последнее искушение Христа» (09.11.97). Главный редактор «Новых Известий» И. Голембиовский заявил с телеэкрана в связи с протестами против показа фильма: «Всякая несвобода начинается с запретов в области нравственной»<sup>468</sup>.

По мнению многих православных священнослужителей «1997 год был поворотным годом во взаимоотношениях либеральной обезбоженной интеллигенции с Церковью. Неприятие христианских ценностей особенно ярко выразилось в акции НТВ, поддержанной всей без исключения демократической печатью»<sup>469</sup>.

Говоря о церковно-общественных отношениях в постсоветской России 1990-х, нельзя не отметить, что подавляющее большинство общества либо мало знает о религиозной проблематике, либо религиозно индифферентно. Это создало благоприятную почву для развития нетрадиционных религиозных культов, зачастую деструктивного характера.

Недостаточная активность Православной Церкви, направление основных усилий на ремонтно-восстановительные работы и воссоздание внешней инфраструктуры, неподготовленность многих православных священнослужителей к работе с людьми привели к тому, что многие образо-

ванные и умные люди оказались вовлечёнными в деятельность деструктивных сект, таких как сайентологи, иеговисты, мунисты и др.

Церковь и основная часть общества в современной России, к сожалению, по многим вопросам имеют во многом противоположное мнение. Насаждаемый в настоящее время культ потребительского отношения к жизни деморализует значительную часть населения и делает его неспособным понимать христианские ценности. Та же часть общества, которая более тесно связана в своей деятельности с Русской Православной Церковью, зачастую не понимает специфики внутрицерковной жизни. Следствием этого может стать огульное очернительство.

Необходимо не забывать и того, что священнослужители, монахи и постоянные прихожане православных храмов – это тоже часть современного российского общества. Поэтому неудивительно, что социальные пороки присущие обществу в целом, могут иметь место и в церковной среде. Немаловажен и тот факт, что в Церковь могут придти самые разные люди – от святого до закоренелого преступника. А общественное мнение сегодня, как правило, мало уделяет внимания духовным подвигам, любой же негатив его привлекает. Все это приводит к тому, что у значительной части общества складывается ложный стереотип; представление о Церкви, как сообществе аморальных людей, некоем «оффшоре», а также как о парадной структуре при органах государственной власти Российской Федерации и её субъектов.

Однако в настоящее время Церковью делаются разноплановые шаги для сближения с основной частью российского общества, причём как на уровне руководства Церкви, так и на местах. Насколько они окажутся успешными – покажет ближайшее время.

#### **§ 4. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви 2000 года – важнейший этап истории Российского Православия.**

Прошедший на рубеже двух тысячелетий Юбилейный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви – событие без сомнения знаковое и имеющее далеко не временное значение. Среди важнейших деяний Собора необходимо отметить прославление новомучеников и исповедников Российских, в том числе и царственных страстотерпцев – этим удалена основная причина, делавшая невозможным объединение Русской Православной Церкви и Русской Православной Зарубежной Церкви. Приняты Основы социальной концепции Русской Православной Церкви, основные принципы отношения к инославиям, новая редакция Устава Церкви.

Открывая Собор, Святейший Патриарх Алексий II отметил: «Церковь наша пережила в XX веке страшные испытания, страдания, гонения, но украшалась и укреплялась кровью мучеников. И одним из деяний предстоящего Архиерейского Собора будет канонизация Собора новомучеников нашей Святой Церкви, тех, кто в XX веке верно исповедовал Христа и засвидетельствовал свою веру в Господа и Спасителя нашего. Даже до уз и темницы, до смерти»<sup>470</sup>. В деянии собора о прославлении новомучеников и исповедников Российских говорится: «В наши смутные дни явил Господь ряд новых страдальцев... – писал святой Патриарх исповедник Тихон, – если пошлет нам Господь испытания гонений, уз, мучений и даже смерти, будем терпеливо переносить все, веря, что не без воли Божией свершается это с нами и не останется бесплодным подвиг наш, подобно тому, как страдания мучеников христианских покорили мир учению Христову». Сбылись чаяния исповедника веры святого Патриарха Тихона – на крови мучеников ныне возрождается Русская Православная Церковь... рассмотрев Церковное Предание и мученические акты о подвигах новомучеников Российских XX века, которым было дано ради Христа не только верить в Него, но и страдать за Него (Флп. 1,29), Освященный Архиерейский Собор единомысленно ОПРЕДЕЛЯЕТ:

**1.** Прославить для общецерковного почитания в лике святых Собор новомучеников и исповедников Российских XX века, поименно известных и доныне миру неясных но ведомых Богу.

**2.** Включить в Собор новомучеников и исповедников Российских имена пострадавших за веру свидетельства о которых поступили»<sup>471</sup>.

Главный редактор информационно-православного агентства «Русская Линия» Сергей Григорьев так прокомментировал это решение Собора: «Вдумаемся: Юбилейный Собор прославил поименно более 1000 святых новомучеников и исповедников Российских. Таким образом в наши Святцы будут вписаны более 1000 новых имен русских людей, живших совсем недавно, в этом веке. Вряд ли кому с современных богословов по силам оценить значение свершившегося прославления. ...Как известно, в наших



русских Святцах примерно 2740 имен святых мужей и жен. При чем большинство из них... подвизались много веков назад»<sup>472</sup>. Православная газета «Радонеж» также писала: «важнейшим из решений прошедшего Собора было прославление сонма новомучеников и исповедников веры XX века, и в том числе святых Царственных мучеников – последнего русского императора и его семьи. Не случайными были яростные нападки на Русскую Церковь с самых разных сторон в связи с предстоящей канонизацией»<sup>473</sup>.

Как важнейшее из деяний Собора прославления Новомучеников и исповедников выделила не только церковная, но и либеральная пресса. «НГ – религии» писала: «Естественно, что работа комиссии митрополита Ювеналия<sup>474</sup> вызвала наибольший общественный интерес. И также естественно, что из всего громадного объема проделанной членами комиссии работ общество (не только светское но и церковное) выделило канонизацию Николая II и членов его семьи»<sup>475</sup>.

Одним из важных вопросов, обсуждавшихся на Архиерейском Соборе 2000 года был вопрос о Поместном Соборе. Согласно новой редакции Устава Поместный Собор остался органом, которому принадлежит высшая власть в области вероучения и канонического устройства в Русской Православной Церкви. Но сроки его созыва, в отличии и от предыдущих уставов уже не были оговорены<sup>476</sup>. Комментируя решения Собора, епископ Новосибирский и Бердский Сергей отметил, что «юбилейный Архиерейский Собор 2000 года призвал Церковь вернуться к практике апостольских времен, т.е. считать внешним органом церковной власти Архиерейский Собор. Что же касается Поместных Соборов с участием, монахов и других клириков вместе с архиереями, то он может иметь место в жизни Церкви, и будет собираться решением Архиерейского Собора»<sup>477</sup>.

Среди епископата были и другие мнения. Епископ Владивостокский и Приморский Вениамин говорил о том, что «обнаружилась тенденция вовсе отказаться от Поместных Соборов или, во всяком случае, исключить из их состава мирян и низовое духовенство. Приведу пример, чтобы было ясно вокруг чего идут споры. Архиереи, скажем, приняли на своем Соборе изменения в церковный Устав. Может ли Поместный Собор эти изменения отвергнуть, или наоборот, еще более расширить? Противники Поместного Собора говорят: нет, не может. Но простите, а каковы же тогда его полномочия? Чисто декоративные? Это совершенно противоречит всей церковной традиции...»<sup>478</sup>.

Архиепископ Аргентинский Платон (Удовенко) в своем выступлении сказал, что при таком сокращении полномочий Поместного Собора мы просто лишаемся высшего органа Церковной власти, подрываем основы Церковной жизни<sup>479</sup>.

По разному было воспринято решение о Поместном Соборе Православной общественностью. Редактор газеты «Русский православный патриот» А. Степанов говорит: «Опасения Святейшего Патриарха и священноначалия в связи с созывом Собора были понятны. Они беспокоились, что тот дух раздора, который присутствует в обществе, будет

внесен и в деятельность Поместного Собора. А это, несомненно, помешало бы соборянам «едиными усты, единым сердцем» решать важнейшие Церковные проблемы»<sup>480</sup>. Вторит ему главный редактор «Русской линии» С. Григорьев: «Решение Священного Синода и Патриарха по проведению Архиерейского Собора в замен Поместного<sup>481</sup> оказалось мудрым решением. Надо сказать, что Поместный Собор остался в Уставе, он не отменен. В каких-то случаях, безусловно, понадобится собрание Поместного Собора, не потому что Архиерейский Собор чем-то ущербен, а ради принятия таких решений, для которых необходимо присутствие всех слоев русского народа. Вот когда понадобится выбрать Царя – без Поместного Собора будет не обойтись, а внутрицерковные проблемы может решить и Архиерейский Собор»<sup>482</sup>

А, например, К. Душенов писал: «Лучше всего было бы, если б нынешний Архиерейский Собор решив максимум вопросов, находящихся в его компетенции, по остальным высказал бы свое авторитетное мнение и вынес их на грядущий Поместный Собор, дату созыва которого тут же бы и определил»<sup>483</sup>.

Важнейший документ, принятый Собором – «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» – уже был рассмотрен в первой главе диссертации.

Одним из документов вызвавших наибольшую полемику стали «Основные принципы отношения Русской Православной Церкви к инославиям». Многим церковным людям показалось, что это чрезмерно либеральный документ допускающий слишком много уступок по отношению к инославным.

В целом можно констатировать, что Юбилейный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви 2000 года – важнейший этап истории Российского Православия, решивший целый ряд важнейших задач стоявших перед Церковью.

## **V ГЛАВА. ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ В 1943–2000 ГГ.**

## § 1. Православные духовные школы до революции 1917 года и в СССР до 1988 года.

Под «духовным» образованием современная официальная терминология Русской Православной Церкви понимает преимущественно то, что закон РФ «О свободе совести и религиозных объединениях» 1997 года называет «учреждениями профессионального религиозного образования». По своей организационно-правовой форме они являются религиозными организациями; сюда относятся Духовные академии, семинарии, училища, пастырские курсы. (духовные школы). Также, как отметил на Рождественских чтениях 2003 года ректор Православного Свято-Тихоновского богословского института протоиерей Владимир Воробьев «такую форму... могут иметь приходские воскресные школы, катехизаторские курсы, приходские факультативы».<sup>484</sup> В то же время, например, в справочном пособии по государственной регистрации религиозных организаций Русской Православной Церкви, выпущенном Воронежской и Борисоглебской епархией в 2004 году, говорится, что «воскресные школы для детей и взрослых, создаваемые при приходах, подворьях, монастырях, духовных учебных заведениях не являются религиозными организациями, не относятся к числу духовных учебных заведений и не подлежат государственной регистрации».<sup>485</sup> Здесь необходимо отметить, что сегодня в Русской Православной Церкви существуют две структуры, отвечающие за организацию религиозного образования. Это Учебный Комитет и Отдел религиозного образования и катехизации. При этом Учебный Комитет отвечает за подготовку собственно внутрицерковных кадров, а Отдел религиозного образования и катехизации – за организацию религиозного просвещения широких народных масс. Приходские воскресные школы, факультативы, катехизаторские курсы, таким образом, относятся к ведению этого отдела. В данной же главе будут рассматриваться учебные заведения, ответственные за подготовку внутрицерковных кадров, то есть подведомственные Учебному Комитету, независимо от их организационно-правовой формы.<sup>486</sup>

На сегодняшний день практически нет исторических исследований проводящих сравнительный анализ дореволюционной, советской и современной духовной школы. Частично эти вопросы затрагиваются в работах епископа Илариона (Алфеева),<sup>487</sup> но он рассматривает в основном лишь учебно-воспитательный процесс. Правовой статус духовных школ, источники их финансирования, региональные особенности он не затрагивает, так как и не ставит такой задачи. Между тем это важные вопросы, которые в будущем несомненно должны найти своих исследователей. Поскольку данная небольшая статья уже в силу своего объёма также не может претендовать на сколько-нибудь серьёзное раскрытие этой проблемы, в настоящей главе даётся лишь общее сравнение дореволюционной, советской и современной духовной школы.

«XVIII век стал временем возникновения целой сети духовных учебных заведений. Отдельные духовные школы существовали в России и до XVIII века, однако именно в результате церковных реформ Петра I духовные учебные заведения стали открываться во многих епархиях Русской Церкви: к концу столетия Церковь располагала четырьмя духовными академиями, 46 семинариями и многочисленными начальными школами. Преподавание велось на латыни, богословие изучалось по католическим учебникам, адаптированным для православного употребления. Католическое влияние по временам сменялось протестантским, как было, например при Феофане (Прокоповиче), но схоластические схемы и латинский язык оставались незыблемыми».<sup>488</sup>

Духовные школы имели сословный характер, в них обучались преимущественно дети духовенства. Упор в обучении делался на тупое зазубривание материала, не на духовное и богословское развитие личности учащегося, а на полное и безоговорочное подчинение его «школьному» начальству.

В течение XIX века предпринимались попытки улучшить ситуацию несколько раз в 1808–1814, 1867–1869 и 1884 годах менялись уставы духовных школ. Период реформ в области духовного образования в царствование Александра I сменился периодом стагнации при Николае I; Серьезные позитивные сдвиги в области образования, наступившие при Александре II, были сведены на нет в эпоху Александра III. Постепенно из преподавания была изгнана латынь, и во второй половине XIX русский стал основным языком преподавания практически во всех школах. Никакие реформы, однако, не могли устранить те основные недостатки, которые были заложены в русские духовные школы в петровскую эпоху. Они остались не устроенными вплоть до революции 1917 года. Отсутствие подлинного духовно-нравственного влияния учащихся на учащихся и «дисциплинарное культивирование» набожности и послушания в воспитанниках приводили к тому, что «набожными и послушными духовные питомцы были только наружно... под личиной видимого благочестия нередко скрывалось полное равнодушие к вере, и усердно отбивающий поклоны в церкви ученик за глазами начальства готово был на кощунственную выходку».<sup>489</sup>

Помимо богословского образования, духовные училища и семинарии были должны на льготных условиях дать общее образование детям из духовного сословия. Это способствовало появлению в них многих случайных людей. Архиепископ Феодор (Поздеевский) в начале XX века так писал об этом: «Все теперь глубоко сознают ненормальность нашей духовной школы: она не удовлетворяет своему назначению – готовит пастырей Церкви – ни в количественном, ни тем более в качественном отношении... Кончающие и высшую, и среднюю школу или высматривают повыгоднее занятие по светской службе,... или за неимением более выгодной дороги принимает священнический сан – и это нередко во всех отношениях более слабый элемент. Причина этой ненормальности... в крайней сословности нашей

духовной школы; в ней учатся дети и юноши духовного сословия, совершенно случайно попавшие сюда».<sup>490</sup>

Духовные училища имели статус начальных учебных заведений, семинарии – средних, академии – высших. Большим недостатком духовных школ предреволюционного периода была постоянная ротация руководящих кадров – ректоров и инспекторов, которые назначались из числа учёных монахов, нередко выпускников академий, только что со школьной скамьи и которые переводились каждые несколько лет.

Революция 1917 года нанесла тяжелейший удар по духовному образованию. Уже в декрете «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви» говорилось: «Преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях где преподаются общеобразовательные предметы не допускается»<sup>491</sup>. «Церковным и религиозным обществам запрещалось владеть собственностью, поэтому духовные школы, существовавшие на средства Святейшего Синода, практически теряли финансовую основу, а специальные богословские школы могли создаваться только заново, без предоставления им денежных средств и без права пользоваться учебными помещениями прежних академий, семинарий и духовных училищ, которые подлежали конфискации».<sup>492</sup>

«К концу 20-х гг. школьное богословское образование совершенно прекратилось на всей территории Советского Союза. Оставалась возможность только для частного индивидуального и нелегального преподавания, которое, видимо, не прекращалось никогда. До 30-х гг. свои духовные школы имели раскольники-обновленцы и самосвяты, но в 30 гг. и эти школы были закрыты».<sup>493</sup>

Возможность возрождения Духовного образования появилась после 1943 года. Новая духовная школа началась в форме пастырско-богословских курсов и богословского института. Вскоре «под руководством митрополита Ленинградского Григория (Чукова) был разработан план перехода на традиционную систему духовного образования. Предполагалось преобразовать богословский институт в духовную академию, а богословско-пастырские курсы в духовную семинарию. При этом академия по своим учебным планам, программам и продолжительности обучения должна была в целом повторить старую академию. В отличие от дореволюционной семинарии, соединявшей в себе общеобразовательную среднюю школу с богословско-пастырской, новая не ставила цели давать своим воспитанникам полное среднее образование. Обучение в духовной семинарии и академии были рассчитаны на четыре года».<sup>494</sup> 15 июля 1946 года пастырско-богословские курсы в Москве, Саратове, Ленинграде, Киеве, Львове, Одессе, Минске, Луцке и Ставрополе были преобразованы в духовные семинарии. 31 августа 1946 года Московские духовные школы были преобразованы в Московские Духовную академию и семинарию. В этом же году открылась Ленинградская Духовная академия.<sup>495</sup>

Однако во время хрущёвских гонений на Церковь с 1960 по 1965 год началось закрытие духовных школ. Окончательная расправа с семинариями

начинается в 1960 году. Дела о духовных учебных заведениях заведенные за 1960 год полны постановлений руководителей Совета по делам РПЦ о недопущении того или иного кандидата в семинаристы уже после их принятия семинарским начальством.

В 1960 г. закрывается Ставропольская духовная семинария, что было довольно нелогично. Этому акту предшествовала пропаганда в печати – с доносами, с письмами колхозниц, работников швейной фабрики, группы студентов университета – против Саратовской, а не Ставропольской семинарии. И вдруг в 1960 году закрывается не маленькая Саратовская семинария, а гораздо большая и более благоустроенная Ставропольская, официально сливавшаяся с Саратовской. При этом Ставропольская семинария имела 4 здания, купленные у частных лиц и построенные Церковью, за что епархия уплатила 1 300 888 рублей. Теперь власти отобрали 3 из 4 зданий. В том же 1960 г. закрылась Киевская и немного позже Саратовская семинарии.<sup>496</sup> Минскую и Волынскую семинарии решили брать измором. В 1960 году Минская семинария не смогла провести вступительные экзамены, потому что власти не допускали абитуриентов в Жировицкий монастырь, где находилась семинария, отказывая им во временном пропуске. В 1963 г. состоялся последний выпуск – 4 курс окончило 5 студентов, больше семинаристов не осталось, и Минская семинария угасла без официального закрытия. К 1965 году Волынская духовная семинария прекратила свое существование.<sup>497</sup>

К 1965 году у Русской Православной Церкви с ее 100-миллионной паствой осталось три семинарии: Московская, Ленинградская и Одесская которую власти планировали закрыть в ближайшее время и две духовных академии: Московская и Ленинградская.<sup>498</sup>

Совет по делам религий беспокоило, что «подают прошения в семинарии комсомольцы и люди с высшим образованием, со светскими профессиями или со средними рабочими специальностями. Немало было абитуриентов, на которых Совет рекомендовал обратить особое внимание, т. е. как-то не допустить их к получению богословского образования. Например: студента 4-го курса пединститута, инструктора райсовета и бывшего заведующего клубом в сельсовете.<sup>499</sup>

Уполномоченного Совета по делам религий по Ленинградской области особенно занимал бывший военный служащий 35 лет, приславший длинное письмо, в котором писал, что на войне, где воевал и был награжден, он пришел к выводу о бессмысленности жизни без Бога и стремится попасть в духовную академию или семинарию, чтобы посвятить свою жизнь служению Богу. По мнению Совета в духовные школы следовало допускать только посредственности, ничего не обещающие в будущем.<sup>500</sup>

С каждым годом в Церкви все острее стала ощущаться нехватка священнослужителей. Умирали последние представители дореволюционного духовенства. Архиереи были вынуждены рукополагать лиц не только без духовного образования, но часто просто малограмотных.

К худшему изменилась ситуация и в уцелевших духовных школах. Не сумев до конца их ликвидировать, государство пошло по пути жесточайшего контроля над ними. Запрещалось издавать учебные пособия, преподавать общеобразовательные дисциплины (психологию, логику, историю философии, историю литературы), необходимые для усвоения богословия. Власти опасались всесторонне подготовленных священнослужителей<sup>501</sup>.

Между тем епархиальные архиереи стремились к тому, чтобы в числе клира и епархий были не только выпускники Духовных семинарий, но и Духовных академий. Митрополит Ивановский и Кинешемский Антоний, желая, чтобы в Ивановскую епархию направлялись специально кандидаты священства из числа выпускников Московской Духовной академии, даже выделял в середине 1960-х годов 15000 рублей на ее поддержание<sup>502</sup>. Действительно, определенное количество духовенства с высшим богословским образованием в епархии имелось. В ограниченном количестве, но направлялись в них выпускники Духовных академий. В 1968 году в Ивановскую епархию прибыли для прохождения служения три выпускника Московской Духовной академии, кандидаты богословия: иеромонах Модест (Кожевников), священники – Н. Винокуров, С. Паршутто<sup>503</sup>.

Достаточно высоким был образовательный уровень у духовенства Владимирской епархии в 1970 годы, о чем свидетельствует приводимая ниже таблица.

**Таблица 1<sup>504</sup>. Наличие богословских степеней у духовенства Владимирской епархии в 1970-е годы**

| Год  | Из них            |                                            |
|------|-------------------|--------------------------------------------|
|      | Священников всего | Магистров богословия Кандидатов богословия |
| 1970 | 62                | 2 8                                        |
| 1972 | 62                | 2 10                                       |
| 1975 | 61                | 1 (на 01.01.1977 – 0) 7                    |

Из этой таблицы видно, что в 1972 году примерно 20% священников Владимирской епархии имели ученую богословскую степень, в том числе двое – степень магистра богословия, т.е. с духовным образованием духовенства во Владимирской епархии в 1970 годы все обстояло благополучно. По все видимости, это было связано с посещавшими ее с экскурсиями иностранными туристами. Правда, мы видим, что в 1977 году в епархии не осталось ни одного магистра богословия (промежуточная степень между кандидатом и доктором), но на 01.01.1984 год в епархии из 70 священников был один магистр и 5 кандидатов богословия<sup>505</sup>.

Впрочем, число образованных служителей в епархиях, в связи с давлением советских органов и с рядом других причин, было достаточно непостоянным. Например, в Ивановской епархии в 1968 году имелось только два священнослужителя с высшим богословским образованием, а в 1972 году было уже 7 священнослужителей, имеющих степень кандидата богословия и один человек с высшим духовным образованием без богословской степени; в 1972 году – 8 кандидатов богословия, в 1977 году – 1 магистр и 4 кандидата



богословия<sup>506</sup>. Но в то же время, например, в 1972 году в Ивановской епархии почти 50% духовенства не имели духовного образования<sup>507</sup>. Одной из причин этого были всемерные препятствия, которые местные органы советской власти ставили на пути появления в епархиях новых священнослужителей из числа закончивших духовные семинарии и академии<sup>508</sup>.

Очень мало среди священнослужителей было людей, имеющих высшее светское образование. Это связано с политикой государства того времени. Считалось, что религия несовместима с наукой, а потому в духовных учебных заведениях не могли изучаться светские общеобразовательные дисциплины, а в светских учебных заведениях не могли изучаться богословские науки. Перед каждым, желающим поступить в семинарию, власти ставили большие препоны.

Например, в августе 1973 года, уполномоченный по Костромской области получил от уполномоченного по Московской области следующее письмо: «В порядке информации и принятия соответствующих мер, сообщая, что в МДС из Костромской области подали заявление на учебу на 1973–1974 учебный год следующие лица по прилагаемым вырезкам из списка за № 85, 88, 144. Если располагаете на указанных лиц компрометирующими материалами, то сообщите не позднее 15–20 августа сего года»<sup>509</sup>. Такие письма рассылались и по всем областям.

Получив данный циркуляр, уполномоченные начинали активную работу с указанными лицами с целью не допустить их обучение в духовной школе.

Аналогичные письма рассылалось даже в годы перестройки, правда, более лояльно сформулированное: «Заявление о приеме на учебу в МДС на 1985–1986 учебный год подал гр. (Ф.И.О.), проживающий в Вашей области (крае, республике). Прошу Вас к 15 августа с.г. сообщить нам характеризующие данные на абитуриента»<sup>510</sup>. Даже в 1987 году верующему человеку, особенно имеющему высшее образование, было непросто поступить в Духовную семинарию<sup>511</sup>.

«С юношами, подавшими прошения в семинарию о приеме на учебу, встречались местные уполномоченные, партийные и комсомольские деятели, работники КГБ и военкомата и различными способами, вплоть до отбирания паспортов, удерживали их от поступления. Поступающих часто брали на военные сборы на период сдачи вступительных экзаменов, иногда уже принятым отказывали в прописке»<sup>512</sup>.

Бывший секретарь Ивановского епархиального управления протоиерей Николай Винокуров вспоминает об этом так: «Когда я вернулся из армии... мне пришел вызов из семинарии.... И вдруг – вызывают в военкомат, отбирают военный билет... приходится ждать. Я спрашиваю военкома: «Я же только из армии пришел, пять месяцев назад?» «А Вас на переподготовку». «Какая же переподготовка после службы в стройбате?». Ну, я понял тогда, в чем дело. Стал проходить комиссию и на две недели меня задержали»<sup>513</sup>. Правда, о. Николаю удалось тогда поступить в семинарию. Но многим не удалось. Например, в 1961–1962 годах из 560 юношей, подавших заявления о

приеме в семинарию, 490 в результате «индивидуальной работы» их забрали<sup>514</sup>.

Однако в этих исключительно сложных условиях «советская» духовная школа сумела преодолеть такой важный недостаток дореволюционной, как сословность, избавилась от избыточных общеобразовательных дисциплин. Между тем она не была идеальной. Советское атеистическое государство всячески способствовало подрыву авторитета духовных учебных заведений. Оно препятствовало появлению в них сильных ученых и преподавателей, учебный процесс строился таким образом, что академия во многом дублировала семинарию, даже в академии не было специализации, было запрещено преподавание таких полезных для священнослужителей дисциплин как философия, педагогика, психология. Духовная школа превращалась в учебное заведение «второго сорта» по сравнению с светскими техникумами и тем более вузами.

## § 2. Духовное образование в России в 1990–2003 гг.

Для написания общей характеристики духовного образования в России в 1990–2003 годах наибольшую ценность представляют официальные выступления Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и председателя Учебного Комитета архиепископа Евгения, так как в них приводится вся необходимая статистическая информация, осмысливается положение духовных школ и перспективы их развития. Интерес представляют и доклады об инспектировании духовных учебных заведений.

К 1988 году Русская Православная Церковь располагала лишь двумя Духовными академиями и тремя семинариями. К 2002 году число духовных учебных заведений заметно увеличилось – 5 Духовных академий, Богословский институт, 31 Духовная семинария, 32 Духовных училища и 4 пастырских курсов. Многократно возрос преподавательский персонал Духовных школ, в несколько раз увеличилось и число студентов.<sup>515</sup>

Девяностые годы ознаменовались массовым возвращением наших сограждан к своим корням. В связи с этим многократно возросла православная паства, и задачей момента – стала увеличение численности приходов и, соответственно, священнослужителей. Но этот, несомненно благотворный период таил в себе одновременно и определённые опасности: численный рост паствы и священнослужителей сопровождался снижением духовного и образовательного уровня, недостаточной подготовленностью последних к несению всех разносторонних задач священнослужения. Церковным священноначалием для подготовки священнослужителей всячески поощрялось открытие новых Духовных школ: семинарий, училищ, пастырских курсов. Но поскольку многие из них создавались практически на пустом месте, то очень остро почувствовалась нехватка преподавательских кадров, учебных и методических пособий, не говоря уже о финансовых затруднениях. Таким образом, 90-е годы могут быть названы переходным этапом в развитии системы духовного образования в Русской Православной Церкви.

Уже в середине девяностых годов стало очевидно, что система духовного образования нуждается в обновлении, реформе.<sup>516</sup>

Но зачем нужна реформа Духовной школы? Отвечая на этот вопрос, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II отмечает, что «она потребовалась не потому, что раньше в духовном образовании всё было плохо, а теперь всё наконец должно войти в норму. Реформа вызвана тем, что радикально изменилась историческая ситуация, в которой сегодня Церковь призвана нести своё свидетельство и служение миру, осуществлять свою спасительную миссию ... Реформа – не революция, не отмена прошлого, как ненужного и устаревшего. Она должна сохранить и приумножить всё лучшее, что есть в сокровищнице нашего духовного образования, укрепить традиции – как дореволюционные, так и советского периода».<sup>517</sup>

17 июля 2001 года Священный Синод поручил Учебному Комитету разработать внутрицерковный стандарт Духовной семинарии и академии, на

основе которого должно пройти внутрицерковное лицензирование духовных учебных заведений с ориентацией на их последующую государственную аккредитацию. Таким образом, Священный Синод определил стратегическую задачу проводимой реформы духовного образования: государственная аккредитация духовных учебных заведений, предполагающая получение их выпускниками диплома государственного образца<sup>518</sup>.

Святейший Патриарх отметил также, что «духовное образование может и должно готовить сегодня не только священнослужителей, но и специалистов в разных отраслях общественных и гуманитарных знаний, преподавателей, катехизаторов, сотрудников синодальных и епархиальных учреждений». <sup>519</sup> Говоря о сотрудничестве со светской высшей школой, он обратил внимание на то, что «сегодня повсеместно распространена практика привлечения светских учёных и специалистов для преподавания в духовных школах. Это полезно и целесообразно. Но в то же время мы не должны постоянно надеяться на неисчерпаемые кадровые и творческие ресурсы светской науки. Взаимодействие с ней должно быть не столько «потребительским», сколько творческим, оно должно способствовать развитию и укреплению науки церковной. И здесь вполне уместна аналогия. Как без развития академической светской науки немыслим высокий уровень светского высшего образования, так и без совершенствования богословских исследований, подлинное развитие Духовного образования окажется в перспективе невозможным». <sup>520</sup>

Картину развития духовного образования в России с 1988 года (момента потепления церковно-государственных отношений в СССР) до настоящего времени можно проследить по выступлениям председателей Учебного Комитета при Священном Синоде на Поместных и Архиерейских Соборах Русской Православной Церкви. При этом наибольший интерес представляют доклады на Поместном Соборе 1988 году и Архиерейских Соборах 1994, 1997 и 2000 годов.

В своём докладе «Духовное образование Русской Православной Церкви», прочитанном на Поместном Соборе 1988 года, председатель Учебного Комитета архиепископ Дмитровский Александр сделал исторический экскурс в историю становления духовного образования в России. <sup>521</sup> Учитывая то, что Собор проходил еще в советском государстве, оценки положения Церкви в целом и духовного образования в частности в XX веке, были весьма осторожными. О разрушении дореволюционной системы духовного образования докладчик говорит так: «Процесс установления нормальных взаимоотношений между Церковью и новым социалистическим государством носил многотрудный характер. Старые духовные школы вынуждены были прекратить своё существование. Поэтому история поставила перед Русской Православной Церковью задачу создания новой духовной школы. Попытки возродить богословское образование на новых правовых основах – в церковной школе, отделённой от государства, – предпринимались профессорами и Московской и Петроградской академий». <sup>522</sup>

К 1988 году в систему духовного образования Русской Православной Церкви входили две академии – Московская (МДА) и Ленинградская (ЛДА),

три духовные семинарии – Московская, Ленинградская и Одесская, аспирантура, сектор заочного обучения при МДА, факультет иностранных студентов при ЛДА и регентские школы при ЛДА и МДА. Обучалось в семинариях на очном отделении около 900 человек, заочно 602; в академиях 200 очно и 202 заочно. Недостаточным было и общее количество преподавателей. Во всех академиях и семинариях трудились 20 профессоров, 15 доцентов и 114 преподавателей.<sup>523</sup> Для стоящей перед Церковью задачей возрождения духовного образования их число было очень мало. Архиепископ Александр отметил, что «нехватка преподавательских кадров вызвала в своё время соединение академических и семинарских корпораций в единые организмы. Ныне церковная жизнь ставит перед нами вопрос о самостоятельном существовании каждой из академий и семинарий».<sup>524</sup>

Остро стоял вопрос об уровне преподавания. Не хватало учебных пособий. Об издании их типографским способом говорилось лишь как о возможной перспективе. Серьезную тревогу вызывало состояние академических и семинарских библиотек, основной фонд которых составляли книги дореволюционных изданий. Назрела необходимость в переиздании наиболее ценных и дефицитных богословских и церковно-исторических книг. Материальных проблем на тот момент духовные школы в целом не испытывали (учитывая незначительное их количество). Глубокую озабоченность вызывало состояние отечественной богословской науки. Не хватало высококвалифицированных профессиональных богословов, стоящих на высоте современных требований. Многие богословские диссертации и публикации были написаны на невысоком научном уровне. В духовных учебных заведениях не было своих печатных научных изданий, проведение научных конференций было редким событием.<sup>525</sup>

Состояние духовных школ, перспективы их развития обсуждались также на Архиерейском Соборе 1989 года.

Значительный вклад в осмысление этой проблемы внёс доклад исполняющего обязанности председателя Учебного Комитета при Священном Синоде епископа Вереяского Евгения на Архиерейском Соборе 1994 года<sup>526</sup>. В нём приводятся также цифры, свидетельствующие о существенных переменах в происшедших в области духовного образования за несколько лет.

За год, прошедший от Поместного Собора 1988 года до Архиерейского Собора 1989 года, было восстановлено три духовных семинарии: Киевская, Минская и Тобольская. Открылись Духовные училища в Кишиневе, Новосибирске, Смоленске, Ставрополе и Чернигове. При Московской Духовной академии было организовано учебное заведение нового типа – Иконописная школа<sup>527</sup>.

Архиерейский Собор 1989 года обсудив доклад Председателя Учебного Комитета архиепископа Дмитровского Александра, вынес соответствующее определение, в котором, в частности говорилось: «Подготовка необходимых кадров должна быть первостепенной заботой всей Церкви. Это предполагает осуществление таких перемен во всей системе духовного образования,

которые бы способствовали решению назревших проблем. В связи с этим необходимо:

а) предоставить Учебному Комитету потребные правовые, кадровые и финансовые возможности для осуществления своих функций;

б) считать своевременным реорганизацию структуры и содержания учебного процесса таким образом, чтобы в ближайшее время обеспечить обязательное высшее богословское образование для пастырей Церкви. В связи с этим признать целесообразным иметь таковое образование на базе Духовных семинарий. При этом главной задачей Духовных академий является научно-богословская специализация и подготовка кадров для ответственных церковных послушаний, включая преподавание в духовных учебных заведениях;

в) признать необходимым возродить печатные органы духовных академий;

г) особое внимание уделить церковным школам нового типа – духовным училищам, призванным готовить церковнослужителей».<sup>528</sup>

После Архиерейского Собора 1989 года сеть духовных школ Русской Православной Церкви существенно расширилась. Открыта была ещё одна духовная академия – Киевская. В соответствии с определением Архиерейского Собора Минская Духовная семинария была преобразована в высшую богословскую школу. Всего к 1994 году имелось 3 академии, 14 духовных семинарий, 28 духовных училищ. При этих многих из них имелись регентские школы, классы или отделения.

С 1989 по 1994 год из стен духовных академий вышло 186 выпускников по стационару, 205 по сектору заочного обучения, – из них 79 присвоена степень кандидата богословия. За это время полное семинарское образование на стационаре получили 1390 учащихся, заочное семинарское образование – 1211 священнослужителей. Регентские школы окончили 380 учащихся. 21 вышел из иконописной школы. Полный курс духовных училищ прошли около 700 учащихся<sup>529</sup>.

В 1994 году прошло первое совещание ректоров духовных учебных заведений, которое возглавил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Совещание проводилось с 17 по 21 февраля. На нём был дан глубокий анализ состояния духовных школ, проблем, стоящих перед ними, перспектив их решения. Идеи высказанные на ректорском совещании и одобренные его участниками, по существу составили проект концепции развития духовного образования, нуждающегося впрочем ещё в доработке<sup>530</sup>.

На первое сентября 1994 года в трех духовных академиях обучалось по стационару 228 студентов и по заочному сектору 140. В духовных семинариях – более 2 тысяч на стационаре и около 2 тысяч по заочному сектору. Около 1000 человек обучалось в духовных училищах, более 500 в регентских школах и 73 студента в иконописной школе.<sup>531</sup>

Однако численный рост духовных учебных заведений в условиях смены государственного строя и пошатнувшейся экономики сопровождался и многими трудностями.

Вновь открытые духовные школы испытывали огромные финансовые затруднения, некоторые находились буквально на грани выживания. Не было единой системы их финансирования. В связи с этим многие из вновь открытых семинарий и училищ не стремились к взаимодействию с Учебным Комитетом, полагая, что структура, от которой не зависит их финансирование, не может быть для них полноценным контролирующим органом.

Даже спустя 8 лет, на ректорском совещании 16 апреля 2002 года, Патриарх был вынужден отметить, что «не могут не вызывать обеспокоенности те тенденции к самодостаточности, которые наблюдаются в поведении руководства некоторых духовных школ. Мы считаем совершенно недопустимым такое положение дел, когда циркулярные письма и другие официальные документы Учебного Комитета остаются без всякого ответа и должной реакции со стороны ректоров духовных семинарий и училищ».<sup>532</sup>

Для 1990-х серьёзной проблемой стало то, что увеличилось количество выпускников Духовных семинарий, которые уклонялись от рукоположения. Велика была нехватка преподавательских кадров. Духовные училища, которые организовывались как учреждения призванные готовить псаломщиков и церковнослужителей, на практике готовили пастырей, хотя их учебный план был для этого явно недостаточен.

Быстрый рост системы духовного образования осложнялся также тем, что недостаточно оформлен был юридический статус духовных школ. Не была определена компетенция, с одной стороны, епархиальных архиереев, а с другой Учебного Комитета относительно духовных учебных заведений. Лишь в 1994 году завершилась работа над типовым гражданским уставом духовных школ как образовательных учреждений с правами юридического лица».<sup>533</sup> Тогда же был поставлен вопрос о необходимости государственных лицензирования и аккредитации духовных учебных заведений.

Доклад епископа Вереяского Евгения на Архиерейском Соборе 1997 года имеет скорее рабочий характер. Однако в нём показаны тенденции роста духовного образования. К 1997 году Русская Православная Церковь имела уже 5 академий, 1 богословский институт, 21 семинарию, 24 духовных училища, 6 подготовительных пастырских курсов. Общее число учащихся (без Украинской Церкви) составило 3700 человек на дневном и 2700 человек на заочном отделениях, кроме этого в Свято-Тихоновском Богословском институте на дневном отделении обучались 550 человек, на вечернем 486, на заочном 659, в филиалах института 521 человек. Число преподавателей в духовных учебных заведениях составило свыше 800 человек<sup>534</sup>.

Одновременно отмечалось, что «острая нехватка духовенства подталкивает епархиальные власти к открытию духовной школы в своей епархии, даже если для этого нет необходимых материальных условий и, что ещё важнее, нет должного числа квалифицированных преподавателей. Такой подход к делу иногда ведёт к девальвации богословского образования».<sup>535</sup> Была отмечена необходимость помимо государственного еще и внутрицерковного лицензирования духовных учебных заведений, причём и уже существующих, которое осуществлял бы Учебный Комитет. Это проверка

наличия квалифицированных педагогических кадров, библиотечных фондов, учебных и жилых помещений.

«В 90-е годы существенным прорывом в совершенствование учебного процесса явилось типографское издание учебных пособий по ряду предметов для академий и семинарий».<sup>536</sup> С 24 по 26 января 1995 года прошло совещание ректоров духовных училищ, задачей которых на данном этапе стало решить ускоренными темпами проблему острой нехватки духовенства в епархиях.

Экономический кризис 1998 года сказался и на Церкви. Например, в Ивановской епархии открытие уже зарегистрированного в этом году духовного училища было отложено до 1999 года. И в целом вторая половина 1990-х – время крайне тяжелое для Церкви в материальном плане, особенно для развития духовного образования. Но в этих труднейших условиях происходило становление всё новых и новых духовных школ.

Как отметил Святейший Патриарх Алексий II на епархиальном собрании г. Москвы 23 декабря 1998 года «то, что сегодня делается, – это подвиг православных преподавателей, с готовностью бескорыстно отдающих свои силы на служение Матери-Церкви, своей Родине».<sup>537</sup>

Юбилейный Архиерейский Собор 2000 года был судьбоносным в истории Церкви, не только Русской, но Вселенской. На нем произошла канонизация Новомучеников и исповедников Российских, принят ряд важнейших документов, в том числе Основы социальной концепции Русской Православной Церкви, основные принципы отношения к инославиям, внутренний Устав Русской Православной Церкви. Были подняты на нём и проблемы духовного образования в докладе председателя Учебного Комитета при Священном Синоде архиепископа Верейского Евгения.

К 2000 году в системе Учебного Комитета имелись уже 5 духовных академий, 1 богословский институт, 27 духовных семинарий, 27 духовных училищ, 6 пастырских курсов. Несколько выросло и количество студентов.

Архиепископ Евгений отметил, что начиная с 1988 года массовое открытие духовных школ происходило вследствие дефицита пастырских кадров, но к 2000 году «он несомненно уменьшился и в отдельных епархиях его уже практически нет»<sup>538</sup>. В связи с этим «в дальнейшем приоритетное значение будет иметь уже не количественный рост системы духовного образования, а её качественное совершенствование».<sup>539</sup>

Проблемы духовного образования обсуждались и Священным Синодом. 7 марта 2000 года Священный Синод вынес постановление по распределению выпускников духовных учебных заведений, согласно которому дипломы об окончании духовных школ выдаются не имеющим сана выпускникам через два года после их окончания, если они хорошо зарекомендуют себя на церковном послушании<sup>540</sup>. Это было связано с увеличением числа студентов, которые после окончания духовных учебных заведений не желали принимать священный сан. Церковь затрачивала большие средства на их обучение (как правило духовные учебные заведения предоставляли также бесплатное



проживание и питание), а оказывалось что все траты напрасны – подготовлен человек не имеющий желания посвятить свою жизнь служению Церкви.

Желание Церковного руководства ограничить приток в духовные учебные заведения случайных лиц имел своё отражение и в гражданских уставах духовных школ. В них появились такие пункты:

«24. Выдача диплома об окончании семинарии выпускникам может быть задержана на срок до трёх лет в связи с отказом от выполнения послушания по служению в Церкви. Решение о выдаче диплома данному выпускнику принимается епархиальным архиереем в ведение которого был направлен выпускник.

25. Учебный Комитет или ректорат семинарии может возложить на выпускника послушание по служению в Церкви, вызванное нуждами Русской Православной Церкви на срок до трёх лет. В случае отказа от выполнения данного послушания либо неприбытия к месту служения в течение 2-х месяцев после окончания семинарии, выпускник обязан компенсировать затраты семинарии за весь период обучения...

27. В случае необоснованного уклонения выпускника от обязанности направиться по распределению, семинария имеет право на:

§ Компенсацию произведенных ею затрат на содержание выпускника в период его обучения в семинарии;

§ Отказ выпускнику в выдаче диплома»<sup>541</sup>.

Традиционными стали совещания ректоров Духовных учебных заведений. 4–6 мая 1999 года было проведено ректорское совещание в Московской Духовной академии, 21–24 июня 2000 года с Тобольской Духовной семинарии, 14–15 мая 2001 года и 16 апреля 2002 года в Москве.<sup>542</sup>

Ректорские совещания сочли делом первостепенной важности организацию сотрудничества духовных школ Русской Православной Церкви с высшими государственными школами, в том числе и с целью открытия в них теологических факультетов и отделений<sup>543</sup>.

Кадровые проблемы, стоящие перед духовными учебными заведениями, наглядно показывают следующие слова архиепископа Евгения: «В любом случае в Духовной школе должно быть хотя бы одно лицо с административными полномочиями, которое имеет послушание только в данном духовном учебном заведении, без совмещения».<sup>544</sup>

Не менее сложные кадровые проблемы стали и перед Учебным Комитетом. Даже высказанное ещё в 1994 году пожелание, что бы его председатель был освобождён от руководства епархией или одной из духовных школ в настоящее время не реализовано. В 2002 году «Святейшим Патриархом была утверждена новая структура Учебного Комитета, предусматривающая создание в его составе специализированных профильных подразделений. Новая структура Учебного Комитета соответствует основным принципам организации работы государственных образовательных структур, а также учитывает специфику переходного периода, в котором находится ныне система богословского образования Русской Православной Церкви».<sup>545</sup>

Но от утверждения структуры до начала её стопроцентного функционирования – большой путь. И большую роль играют финансовые трудности – до настоящего времени Учебный Комитет даже не имеет своего отдельного здания.

Большой заслугой Учебного Комитета в этих тяжёлых условиях является то, что через решения Архиерейских Соборов, Святейшего Патриарха, и Священного Синода, через ректорские совещания и инспекционные проверки духовных учебных заведений была сохранена централизованная система управления духовными школами. Сделать это было непросто; ведь Учебный Комитет не распределяет финансирование духовных учебных заведений, оно решается, как правило, местным епархиальным руководством. А, соответственно, важным было правильно распределить полномочия в отношении духовных школ между епархиальным архиереем и Учебным Комитетом, что и было сделано.

Для общей характеристики духовного образования в 1990-е годы значительный интерес представляют доклады председателя Учебного Комитета Священному Синоду об инспектировании духовных школ.

В отчёте от 17 июля 2001 года были приведены, в частности, следующие сведения:

«...особенно большую озабоченность вызывает положение дел в Омском духовном училище. Инспекционная комиссия отметила при этом следующие недостатки: отсутствие государственной регистрации училища и лицензии, продолжительная болезнь и фактическое отсутствие ректора, некомпетентность инспектора в административной области, недостаток преподавательских кадров в целом и квалифицированных в особенности, наличие среди преподавателей и администрации только совместителей, присутствие на занятиях вольнослушателей, совмещение в одной аудитории учащихся 1-го и 2-го курсов, нерегулярность в проведении занятий, неукомплектованность библиотеки, неупорядоченное ведение документации. Проведённая проверка Чебоксарского Духовного училища выявило ряд недостатков: помещения училища находятся в неудовлетворительном состоянии, уровень образования абитуриентов крайне невысокий, значительная часть из них не имеет полного среднего образования, требования к успеваемости учащихся очень низкие: получение неудовлетворительных оценок за первый курс не является препятствием для перевода учащегося на второй».<sup>546</sup>

Всё это показывает, что перед находящейся в стадии становления системой духовного образования ещё очень много проблем.

### § 3. Особенности становления некоторых провинциальных Российских духовных учебных заведений в 1990–2003 годах.

Процесс становления провинциальных Российских духовных учебных заведений в 1990-е годы проходил сложно в силу целого ряда причин, среди важнейших необходимо отметить отсутствие их централизованного финансирования, сложности с помещениями, библиотеками, преподавательскими кадрами. Кроме того, Учебный Комитет сумел организовать регулярный контроль духовных школ путем инспекционных проверок лишь после 2000 года. До этого многие из них находились предоставленными сами себе и буквально на грани выживания.

Показательно следующее описание начала деятельности Новокузнецкого Духовного училища «Хотя наше духовное учебное заведение рассчитано на 22 человека, учатся в нем, в силу обстоятельств 42 человека. В женском общежитии проживает 18 человек иногородних. Десять юношей проживают в трёхкомнатной квартире недалеко от училища. Семь человек городских, они живут у себя дома. Семь человек учатся на экстернате, приезжая в училище лишь во время очередной сессии. Каждый вторник и каждую пятницу, т. е., дни наиболее загруженные в плане учебного расписания, каждый, кто входит в наше училище видит (и слышит) следующую «эпическую» картину: везде, куда ни кинь свой взор, всюду и везде т. е. в каждом углу кто-то чем-то занимается: либо вокалом, либо дирижированием, либо фортепиано ... Несутся отовсюду музыкальные звуки ... Занята даже сушилка (куда с невообразимым трудом в своё время было втиснуто фортепиано), где педагог-страдалец в полутьме и почти без кислорода (плюс каракумская жара), ещё пытается чему-то научить своего ученика (ведь общая площадь училища, т.е. первого этажа стандартного четырёхэтажного жилого дома, включающая в себя и учебные классы, трапезную и компьютерную комнаты, и две ванные комнаты с прачечной, и сушилку и храм, и библиотеку, и учительскую, и продуктовый склад с кухней и две женские спальни и туалетные комнаты с умывальниками, всего лишь навсего 600 кв. м.) ...». <sup>547</sup>

Такими же непростыми были первые годы существования во многих духовных школах, которые благодаря просто подвижническому труду своих преподавателей и сотрудников сумели не просто выжить, но и превратиться в полноценные учебные заведения.

Для того, чтобы представить общую картину состояния духовных учебных заведений в России в начале XXI века большой интерес представляют отчёты председателя Учебного Комитета Священному Синоду об инспектировании духовных школ.

В 2002 году «практически общим недостатком почти для всех духовных школ является большое количество пропусков занятий как преподавателями, так и студентами. В большинстве духовных школ много нареканий к ведению документации в канцеляриях, к состоянию личных дел, наличию архивов и хранению документации в них» <sup>548</sup>. Можно наблюдать всё увеличивающуюся

заинтересованность правящих архиереев в делах духовного образования, массу инициатив, исходящих от администраций и преподавателей учебных заведений, постепенное освоение духовными школами Интернет пространства. Но нельзя не обращать внимание на недостатки, имеющие место быть в подавляющем в большинстве из них. Отсутствие государственных лицензий делает невозможной дальнейшую реформу в отношении приведения системы духовного образования к стандартам высшей светской школы. Несоответствие учебных планов и учебных программ стандартным программам, которые обязательны для применения в учебных заведениях Русской Православной Церкви существенно затрудняет приведение духовных школ к единой образовательной системе. Отсутствие во многих школах надлежащего контроля за учебно-воспитательным процессом отражается на моральном облике учащихся.<sup>549</sup>

Интересна судьба Новокузнецкого духовного училища: Летом 2002 года епархиальной властью было принято решение об открытии семинарии в г. Кемерово. Учебный Комитет никаких запросов на этот счёт не получал. В связи с неопределённостью статуса училища в Новокузнецке и семинарии в Кемерово, произошел отток учащихся в другие семинарии.<sup>550</sup>

В Костромской епархии, с приходом в сентябре 1989 года нового управляющего епископа (в настоящее время архиепископа) Александра сразу же началась работа по открытию духовного учебного заведения.

1 октября 1990 года в небольшом доме при тогдашнем кафедральном соборе Костромы древней церкви Воскресения на Дебре открылось епархиальное училище – прообраз будущей семинарии. Причем в то время, для его открытия, пришлось еще пройти через борьбу с Советом по делам религий. В 1991 году училище переехало в здание Богоявленско-Анастасиина женского монастыря.<sup>551</sup> Были приняты на учебу первые 18 воспитанников, сформирован штат из 15 преподавателей. Занятия проводились в тяжелых условиях: зимой в неотапливаемых помещениях; не хватало учебных пособий и духовной литературы. Обучение проходило по двухгодичной программе, и в 1992 году состоялся первый выпуск Костромского духовного училища. С 1994 – 1995 учебного года училище переводится на трехгодичный курс обучения. К 1996 году укреплена материальная база, укомплектована библиотека, преподается уже 20 дисциплин.

В 1996 году решением Священного Синода училище реорганизовывается в Костромскую духовную семинарию с 4-летним курсом обучения. К своему первому выпуску, состоявшемуся 24 мая 1999 года, духовная семинария имела уже около 100 студентов, 32 преподавателя; в ней читалось 37 дисциплин. В 1999 году очное отделение Костромской семинарии закончили 14 человек, отделение экстерната 2 человека, регентский класс 6 человек.<sup>552</sup> Инспекционная проверка Учебного Комитета в 2001 году констатировала, что положение дел в Костромской Духовной семинарии может считаться вполне удовлетворительным, налицо все необходимые предпосылки для перехода от 4-х летней к 5-ти летней продолжительности обучения<sup>553</sup>.

Во Владимирской епархии развитие духовного образования связано с трудами архиепископа Евлогия. С 1998 года в ней действует Владимирская Свято-Феофановская Духовная семинария с заочной формой обучения. По благословению архиепископа Владимирского и Суздальского Евлогия обучение в ней всех, не имеющих духовного образования, священнослужителей епархии обязательно.

Кроме того с 1995 года во Владимирской епархии функционирует духовное училище в г. Гусь-Хрустальный, которое готовит псаломщиков и катехизаторов для приходов епархии. Срок обучения в училище – 2 года. С 1996 года при Свято-Успенском княгининском монастыре города Владимира открыта Владимирская епархиальная регентская школа с трёхгодичным сроком обучения, готовящая регентов и псаломщиков для приходов епархии.<sup>554</sup>

Необходимо отметить, что Владимирская епархия – одна из немногих в России, где было принято решение об открытии кроме духовной семинарии ещё и духовных училищ, готовящих церковнослужителей. Обычно духовные училища в 1990-е года открывались только теми епархиями, которые не имели возможности открыть семинарию, или же на переходный период перед открытием семинарии путём реорганизации из училища.

По поводу создания Владимирской духовной семинарии необходимо отметить, что изначально она была основана указом правящего архиерея и лишь через год прошла утверждение на Священном Синоде.<sup>555</sup>

Проверка Учебного Комитета в 2002–2003 году показала, что состояние дел во Владимирской духовной семинарии и Гусевском духовном училище вполне удовлетворительно.<sup>556</sup>

Совершенно иначе складывалась ситуация в Ярославской епархии, несмотря на то, что Ярославль один из наиболее богатых городов России.

Открытое в Ярославле в 1990-е годы духовное училище пока так и не смогло получить статус семинарии, несмотря на то, что изначально оно имело неплохое финансирование.

В своём докладе на заседании Священного Синода 17 июля 2001 года архиепископ Евгений отмечал, что «архиепископ Ярославский Михей ходатайствовал в начале о преобразовании Ярославского Духовного училища в семинарию, потом только о продлении продолжительности обучения в училище до 4-х лет. Но и это ходатайство представляется правильным в настоящее время отклонить в связи с необходимостью прежде устранить ряд недостатков, связанных с постановкой дел в училище, в частности его руководства. Весь административный персонал училища – это совместители, а ректор не имеет возможности постоянно находиться в училище потому, что он одновременно является настоятелем собора вне Ярославля – в Тутаеве»<sup>557</sup>.

Перспективы развития Духовного образования в Ярославле появились с приходом нового управляющего епархией архиепископа Кирилла, который за короткое время управления Тульской епархией сумел открыть там духовную семинарию. Но и ему сразу не удалось изменить ситуацию.

В докладе Священному Синоду 6 октября 2003 года архиепископ Евгений так охарактеризовал ситуацию с Ярославским училищем: «Состояние учебного процесса в Ярославском Духовном училище требует некоторой реорганизации в связи с чем, рекомендовано перейти с 4-х летнего срока обучения на 3-х летнее. Особое внимание следует уделить реорганизации руководства училища, чтобы ректор и проректор по учебной работе смогли уделять достаточно времени учебному процессу. Также надо отметить, что расположение здания училища в центре города не способствует созданию соответствующей духовной атмосферы. Инспекция приветствует намерение Высокопреосвященнейшего Кирилла, архиепископа Ярославского и Ростовского о переводе училища в Ростовский Спасо-Яковлевский монастырь, где существуют все условия для нормального продолжения учебного процесса. Процесс перевода училища практически завершён. Через год следует провести повторную инспекционную проверку».<sup>558</sup>

В Ивановской епархии собственное учреждение профессионального образования – Ивановские епархиальные пастырско – богословские курсы, предназначенные для не имеющих специального духовного образования священнослужителей, а так же кандидатов в священный сан, появились только в 1996 году.<sup>559</sup> На курсах изучались лишь 6 дисциплин, срок обучения был весьма краток – всего 3 месяца. За время своего существования пастырско-богословские курсы сделали 5 выпусков своих учащихся, всего их закончили свыше 80 человек. Даже в такой форме курсы в значительной мере способствовали повышению религиозного образовательного уровня духовенства епархии.

При курсах имелаась библиотека с фондом около 1200 книг по различным отраслям богословских знаний.<sup>560</sup>

Духовное училище в Ивановской епархии удалось полностью открыть лишь в 1999 году. Были набраны первые 20 студентов, собран профессорско-преподавательский состав высокого уровня, что позволило училищу уже с первого года своего существования приступить к выпуску авторских курсов лекций, монографий и книг. Быстрыми темпами формировалась библиотека училища. Быстрое развитие научно – методической базы Ивановского Духовного училища позволяло делать благоприятные прогнозы о реорганизации его в семинарию в ближайшем будущем<sup>561</sup>.

Однако необходимо отметить, что процесс создания на базе пастырско-богословских курсов духовного училища не был лёгким. Почти два года шла переписка о выделении под училище здания. Пастырско-богословские курсы своих помещений не имели и располагались сначала в здании православной школы (1–3 выпуски), а затем в помещениях исторического факультета Ивановского государственного университета (4–5 выпуски). В то же время Ивановский городской муниципалитет занимал ряд зданий, которые ранее принадлежали Церкви и по новому законодательству должны были быть ей возвращены.

Возврат этих помещений не был возможен в силу ряда объективных причин, поэтому рассматривались альтернативные варианты. Среди них –

передача под организацию духовного училища здания православной школы г. Иваново. Даже было подписано в 1998 году постановление главы города Иваново о передаче этого здания в безвозмездное пользование Ивановскому Епархиальному Православному Духовному училищу сроком на 49 лет. Предполагалось, что духовное училище будет располагаться на третьем этаже здания школы, а сама школа займёт первые два этажа.

Однако этот проект не был реализован; не последнюю роль в этом сыграл финансовый кризис 1998 года, в следствии которого архиепископом Амвросием было принято решение повременить с набором в только что зарегистрированное в управлении юстиции духовное училище, а также с подачей документов Святейшему Патриарху и председателю Учебного Комитета о его утверждении. Было также сопротивление в открытии и со стороны администрации православной школы, а также родителей её учеников, которые справедливо опасались что следствием роста духовного училища может стать закрытие единственной в городе православной школы.

Вновь продолжились переговоры с руководством города Иваново, в результате которых глава города В. В. Троеглазов принял решение о передаче в безвозмездное пользование училищу двухэтажного здания закрытого детского сада в микрорайоне ТЭЦ-3 площадью 2 тыс. кв. м. Здание было в запущенном состоянии, но имело целый ряд преимуществ: было отдельностоящим, имело собственную территорию около гектара, было удалено от центра города. Существовала перспектива застройки территории.

6 октября 1999 года Святейший Патриарх Алексей II и Священный Синод Русской Православной Церкви дали благословение на открытие Ивановского Духовного училища. Ректором был назначен архимандрит Зосима (Шевчук). К этому моменту здание было приведено в относительный порядок, в нем уже могли жить первые студенты и проходить занятия. 22 сентября 1999 года архиепископом Амвросием был освящён домовый храм училища в честь Святителя Алексия митрополита Московского и всея Руси.

Уровень образования многих из первых воспитанников был крайне низок. Одним из свидетельств тому являются первые написанные ими рефераты по истории философии, посвященные деятельности русских религиозных философов. Даже их темы, самостоятельно выбранные студентами, говорят сами за себя: «Русский религиозный философ Гегль», «Русский религиозный философ Аристотель (греческий философ)». Один из учеников на уроке Русской истории на вопрос преподавателя – вузовского профессора почему он назвал своё сочинение «Русские государства в X веке» и следует ли из этого что государств было много ответил «А сколько их надо? Сколько надо столько и было».

Но именно эти воспитанники сумели пережить тяжелейший первый год становления училища. Недостаток финансирования, перебой с отоплением и электроснабжением здания, даже с водой, скудное питание, неотлаженный учебный процесс – всё это они ощутили на себе в полной мере. 70 % из них по разным причинам, в том числе и неуспеваемости, не смогли закончить училище, но они, образно говоря, приняли на себя первый удар.

К началу второго учебного года ситуация в училище относительно выправилась. Были устранены проблемы с коммунальными услугами наладился учебный процесс, заметно улучшилось питание. Сформировался преподавательский состав, причём удалось привлечь к преподаванию многих Ивановских учёных. Постоянно росли фонды библиотеки. В 2000 году архиепископ Амвросий впервые обратился к Святейшему Патриарху Алексию II и председателю Учебного Комитета архиепископу Вереysкому Евгению с просьбой об открытии на базе училища духовной семинарии. Но 2001 году Священный Синод принял решение оставить училище в прежнем статусе, причём основную роль в этом сыграло то, что 20% учащихся не имели полного среднего образования.

Работа по открытию семинарии на этом не прекратилась. уже через несколько месяцев в училище не было ни одного студента без законченного среднего образования. С 2001/2002 учебного года руководством епархии и училища было принято решение о переходе с двухлетнего на пятилетний срок обучения. Это было достаточно рискованное решение в силу целого ряда причин.

Во-первых, обычно Священный Синод обговаривал в своих решениях срок обучения в духовном учебном заведении. Нередко рассматривались даже вопросы о переводе того или иного училища с двухлетнего на трехлетний или четырёхлетний срок обучения, причём были и отказы. Но в отношении Ивановского духовного училища срок обучения не был обговорен, поэтому, учитывая ещё неустоявшуюся ситуацию с централизованным управлением духовным образованием, формально можно было решить этот вопрос на уровне Правящего архиерея с уведомлением Святейшего Патриарха и Учебного Комитета.

Во-вторых, переход на пятилетний срок обучения имел смысл при условии реорганизации училища в семинарию до первого выпуска с тем, чтобы потупившие в пятилетнее училище получили дипломы об окончании семинарии. Гарантий не было никаких, тем более Учебный Комитет взял курс на ужесточение требований к открытию семинарий.

В-третьих, сразу удорожалось содержание училища, возникло много проблем с преподавателями, библиотекой, учебным планом и программами, которые должны были соответствовать семинарским.

В-четвёртых, в духовное училище с пятилетним сроком обучения сложно было набрать учащихся.

Но, несмотря на всё это, решение о переходе на пятилетнее обучение было принято и, как показал уже 2002 год, себя оправдало. Одновременно был взят курс на более тесное сотрудничество со светской высшей школой, повышение образовательного ценза преподавателей богословских дисциплин, дальнейшее увеличение библиотеки.

Процесс становления требовал огромных усилий в самых разных направлениях, некоторые из которых были жизненно важны, другие необходимы для перспективного развития.



В 2001 году на территории училища был заложен храм в честь Собора Ивановских святых, начались переговоры о надстройке над зданием училища третьего этажа. Решались вопросы текущего и перспективного финансирования, что при отсутствии всякого централизованного финансирования было крайне непросто. Отлаживался учебный процесс. В 2001 году состоялся первый выпуск, занимавшихся по двухлетнему курсу обучения. Он был невелик – всего лишь 6 человек. Одновременно нужно было отладить учебный процесс уже по новым, пятилетним учебным планам. Перспективы открытия семинарии требовали немалого внимания уделить организации научной работы.

В 2001 году, при Ивановском духовном училище совместным распоряжением председателя Учебного Комитета при Священном Синоде архиепископа Верейского Евгения, архиепископа Ивановского и Кинешемского Амвросия и ректора Ивановского государственного университета В. Н. Егорова был создан Научный Центр по проблемам Церковной истории и Церковного осмысления истории России. В числе Научного Совета Центра – 6 докторов и 1 кандидат исторических наук. Создание Центра стало закономерным следствием той большой научной церковно-исторической работы, которую проводило Ивановское духовное училище. За два года училищем был проведён целый ряд научных и научно-практических конференций, одна из которых имела статус международной, а одна общероссийской. Издано свыше 20 монографий, книг и учебных пособий. Менее чем за три года, в тяжелых материальных условиях, сформирована библиотека с фондом более 14 000 книг и учебных пособий. В январе 2002 года, на общем собрании преподавателей Ивановского духовного училища было принято решение о создании Учёного Совета в составе 12 человек, а также открытии двух кафедр – богословия и церковной и общей истории определилось основное направление научной работы в училище – церковно-историческое. Этой тематике было посвящено большинство проводимых училищем конференций и публикуемых исследований. 5 декабря 2001 года в училище прошла всероссийская научная конференция «Церковь, государство и общество в истории России XX века», которая вызвала такой широкий общественный резонанс, что было решено сделать её ежегодной.

Всего за три года своего существования Ивановское духовное училище успело превратиться в научный центр Ивановской епархии, стать местом встречи и сотрудничества церковной и светской общественности. Помимо учебных и воспитательных, Ивановское духовное училище решало научные и издательские задачи.

Нельзя не упомянуть о Попечительском Совете Ивановского духовного училища, который стал местом встречи руководства епархии с руководством крупных областных предприятий и организаций, силовых структур. С момента открытия училища, в 1999 году, когда ещё не была ясна концепция деятельности его Попечительского Совета, уже велись переговоры о том, чтобы его председателем стал Губернатор Ивановской области. Но Губернатор, в то время В. Н. Тихомиров, ответил отказом на эту просьбу

епархии, предложив, чтобы областную администрацию в Совете представлял один из его заместителей. В 2000 году согласие возглавить Попечительский Совет дал председатель правительства Ивановской области А. П. Головков. Он провёл два заседания Совета, которые были очень важны для того, чтобы многие уважаемые в области люди осознали необходимость поддержки училища, привыкли собираться в его стенах. Были решены некоторые практические вопросы существования училища.

В конце 2000 года в Ивановской области прошли выборы в региональные органы власти, в результате которых Губернатором стал В. И. Тихонов, а главой города Иваново А. В. Грошев. В. И. Тихоновым было дано согласие стать Председателем Попечительского Совета духовного училища, А.В. Грошевым – заместителем председателя.

Владимир Ильич Тихонов, сыграл очень большую роль в развитии Ивановского Духовного училища и в преобразовании его в семинарию, оказав в этом разноплановую поддержку. Громадный труд был проделан ректором – архимандритом Зосимой (Шевчуком), многими сотрудниками и преподавателями, которые бескорыстно, порой и вовсе бесплатно все свои силы отдали на создание нового духовного учебного заведения.

В мае 2002 года Ивановское Духовное училище посетила инспекционная комиссия Учебного Комитета под руководством заместителя Председателя комитета протоиерея Максима Козлова. Зафиксировав имеющиеся объективные недостатки, комиссия пришла к выводу о возможности, при условии их устранения, преобразовать училище в духовную семинарию.

17 июля 2002 года Священный Синод Русской Православной Церкви принял решение об открытии Иваново-Вознесенской Духовной семинарии. Необходимо было пройти лицензирование в Министерстве образования России, организовать учебный процесс уже на новом уровне, активизировать научную и издательскую работу, строить новые помещения, на порядок увеличить количество книг в библиотеке.

Архиепископ Иваново-Вознесенский и Кинешемский Амвросий дал благословение семинарии быть названной в честь Святителя Алексия митрополита Московского, и всея Руси.

Научный центр по проблемам церковной истории и церковного осмысления истории России организует научное сотрудничество семинарии не только с Ивановским государственным университетом, но и с Ивановской государственной архитектурно-строительной академией (ИГАСА), Ивановской государственной медицинской академией (ИГМА). С ИГАСА проведено три совместных научно-практические конференции – две региональные и одна международная. С ИГМА проведены совместно две региональные конференции и круглый стол с участием студентов – медиков и семинаристов. Центром ведется и плановая научно-исследовательская работа по целому ряду направлений. Это статистические данные по российским монастырям XIX – начала XX века, история Русской Православной Церкви во второй половине XX века, мемуары церковных деятелей, как исторический источник, творчество русских религиозных писателей и философов. В числе участников работы

научного центра стало уже 9 докторов и 3 кандидата наук. Необходимо отметить также, что семинария в 2003 году получила государственную лицензию на деятельность в сфере высшего профессионального религиозного образования, подписанную Министром образования РФ Филипповым В.М. и таким образом стала новым высшим православным учебным заведением.

За два с половиной года прошедших с момента ее открытия многое уже сделано. Подходит к завершению строительство храма в честь Собора Ивановских святых, строится третий этаж над главным зданием семинарии, надвратная звонница, хозяйственные постройки. Библиотека выросла с четырнадцати тысяч до двадцати шести тысяч единиц хранения. Активно идет издательская деятельность, в первую очередь научного характера. Всего Ивановским духовным училищем и Иваново-Вознесенской семинарией выпущено более 50 книг и брошюр научного и научно-популярного характера. К преподаванию и организации научной работы в семинарии привлечены 8 докторов и 9 кандидатов наук. Семинария стала общепризнанным центром епархиальной жизни, местом проведения всех значительных общепархиальных мероприятий. Идет рост числа студентов. Если в год открытия в семинарию было принято 52 человека на дневное обучение и 67 заочников и экстернов, то на начало 2003 / 2004 учебного года в семинарии обучались 75 очников и свыше 100 заочников и экстернов, на начало 2004/2005 учебного года – 80 очников и 122 заочника и экстерната. Попечительский Совет семинарии за время своего существования превратился в орган и в целом регулирующий взаимодействие епархии с руководством районов, областного центра, крупнейших предприятий, силовых структур<sup>562</sup>.

Пока рано говорить о закономерностях в развитии духовного образования в Иваново-Вознесенской и Кинешемской епархии, но можно констатировать, что открыв в 1996 году пастырско-богословские курсы к началу 2004 года она на этом поприще догнала многие из епархий, которые имели духовные училища уже в 1990 году.

Становление духовных учебных заведений в России в 1990-е годы происходило по инициативе, идущей из епархий. Причём нередко епархиальные архиереи превышали свои полномочия, не согласовывая открытие новых духовных учебных заведений или их статус с Учебным Комитетом и, соответственно, Священным Синодом.

Отсутствие централизованного финансирования не было таким большим препятствием в открытии новых духовных учебных заведений, как отсутствие кадров, в первую очередь, подходящих руководителей духовной школы.

Многие из вновь открытых духовных семинарий и училищ лишь условно могли называться учебными заведениями – не было элементарной исходной документации, необходимых помещений, не был отлажен учебный процесс.

Но в тяжелейших условиях в 1990–2002 годах произошло становление системы духовного образования. В 2002 году была утверждена новая структура Учебного Комитета, который с 2001 года начал оказывать реальное большое влияние на положение дел в провинциальных духовных школах.

Постепенно идет подтягивание уровня духовных учебных заведений к стандартам, установленным Министерством образования России для учреждений среднего и высшего профессионального образования.

И сегодня перед Церковью стоит уже иная задача в области духовного образования, чем в 1990 году: тогда было необходимо срочно открыть новые духовные учебные заведения, из-за огромного кадрового голода, связанного с быстрым ростом Церкви. Сегодня же необходим качественный рост уже существующих духовных школ. Какими будут духовные учебные заведения в XXI веке покажет время.

Епископ, а в то время еще иеромонах Иларион (Алфеев), выступая в 1997 году в Сербии на консультации православных богословских школ в Белградском университете о проблемах и задачах Российской духовной школы, завершая свое слово, сказал: «Картина, нарисованная мною, может показаться слишком мрачной. К сожалению, то, что я сказал выше, не является преувеличением: всё это списано с натуры. Многие из перечисленного относится к числу болезней роста и, как я надеюсь, будет скоро преодолено. Но чем скорее – тем лучше! Если наши духовные школы вступят в XXI век радикально обновленными, это будет самым лучшим подарком от нас к 2000-летию Пришествия в мир Господа Спасителя».<sup>563</sup>

## Заключение

Русская Православная церковь имеет многовековую историю. Каждый ее период был особым не только в жизни священнослужителей и прихожан, но и всей страны. История России – это и история Русской Православной Церкви, которая вдохновляет свой народ на самые различные достижения, защиту родной земли от иностранных захватчиков.

Особый значение имел и советский период в истории Русской Православной Церкви. Весь XX век – это тяжелейшие испытания для нашего народа, вместе с народом шла и Церковь.

1943 год стал не только переломным в Великой Отечественной войне: это и начало новой политики СССР в отношении Церкви. Изучая период 1943–2000 гг. в истории Русской Православной Церкви, особенно 1990-е годы мы можем проследить как за этот короткий исторический срок неоднократно проходили резкие перемены, как во внутрицерковной жизни, так и взаимоотношении Церкви и общества.

На материалах проведенного исследования можно сделать следующие научно исследовательские выводы:

1. Церковно-государственные отношения в России в 1943–2000 годах отличались большой неровностью. Вплоть до конца 1980-х годов государство проводило по отношению к Церкви репрессивную политику, которая то шла на спад, то усиливалась. Однако в годы Великой Отечественной Войны 1941–1945 гг. был широко задействован патриотический ресурс Русской Православной Церкви. С первых дней войны церковное руководство занимало ярко выраженную патриотическую позицию, что нашло свое практическое выражение в посланиях иерархов, проповедях священнослужителей, многие из которых служили в рядах действующей армии или поддерживали партизанское движение, организовывали сбор средств среди верующих на нужды обороны.

2. Признавая значение Церкви в деле победы, Советское правительство смягчило те антицерковные репрессии, которые продолжались с момента создания Советского государства до начала войны. Из лагерей были выпущены многие священнослужители, репрессированные за религиозные убеждения, открывались храмы, появлялись епархии. Был проведен Архиерейский Собор, избран Патриарх и Священный Синод. При этом, утвержденное Министерством юстиции «положение об управлении Русской Православной Церкви» 1945 года, утверждавшее иерархический принцип управления Церковью, вступило в противоречие с другим Советским религиозным законодательством.

Уже вскоре, к 1948 году, Советское государство, не нуждающееся уже более в такой степени в поддержке Церкви, ужесточило государственно-церковные отношения. А с 1954 по 1958 год – новая оттепель.

А за нею начались хрущевские гонения на Церковь. Н.С. Хрущев – идеалист, веривший в близость коммунистического общества, объявил

Русской Православной Церкви войну, направленную на тотальное её уничтожение. При этом ему не чужды были идеи использования пока еще не уничтоженной Церкви для достижения сиюминутных прагматических целей, связанных с международной политикой. Однако его правление не оказалось продолжительным. Вместе с ним прекратились и массированные антицерковные репрессии.

3. 1964–1988 гг. – стали своего рода «эпохой застоя» в государственно-церковных отношениях в СССР. Давление государства на Церковь продолжалось, но не носило ярко выраженного репрессивного характера. Церковно-государственные отношения в указанное время были таковыми, что говорить о свободе вероисповедания и даже свободе «отправления культа, которую гарантировала Конституция было невозможно. Прессинг государства был особым: контролировались буквально все стороны церковной жизни. Облисполкомы, райисполкомы, Совет по делам религий с его уполномоченными на местах, КГБ – вот далеко не полный перечень тех государственных органов, которые задействовались для установления тотального контроля над Церковью.

В начале 80-х годов XX века были заложены основы для изменения отношений государства к Церкви в России. Это переходное время, время выжидания со стороны Церкви, каковы же будут дальнейшие последствия новой государственной политики, названной «перестройкой».

4. В начале 90-х годов с образованием Российской Федерации, начинается абсолютно новая модель государственно-церковных отношений. Активно возрождались церковная инфраструктура, Церковь получает благоприятное государственное законодательство. Однако децентрализация власти во второй половине 1990-х годов, привела к тому что каждый глава субъекта Федерации и даже муниципального образования имел возможность творить произвол, строя государственно-церковные отношения, исходя из своих симпатий и антипатий, или даже капризов. Делались многочисленные попытки вовлечь Церковь в политические процессы, особо опасные во время событий 1991 и 1993 годов, и всегда неприятные и во время федеральных, региональных или муниципальных выборов. Церковь была вынуждена запретить священнослужителям принимать участие в качестве кандидатов в выборах в различные органы государственной власти и местного самоуправления.

Большой проблемой стала также необходимость возрождения церковной инфраструктуры в условиях отсутствия у Церкви централизованного финансирования, в том числе и социальных программ. В условиях резкого расслоения общества на сверхбогатых и бедных, в условиях фактического запрета на финансирование Церкви из центрального или местного бюджета. И все же Русская Православная церковь стала восстанавливать тысячи поруганных монастырей и храмов, большинство из которых – признанные государством памятники архитектуры, истории и культуры. Церковь возрождала духовное образование, налаживала социальную и благотворительную деятельность. Активное возрождение церковной

инфраструктуры в этих условиях в 1990-е годы было своеобразным чудом, особенно если учитывать, что в это же время в стране рушились гигантские предприятия, имевшие огромные оборотные средства.

5. Внутрицерковная жизнь в 1943–2000 годах также имела свои характерные особенности. 1943 год положил начало воссозданию административной централизованной структуры Русской Православной Церкви, до того полностью разрушенной атеистическим режимом. В 1943 году прошел Архиерейский, а в 1945 году Поместный Соборы.

Советское правительство легализовало Русскую Православную Церковь и дало ей определение права, но на условиях жесткого идеологического и административного контроля. Избранный в 1943 году Архиерейским Собором Патриарх Сергей находился во главе Русской Церкви с 1925 года, сначала как Патриарший Местоблюститель и наконец как Патриарх. На его долю, как Первоиерарха, выпали самые тяжелые годы церковной жизни, обвинения и непонимание со стороны многих архиереев, священников и мирян. Подписанная им в 1927 году «Декларация», говорившая о лояльности Московского Патриархата Советской власти до сих пор является одним из самых противоречивых документов церковной истории XX века. Личность Патриарха Сергея и его значение для Русской Православной Церкви нельзя недооценивать.

6. Сменивший его Патриарх Алексей I управлял Церковью четверть века. За это время изменилось многое. Вынашивались планы о проведении в Москве Вселенского Собора. Советским правительством выделялись средства на поддержку Восточных Патриархов, с целью сделать их постепенно зависимыми от Москвы. Однако всем этим планом не было суждено сбыться.

Увидев, что Церковь неспособна выполнить его авантюрные и нереальные международные планы,

Но уже в это время Советское правительство начинает новый виток антицерковных акций. И уже в начале 50-х надежды на Церковное возрождение гаснут.

Особенно больно ударила по Церкви реформа приходского управления, тем более тяжелая, что проводилась она в жизнь Священным Синодом и Архиерейским Собором 1961 года. В результате этой реформы священники в 1945 году ставшие фактическими руководителями приходов, полностью отстранялись от хозяйственной деятельности, руководство которой переходило в руки, так называемых, «исполнительных органов» приходов, состоявших зачастую из людей неверующих. Епископ и настоятель практически не имели в приходах никакой власти.

Непростые процессы происходили в это время и в среде прихожан. Дух времени способствовал появлению обилия разных клаяуз и доносов, разделения «верующих» на группировки, одна часть из которых поддерживала священников, а другая – исполнительные органы, но по сути зачастую деятельность тех и других групп была в основном вредной для церковной жизни.

В 1971 году новым Патриархом был избран митрополит Пимен. Ему суждено было дожить до благоприятных перемен в государственно-церковных отношениях, но основное время его правления было весьма тяжелым. Советские органы контролировали все проявления церковной жизни, влияли на кадровую политику Церкви.

7. Возрождение Церкви началось с избрания в 1990 году Патриархом Алексия II. На фоне массового открытия монастырей и приходов, строительства новых храмов изменились формы внутрицерковной жизни. Были открыты церковные социальные, образовательные и просветительские учреждения. Изменился контингент прихожан – кроме малограмотных женщин пенсионного возраста в Церковь пришли интеллигенция, молодежь, люди средних лет, много детей. Изменился состав духовенства, повышается образовательный ценз священнослужителей.

Однако появились и новые проблемы. Расслоение в обществе на богатых и бедных привело и в Церкви к появлению богатых и, в прямом смысле слова, нищих священников. Немало тех, кто пришел служить в Церковь в поиске материальных благ, не соответствуя избранному служению. И все же эти проблемы преодолеваются Святейшим Патриархом Алексием II и епархиальными архиереями.

8. Глобальным событием стал Архиерейский Собор Русской Православной Церкви 2000 года, прославивший сонм Новомучеников и исповедников Российских, принявший целый ряд важнейших документов из которых особо следует выделить «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви». В документе дается отношение Церкви к государству, обществу, вопросам морали и нравственности, социальным вопросам, к нарастающей глобализации в мире, к политике, к либеральным и традиционным ценностям. Говорится о свободе Церкви говорить о правде, о справедливости, о личном и общественном добре.

9. Духовное образование стало мощным стимулом для развития Церкви. Однако советские контролирующие органы всячески препятствовали дальнейшему развитию духовного образования. Запрещалось принимать в семинарии лиц с высшим светским образованием, преподавать такие науки, как логика, психология и философия, необходимые для лучшего усвоения богословия. Советом по делам религий предпринимались усилия для того, чтобы преподавание в семинариях и академиях велось с позиций исторического и диалектического материализма; таким образом их выпускники, по мнению госаппарата, сами пришли бы к пониманию своей «ненужности».

Но даже 1990-е годы, ставшие временем открытия большого количества духовных учебных заведений, принесли свои проблемы. Часто новые училища и семинарии носили «факультативный» характер, т.е. не было ни одного освобожденного человека, который занимался бы только учебным заведением. Нехватка преподавателей, проблемы недоукомплектованности библиотек, отсутствие учебных пособий, зданий, необходимого статуса – вот далеко не полный перечень того, с чем пришлось столкнуться



возрождающейся системе Российского духовного образования. Кроме того децентрализация, так как финансирование новых семинарий и училищ шло не из Учебного Комитета, а непосредственно из епархий; имелись примеры и нахождения учебных заведений на самовыживании, при полном отсутствии централизованного финансирования. Лишь к 2000 году, через Патриарха и Священный Синод, через инспекционные проверки Учебному Комитету удалось решить вопрос централизации Российского духовного образования, поставить вопрос об обязательном лицензировании духовных академий, семинарий и училищ и последующей их аккредитации.

На сегодняшний день система духовного образования в России заметно выросла качественно, во многом благодаря бескорыстным труженикам, не пожалевшим сил для ее становления.

**10.** Общественно-церковные отношения в России в 1943–2000 годах также подверглись большим изменениям. В годы Великой Отечественной войны, когда общество находилось в исключительно тяжелых условиях и нуждалось в моральной поддержке, авторитет Церкви был высоким. Однако в более благополучное время в конце 50-х – начале 60-х общество достаточно равнодушно отнеслось к тем гонениям, которые воздвиг на Церковь и верующих Н.С. Хрущев. Лишь единицы из интеллигенции возвышали тогда свой голос протеста. Общественное сопротивление в России атеистической политике пришлось на вторую половину 60-х – восьмидесятые годы. Однако религиозные диссиденты не были поддержаны Церковью. Они выдвигали в целом здравые требования, которые, однако, невозможно было реализовать в тех конкретных исторических условиях. Тем самым пришли в напряжение и без того тяжелые отношения Церкви с советским государством.

После празднования 1000-летия Крещения Руси начался ажиотаж, усилившийся крушением коммунистической идеологии. Общество пыталось найти в Церкви новую объединяющую силу. Но для Церкви, измученной семидесятилетними гонениями, это была слишком тяжелая задача. И постепенно общественный интерес к церковным вопросам ослабел.

В 1990-е годы изменились разные формы церковно-общественных отношений – от резкой критики церковной иерархии вчерашними комсомольцами, ставшими вдруг в одночасье ревнителями православия, до взаимопользительного сотрудничества с нравственно-здоровыми общественными силами на нелегком поприще возрождения России.

История Русской Православной Церкви в 1943–2000 гг. – это особое время. История проливает свет на многие стороны внутрицерковной жизни, церковно-государственных и церковно-общественных отношений.

Определилась динамика развития церкви, в которой определяющую роль играют не только высшие церковные иерархи, но и священнослужители на местах, все верующие православные христиане в России и за её пределами.

Во многом определился в последние годы и контакт с Русской Православной Зарубежной Церковью. Переговорный процесс во многом помогает преодолеть то болезненное непонимание, которым был характерен

XX век после 1920 года. Об этом свидетельствуют встречи церковных иерархов России и Зарубежья, и достигнутые договоренности.

История Русской Православной Церкви последних десятилетий – это очередная ступень в её развитии, в духовном просвещении и воспитании русского народа. Несомненно деятельность Церкви во многом способствует преодолению болезненных, процессов имеющих место в сегодняшних Российских государстве и обществе, развитию страны.

#### **Список использованных источников и литературы**

##### **Архивные материалы**

Государственный архив Российской Федерации. Фонд р-6991.

Фонд Совета по делам религий при СМ СССР.

Оп. 1, д. 18

Оп. 2, д. 201, д. 227, д. 236, д. 254, д. 255, д. 258, д. 284, д. 285, д. 426, д. 486, д. 528, д. 529

Государственный архив Ивановской области. Фонд р-2953,

Фонд уполномоченного Совета по делам религий при СМ СССР по Ивановской области.

Оп. 1, д. 1, д. 4, д. 6, д. 8, д. 10, д. 27, д. 48, д. 49, д. 67, д. 141, д. 150, д. 155, д. 156, д. 194,

д. 198, д. 203, д. 225, д. 235, д. 240, д. 356, д. 386, д. 381, д. 394

Оп. 3, д. 19, д. 23, д. 24, д. 26, д. 39, д. 40, д. 62, д. 64, д. 69, д. 70, д. 72, д. 73, д. 114, д. 115,

д. 138, д. 208, д. 213, д. 284, д. 436, д. 448, д. 635, д. 783

Оп. 4, д. 2, д. 4, д. 7, д. 10, д. 12, д. 13

Оп. 6, д. 2, д. 3, д. 5, д. 6, д. 9, д. 18, д. 21, д. 24, д. 27, д. 36, д. 39, д. 42, д. 45, д. 48, д. 51, д. 54,

д. 57, д. 60, д. 63, д. 66

Государственный архив Костромской области. Фонд р-2102.

Фонд уполномоченного Совета по делам религий при СМ СССР по Костромской области.

Оп. 5, д. 44, д. 45, д. 65, д. 70, д. 83, д. 91, д. 103, д. 117, д. 123, д. 133, д. 137, д. 147

д. 170, д. 191, д. 201, д. 207, д. 208, д. 209, д. 212, д. 213, д. 216

Государственный архив Владимирской области. Фонд р-632.

Фонд уполномоченного Совета по делам религий при СМ СССР по Владимирской области.

Оп. 2, д. 1.

Оп. 5, д. 14.

Оп. 6, д. 1, д. 7, д. 10, д. 16, д. 20

Оп. 7, д. 1, д. 2, д. 3, д. 4, д. 5, д. 6, д. 7, д. 8, д. 9, д. 10, д. 11, д. 12, д. 13, д. 14, д. 15

д. 16, д. 17, д. 18, д. 19, д. 20, д. 21

Оп. 8, д. 2, д. 3, д. 5, д. 6, д. 8, д. 9, д. 10, д. 15, д. 16, д. 19

Архив УФСБ России по Ивановской области. Фонд архивных уголовных дел, снятых с оперативного учета.

д. 8610-П, д. 8443-П, д. 7377-П, д. 7199-П, д. 9138-П, д. 9139-П,  
д. 7972-П, д. 7624-П, д. 10321-П, д. 4662-П

Фонды Иваново-Вознесенского губкома РКП (б)

Ф. 2, Оп. 2, д. 157, Оп. 3, д. 24, Оп. 5, д. 6

Ф. 327, Оп. 5, д. 1391, д. 1303, д. 1540, д. 1506, д. 1519

Текущий архив Ивановского епархиального управления

Отчеты о состоянии дел Ивановской епархии за: 1959, 1961, 1962, 1963, 1964, 1965, 1966, 1968, 1969, 1970, 1971, 1972, 1973, 1977, 1978, 1979, 1980, 1981, 1982, 1983, 1984, 1987, 1988, 1989, 1990, 1990, 1991, 1992, 1993, 1994, 1995, 1997, 1998 года.

Дела: «Переписка с Патриархией», «Переписка с руководством города и области», «Важнейшая документация», «Вопросы собственности», «Религиозное образование и духовное просвещение», «Материалы по истории епархии», «Тюремная миссия», «Соглашения о сотрудничестве с государственными структурами», «Циркуляры управляющего епархией».

Дела монастырей и приходов: Преображенского кафедрального собора г. Иваново, Свято – Введенского женского монастыря г. Иваново, Свято – Успенского женского монастыря села Дунилово, Свято – Успенского мужского монастыря г. Иваново, Никольского женского монастыря г. Приволжска, Троицкого и Успенского кафедрального собора г. Кинешмы.

Администрация Ивановской области. Архив уполномоченного Совета по делам религий при Совмине СССР по Ивановской области.

Дело Николаевской церкви с. Филиппково.

Текущий архив Свято-Введенского женского монастыря г. Иваново.

Трубачев С.З. Воспоминания об отце. Машинописная копия.

Текущий архив Ивановского Епархиального Православного Духовного училища.

Дела: «Входящая документация за 1999 год», «Исходящая документация за 1999 год».

Текущий архив Свято-Алексеевской Иваново-Вознесенской Православной Духовной семинарии. Дела: «Переписка с Учебным Комитетом», «Важнейшая документация», документы по строительству зданий семинарии, личные дела студентов и сотрудников.

Выступление Председателя Учебного Комитета при Священном Синоде архиепископа Верейского Евгения на совещании ректоров духовных учебных заведений 16.04.2002.

Доклад председателя Учебного Комитета при Священном Синоде архиепископа Верейского Евгения на заседании Священного Синода 17 июля 2001 года об инспектировании духовных учебных заведений Русской Православной Церкви в течении 2000–2001 года.

Отчет об инспекционной проверке духовных учебных заведений Учебным Комитетом за 2001–2002 учебный год.

Информация для комиссии по подготовке «Концепции духовного образования Русской Православной Церкви» по свято-Алексеевской Иваново-

Вознесенской Православной Духовной семинарии.

Отчет о завершении деятельности Ивановского Духовного училища и о деятельности Свято-Алексеевской Иваново-Вознесенской Православной Духовной семинарии за 2002/2003 и 2003/2004 учебные годы.

Текущий архив Свято – Успенского мужского монастыря г. Иваново.

Дела: «Входящая документация за 1999 год», «Исходящая документация за 1999 год».

### **Документальные публикации**

Архиерейский Собор Русской Православной Церкви 18–23 февраля 1997 года. Свято-Данилов монастырь. Сборник документов, М., 1997

Юбилейный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви. Храм Христа Спасителя. 13–16 августа 2000 года М., 2001.

Обращение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II к клиру и приходским советам г. Москвы на Епархиальном Собрании 23 декабря 1998 года М., 1999.

Обращение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II к клиру и приходским советам г. Москвы на Епархиальном Собрании 15 декабря 2000 года. М., 2001.

Обращение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II к клиру и приходским советам г. Москвы на Епархиальном Собрании 15 декабря 2001 года. М., 2002.

Архиерейский Собор Русской Православной Церкви. 29 ноября – 2 декабря 1994года. Москва. Документы. Доклады. М., 1995

Акты Святейшего Патриарха Тихона Московского и Всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943.: Сборник в 2-х частях. / Составитель: Губонин М.Е. М., 1994

Деяния Совещания глав и представителей Православных Церквей в связи с празднованием 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви 8–18 июля 1948 года. Том первый. М., 1948.

Законодательство о религиозных культах.: Сборник материалов и документов. М., 1971.

Поместный Собор Русской Православной Церкви: Материалы. -М.:Издание Московской Патриархии, 1990.

Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М., 2001

Религия и закон / Составитель и автор комментариев А.О. Протопопов. -М., 1996.

Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью./Составитель Штиккер Г. Кн. 1. М., 1995.

Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью./Составитель Штиккер Г. Кн. 2. М., 1995

### **Периодическая печать**

Благовест (Кострома). 1999.

Вечное: православный журнал (Франция). 1992. Февраль.  
 Вестник РХД (Франция-США-Россия). 1979, 1980, 1983, 1985, 2000  
 Владимирская епархия. Информационный бюллетень (Владимир). 2000.  
 Воронежский Епархиальный вестник. 1998  
 Воскресная школа (Москва). 1999, 2000  
 Губернский дом (Кострома). 1994  
 Журнал Ивановской епархии (Иваново). 1990–1992.  
 Журнал Московской Патриархии (Москва). 1990–1992.  
 Ивановская газета (Иваново). 1993, 1998.  
 Ивановский епархиальный вестник. 1998–2000  
 Известия (Москва). 1927. Август.  
 Известия ЦК КПСС (Москва). 1989.  
 Ленинец (Иваново). 1973, 1988.  
 Московский церковный вестник (Москва). 1990–1992.  
 Нижегородская старина. 2002  
 Новая жизнь (Фурманов). 1976. Июль.  
 Огонек (Москва). 1989.  
 Православная газета (Екатеринбург). 1998–2003  
 Православная газета для простых людей (Владимир). 1999, 2000.  
 Православный Суздаль (Владимирская область). 2000.  
 Православное Слово (Волгоград). 1999  
 Православный Санкт-Петербург. 1999– 2000  
 Рабочий край (Иваново). 1963, 1965, 1986, 1999.  
 Радонеж (Москва). 1997, 1999.  
 Семинарский вестник (Казань). 2004  
 Русь Православная (Москва). 1998–2002  
 Суздальские епархиальные ведомости (Владимирская область). 1998.  
 Слово утешения (Иваново). 1995–2004  
 Соборная весть (С-Петербург). 2000  
 Яко с нами Бог (Иваново). 1994–1995.  
 Церковный вестник (С-Петербург). 2001  
**Литература**

Алексеев В.А. Государственно-церковные отношения: содержание, характер, тенденции эволюции. (на материалах Отечественной истории послеоктябрьского (1917 г.) периода XX века. Диссертация в форме научного доклада на соискание ученой степени доктора философских наук). М., 1994

Александр (Могилев), архиепископ. Книга святости не имеет конца // Губернский дом. 1994. №3

Александр (Могилев), архиепископ. История учреждения Костромской епархии. Кострома, 2004.

Александр (Могилев), архиепископ. Священномученик Никодим. Жизнь отданная Богу и людям. Кострома, 2001.

Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. М., 1991.

Амвросий, архиепископ. Жизнь в Боге. Шуя, 1997

Амвросий, архиепископ. Слово архипастыря. Иваново, 1997.

- Атеистическое беззащитно // Московский церковный вестник. 1991. Май.
- «А что здесь такого?» // Рабочий край. 1983. 28 ноября.
- Амвросий (Юрасов), архимандрит. Призвание. Иваново, 1997.
- Бабинов Ю.А. Государственно-церковные отношения в СССР: история и современность. Симферополь, 1998.
- Бакунин А.В. Отношение большевиков к Церкви в первые годы советской власти // Исторические чтения. Челябинск, 1996. № 2. С. 10–95.
- Балдин К.Е., Ильин Ю.А. Ивановский край в истории отечества. Иваново. 1998.
- Барменков А.И. Свобода совести в СССР. М., 1986.
- Бессонов М.Н. Собор 1988 года и современные тенденции в русском православии. М., 1989.
- Бессонов М.Н. Православие в наши дни. М., 1990
- Важнейшие события из жизни Ивановской епархии в июле // Ивановский епархиальный вестник. 1998. Август.
- Василий (Кривошеин), архиеп. Две встречи. СПб., 2003.
- Василий (Кривошеин), архиеп. Поместный Собор Русской Православной Церкви 1971 года. СПб., 2004.
- Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в 1927–1943 годах // Вопросы истории. 1994. № 4.
- Васильева О.Ю. Кремль против Ватикана. Полковник Карпов под руководством генералиссимуса Сталина атакует папу Римского // Новое время. 1993 № 30.
- Васильева О.Ю. «Чувствую себя нервным от общего лада церковных дел» // Альфа и Омега. (Москва), 2003 № 2(36)
- Верт Н. История советского государства. 1900–1991.М., 1992.
- Владыка Августин // Слово утешения. 1998. Ноябрь.
- Воспоминания об учебе в Московской Духовной школе // Ивановский епархиальный вестник. 1998. Сентябрь.
- Выступление архиепископа Амвросия на епархиальном собрании // Ивановский епархиальный вестник. 1998. Сентябрь.
- Гоглов А., иерей. Русская Православная Церковь и молодежь // Православный Суздаль. 2000. № 2 (12).
- Година тяжчайших бед – година великого искушения Божия // Воскресная школа. 1999. Январь.
- Голиков А., свящ. Фомин С. Кровью убеленные. Мартиролог. М., 1999.
- Гордиенко Н.С. Эволюция русского православия (20–80-е годы XX столетия).М., 1984.
- Груздев А.И. Религиозная обстановка в Ивановской области // Журнал Ивановской епархии. 1998. № 1.
- Грязнов В. Как я провел Рождественские праздники // Православный Суздаль. 2000. № 2 (12).
- Дамаскин (Орловский), иеромонах. Блаженный Мишенька // Слово утешения. 1996. Декабрь.

- Дамаскин (Орловский), иеромонах. Епископ Кинешемский Василий – проповедник веры // Журнал Московской Патриархии. 1991. Октябрь.
- Дамаскин (Орловский), иеромонах. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 1–2. Тверь, 1992.
- Дамаскин (Орловский), иеромонах. Мученики Шуйские // Московский церковный вестник. 1991. Апрель.
- Дамаскин (Орловский), иеромонах. Память их в род и род // Московский церковный вестник. 1999. Май.
- Детская воскресная школа при Преображенском кафедральном соборе г. Иваново // Ивановский епархиальный вестник. 1999. Март-Апрель.
- Дудко Д., священник. Проповедь через позор. Б. м., 1996.
- Душенов К. Молчанием предается Бог. С-Пб., 2000
- Дьяченко Георгий, священник. Из истории святынь Ивановской епархии // Ивановский епархиальный вестник. 1998. Июль.
- Дьяченко Георгий, священник. Свято – Успенский мужской монастырь г. Иваново // Ивановский епархиальный вестник. 1998. Август.
- Живые образы Рождества // Православная газета для простых людей. 2000. № 1 (19).
- Жизнеописание святителя Василия Кинешемского. Решма, 1993.
- Жизнь и чудеса старца архимандрита Леонтия Стасевича. Материалы для прославления. Владимир, 1997.
- Здоровье и обряды // Новая жизнь. 1976. 15 июня.
- Зонтиков Н. А. Костромская Духовная семинария. Вехи истории. К 250-летию со дня основания (1747–1997). Кострома, 1997.
- Зосима (Шевчук), архимандрит. Два слова о религиозном образовании. Иваново, 1998.
- Зосима (Шевчук), архимандрит. Монастыри земли Ивановской. Иваново, 1999.
- Зосима (Шевчук), архимандрит. Сочинения и статьи. Проповеди. Том 1. Иваново, 1998.
- Зосима (Шевчук), архимандрит. Сочинения и статьи. Проповеди. Выступления. Том 2. Иваново, 1999.
- Из жизни епархии // Ивановский епархиальный вестник. 1998. Октябрь.
- Из истории Свято – Введенского храма // Слово утешения. 1995. Август.
- Ильичевский К., прот. «Поминайте наставников ваших». К 100-летию юбилею Архиепископа Костромского и Галичского Кассиана (23.08.1899–23.08.1999) // Благовест. Кострома. 1999. № 6 (48).
- Иннокентий (Павлов), игумен. О декларации митрополита Сергия // Журнал Московской Патриархии. 1992. № 11–12.
- Иоанн, митрополит. Битва за Россию. С-Пб., 1994.
- Иоанн, митрополит. Самодержавие духа. С-Пб., 1994.
- История Русской Православной Церкви. От восстановления Патриаршества до наших дней. Том 1. 1917–1990. С-Пб., 1997.
- Их страданиями очистится Русь. М., 1996.

Как это было // Яко с нами Бог. 1994.Декабрь.

Киреев А. протод. Епархии архиереи Русской Православной Церкви в 1943–2002 годах. М., 2002

Ко дню тезоименитства Предстоятеля Русской Православной Церкви // Журнал Московской Патриархии.1994.№ 2.

Коровин Н.Р. Из истории Русской Православной Церкви. Иваново, 2004

Коровин Н.Р. Советское государство, рабочий класс и Русская Православная Церковь в 30-е годы: проблемы взаимоотношений // Историко-философский сборник. Иваново. 1998.

Косенко Г. Пастыри... // Ленинец. 1997. 3 июня.

Косенко Г. Фигура умолчания // Рабочий край. 1963. 3 апреля.

Крахмальникова З. В поисках обещанного рая. Заметки о церковной жизни в России XX века. // Нева. 1992. №10.

Кураев А. Православие и право. Церковь в советском государстве.М., 1997.

Лебедев В. Атеисты безмолвствуют // Рабочий край. 1965. 6 июля.

Маслов Е.А. Религиозно-политическая в Калининградской област во второй половине 1940-х – 1950-х годах. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. С-Пб., 2004.

Макаров А. Дана зеленая улица // Московский епархиальный вестник. 1990. Июль.

Мануил (Лемешевский), митрополит. Русские православные иерархи периода с 1863 по 1965 годы. Том 4. Эрланген, 1986.

Медведев А.С. Церковь и медицина // Ивановский епархиальный вестник. 1998. Сентябрь.

Минин С. Очерки по истории Владимирской епархии. X-XX вв. Владимир, 2004

Михаил, священник. Положение Церкви в советской России. СПб., 1995.

Мученики и исповедники Оренбургской епархии XX века. Кн. 1–2 / Сост. прот. Н. Стремский. Саракташ, 1999.

Мы готовы начать. Митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей отвечает на ваши вопросы // Московский церковный вестник. 1990.Февраль.

Надежда России // Слово утешения. 1995. Июль.

На церемонии присяги Президента России // Журнал Московской Патриархии. 1992. № 10.

Небесные покровители нашего града // Слово утешения. 1995. Август.

Никон (Фомичев), архиеп. Из моих воспоминаний. // Журнал Московской Патриархии. 1990. № 6.

Новости епархиальной жизни // Благовест. Кострома. 1999. № 7 (49).

«Нужно много молиться, много трудиться и делать людям добро...» К 10-летию архиерейской хиротонии Архиепископа Костромского и Галичского Александра. Кострома, 1999.

Обитель спасения // Слово утешения. 1996. Декабрь.

Обращение Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II к клирикам и приходским советам храмов г. Москвы на епархиальном собрании



23 декабря 1998 года. М., 1998.

Овсянников В. Архиепископ Харьковский и Богодуховский Леонид // Журнал Московской Патриархии. 1967. № 9.

Одинцов М.И. Государство и Церковь (история взаимоотношений. 1917–1938 гг.) М., 1991.

Одинцов М.И. Государство и Церковь в России в XX веке. М., 1994.

Одинцов М.И. Русская Православная Церковь в 80-х годах XX столетия (общая оценка состояния, организационная структура, социально-политическая деятельность) М., 1989.

Осипов А.А. «Евангелие» от... иезуита. М., 1964.

Отделяя свет от тьмы // Ленинец. 1988. 3 июля.

«Отделяя свет от тьмы» Взгляд атеиста // Ленинец. 1988. 10 августа.

Первые бакалавры религиоведения // Ивановский епархиальный вестник. 1998. Декабрь.

Полпути пройдено // Московский церковный вестник. 1990. Июнь.

Построен новый храм // Ивановский епархиальный вестник. 1998. Ноябрь.

Правда о религии в России. М., 1942.

Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995.

Поспеловский Д.В. Некоторые проблемы современной Русской Православной Церкви -ее внутренней жизни, культуры, образования // Вестник РХД. 1995 № 172.

Православный фонд «Благодать» – учредитель «Ивановского епархиального вестника» // Ивановский епархиальный вестник. 1998. Октябрь.

Послания святителя Тихона Патриарха Московского и Всея Руси. Орхей, 1990.

Ревякин Е.С. Политика государственных, партийных и общественных организаций в отношении религии и Церкви в 1929–1936 годах (по материалам Ивановской промышленной области): Автореф. дис. канд. ист. наук. Кострома, 1997.

Российская Церковь в годы революции (1917–1918): Сборник. М., 1995.

Русское православие: вехи истории. М., 1989.

Русское Зарубежье в год тысячелетия Крещения Руси. М., 1991.

Сборник докладов VI Международных Рождественских образовательных чтений. М., 1998.

Святитель Василий (Преображенский), Епископ Кинешемский. Беседы на Евангелие от Марка. М., 1996.

«Святителю отче Тихоне, моли Бога о нас!» // Яко с нами Бог. 1995. Февраль.

Себенцов А. Комментарии к Федеральному Закону «О свободе совести и религиозных объединениях» // Радонеж. 1997. № 20 (64).

Слово Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II в день интронизации в Богоявленском патриаршем соборе (10.06.1990) // Журнал Московской Патриархии. 1990. № 9.

Смирнов Е.И. История Христианской Церкви. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1997.

Соломин Ю. Нам нечего делить // Московский церковный вестник. 1991. Февраль.

Степанов (Русак) В. Свидетельство обвинения. Церковь и государство в Советском Союзе. Т. 1–3. Джорданвилль, Нью-Йорк, 1987–1988.

Сафронов В.Д. Путь к храму. Родники, 1998.

Ставровский Е.С. История Шуйского Духовного училища (1816–1918). Иваново, 2000.

Тихомиров А.Н. Храмы Иваново-Вознесенска. Иваново, 1996.

Тихонова пустынь и Лухский край. 1498–1998. Иваново, 1998.

Торжества на Костромской земле // Благовест. Кострома. 1999. № 7 (49).

Троеглазов В.В. Помощь православной церкви – долг светской власти // Ивановский епархиальный вестник. 1998. Декабрь.

Трубачев С. Воспоминания об отце // Слово утешения. 1996. Февраль.

Тюремная миссия // Ивановский епархиальный вестник. 1998. Июнь.

Тюрин Ю. Копье и крест. М., 1992.

1. Федотов А.А. Святые земли Ивановской. Решма, 1997

2. Федотов А.А. История Ивановской епархии. Иваново, 1998

3. Федотов А.А. Архипастырь. Иваново, 1998

4. Федотов А.А. Ивановская епархия Русской Православной Церкви в 1948– 1998 гг.: внутрицерковная жизнь и взаимоотношения с государством. Часть I. Иваново, 1999

5. Федотов А.А. Ивановская епархия Русской Православной Церкви в 1918– 1998 гг.: внутрицерковная жизнь и взаимоотношения с государством. Часть П. Иваново, 1999

6. Федотов А.А. Ивановская епархия Русской Православной Церкви в 1918– 1998 гг.: внутрицерковная жизнь и взаимоотношения с государством. Приложения. Иваново, 1999

7. Федотов А.А. Ивановская епархия Русской Православной Церкви в 1918– (1998 гг.: внутрицерковная жизнь и взаимоотношения с государством. Издание второе, исправленное. Иваново, 1999

8. Федотов А.А. Архипастыри земли Ивановской. Церковно-исторические сочинения. Иваново, 2000

9. Федотов А.А. Ивановская, Владимирская и Костромская епархии Русской Православной Церкви в 1917–1990-е годы. Иваново, 2000

10. Федотов А.А. Юбилей архипастыря // Журнал Московской Патриархии. 2000. № 5

11. Федотов А.А. Деятельность советского государства в 1960–1980-е годы по отношению к Русской Православной Церкви и ее отражение на внутрицерковной жизни (на материалах Ивановской, Владимирской и Костромской областей) // Юбилейный богословский сборник Ивановской епархии. Иваново, 2000

12. Федотов А.А. Русская Православная Церковь в 1943–2000 гг. К постановке проблемы // «Церковь, государство и общество в истории России XX века. Иваново, 2001

13. Федотов А.А. Социальный аспект деятельности Ивановского Духовного училища // Государство и Церковь в России: история взаимодействия в сфере благотворительности. Иваново, 2002
14. Федотов А.А. Некоторые вопросы изучения истории Русской Православной Церкви в XX веке / / Богословский сборник Ивановской Епархии. 2001. № 4
15. Федотов А.А. Блажен, кто душу свою положит за други своя // Нам было всегда нелегко. Иваново. 2002
16. Федотов А.А. Религиозное образование и духовное просвещение в Ивановской епархии: 1990-е годы // Журнал Московской Патриархии. 2001 № 5
17. Федотов А.А. Реформа приходского управления и закрытие храмов в 1960-е годы: по материалам Ивановской, Владимирской и Костромской областей // Исторический вестник (Москва-Воронеж), 2001
18. Федотов А.А. Ивановское Духовное училище: современное состояние и перспективы развития // Журнал Московской Патриархии. 2002
19. Федотов А.А. Архипастырь Ивановской земли, святитель Василий Кинешемский. Митрополит Павел (Гальковский). Епископ Борис (Воскобойников). Архиепископ Иов (Кресович) // Вестник русского христианского движения (Париж – Нью-Йорк -Москва). 2000
20. Федотов А.А. На пути к осмыслению истории Русской Православной Церкви в XX веке. // Церковно-исторический ежегодник. Выпуск 2002 года. Иваново, 2002
21. Федотов А.А. На пути к реформе духовного образования // Обитель Слова. Альманах. Выпуск 2, 2003 год
22. Федотов А.А. Монастырское возрождение в Ивановской области // Церковь, государство и общество в истории России XX века. 5 декабря 2002 года
23. Федотов А.А. 25 лет архиерейской хиротонии архиепископа Иваново-Вознесенского и Кинешемского Амвросия // Журнал Московской Патриархии 2003 год №1
24. Федотов А.А. Свято-Алексеевская Иваново-Вознесенская Духовная семинария: духовный центр епархии // Журнал Московской Патриархии 2003 год № 6
25. Федотов А.А. Собор Ивановских святых. Иваново 2003
26. Федотов А.А. Историография истории Русской Православной Церкви XX века // Церковь, государство и общество в истории России XX века. 5–6 декабря 2003 года
27. Федотов А.А. Характеристика источников по истории Русской Православной Церкви в XX веке // Церковь, государство и общество в истории России XX века. 8–9 декабря 2004 года
28. Федотов А.А. III международная научная конференция «Церковь, государство и общество в истории России XX века» в Иваново-Вознесенской епархии // Журнал Московской Патриархии 2004. № 5. С. 39–45

29. Федотов А.А. Свято-Успенский мужской монастырь в Иванове: становление новой обители // Журнал Московской Патриархии 2004. № 11
30. Федотов А.А. Архипастыри земли Ивановской // Церковно-исторический вестник. 2003. № 10
31. Федотов А.А. Методологический аспект изучения истории Русской Православной Церкви XX века // Интеллигенция и мир. 2004. № 3/4
32. Федотов А.А. Духовное образование в России в 1990–2003 гг. Общая характеристика // Актуальные проблемы православной педагогики. Иваново, 2005
- Федотов Г.П. Судьба и грехи России. 2 том. С-Пб., 1992.
- Флоровский Г. прот. Догмат и история. М., 1998
- Целители душ и тел человеческих // Слово утешения. 1997. Ноябрь.
- Церковно-исторический ежегодник. Выпуск 2002 года.
- Церковно-исторический ежегодник. Выпуск II-III. Иваново, 2004
33. Церковно-исторический ежегодник. Выпуск IV. Иваново, 2005
- Церковь, государство и общество в истории России XX века. Тезисы докладов I Всероссийской научной конференции. / Отв. Редактор А.А.Корников. Иваново 5 декабря 2001года. Иваново, 2001.
- Церковь, государство и общество в истории России XX века. Материалы II Всероссийской научной конференции. / Отв. Редактор А.А.Корников. Иваново 5 декабря 2002года. Иваново, 2002.
- Церковь, государство и общество в истории России XX века. Материалы III Международной научной конференции. / Отв. Редактор А.А.Корников. Иваново 5–6 декабря 2003года. Иваново, 2003.
- Церковь, государство и общество в истории России XX века. Материалы IV Международной научной конференции. / Отв. Редактор А.А.Корников. Иваново 8–9 декабря 2004года. Иваново, 2004.
- Цыпин Владислав, протоиерей. История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997.
- Цыпин Владислав, протоиерей. История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997.
- Чертков А. От Бога к людям. М., 1962.
- Чумаченко Т.А. Государство, Православная Церковь, верующие. 1914–1961 гг. М., 1999.
- Шабалин Н.В. Русская православная церковь и советское государство в сороковые-пятидесятые годы XX века (на сатериалах Кировской области). Киров, 2004.
- Шумилов В.Ф. Православная Удмуртия: история Ижевской и Удмуртской епархии. XX век. Ижевск, 1996
- Шкаровский М.В. Петербургская епархия в годы гонений и утрат. 1917–1945. С-Пб., 1995.
- Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь и религиозная политика советского государства в 1939–1964 годах: Автореф. дис. док. ист. наук. М., 1996.

Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999.

Шмеман А., прот. Исторический путь Православия. М., 1993

Экономцев И., прот. Православие, Византия, Россия. Париж, 1989

---

## Примечания

<sup>1</sup> - Цит. по: Русская Православная Церковь в советское время. Кн. 2. М., 1995. С. 20–21

<sup>2</sup> - Цыпин В., прот. История Русской Церкви в 1917–1997., М., 1997

<sup>3</sup> - Гоголь Н.В. Повести, драматические произведения. – Л., 1983. С. 164.

<sup>4</sup> - См.: Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999.

<sup>5</sup> - См.: Правда о религии и Церкви в России. М., 1942; О религии и Церкви М., 1965 и др.

<sup>6</sup> - См.: Гордиенко Н.С. Эволюция русского православия (20-е – 80-е годы XX столетия) М., 1984; Гордиенко Н.С., Курочкин П.К. Особенности модернизации русского православия. М., 1973; Куроедов В.А. Религия и Церковь в советском обществе. и др.

<sup>7</sup> - См.: Бссонов М.Н. Собор 1988 года и современные тенденции в русском православии. М., 1989; он же Православие в наши дни. М., 1990; Одинцов М.И. Русская Православная Церковь в 80-х годах XX столетия (общая оценка состояния, организационная структура, социально-политическая деятельность) М., 1989; Барменков А.И. Свобода совести в СССР. М., 1986; Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. М., 1991; он же «Штурм небес отменяется» М., 1992; Одинцов М.И. Государство и церковь в России в XX веке. М., 1994.

<sup>8</sup> - См.: Кураев А. Православие и право. Церковь в советском государстве. М., 1997; Пospelовский Д.В. Русская Православная церковь в XX веке. М., 1995; Цыпин В., прот. История Русской Церкви в XX веке М., 1997; Чумаченко Т.А. Государство, Православная Церковь, верующие. 1941–1961 гг. М., 1999; Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999; он же Русская Православная Церковь и советское государство в 1943–1964 гг.: от примирения к новой войне. СПб., 1995; Васильева О.Ю. Кремль против Ватикана. Полковник Карпов под руководством генералиссимуса Сталина атакует папу Римского // Новое время. 1993 № 30.; она же «чувствую себя нервным от общего лада церковных дел» // Альфа и Омега (Москва). 2003. № 2(36); Алексеев В.А. Государственно-церковные отношения: содержание характер, тенденции эволюции (на материалах отечественной истории послеоктябрьского (1917 г.) периода XX века. Диссертация в форме научного доклада на соискание ученой степени доктора философских наук. М., 1994 и др.

<sup>9</sup> - Александр (Могилев), архиеп. История учреждения Костромской епархии. Кострома, 2004; Федотов А.А. Ивановская, Владимирская и Костромская епархии Русской Православной Церкви в 1917–1990-е годы. Иваново, 2000; Шабалин Н.В. Русская Православная Церковь и советское государство в сороковые-пятидесятые годы XX века (на материалах Кировской области). Киров, 2004; Шумилов В.Ф. Православная Удмуртия:

история Ижевской и Удмуртской епархии. XX век. Ижевск, 1996; Мишин С., свящ. Очерки по истории Владимирской епархии X-XX вв. Владимир, 2004

<sup>10</sup> - Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 16

<sup>11</sup> - Киселёв А., прот. Крещение Руси – духовный стержень нашей истории // Русское Зарубежье в год тысячелетия Крещения Руси. М., 1991. С. 7

<sup>12</sup> - Шмеман А., прот. Указ. соч. С. 388.

<sup>13</sup> - Например: Дела «Переписка с Патриархией», «Переписка с руководством города и области», «Вопросы собственности», «Соглашения о сотрудничестве с государственными структурами», «Религиозное образование и духовное просвещение» и др.

<sup>14</sup> - См.: История Русской Православной Церкви. От Восстановления Патриаршества до наших дней. Том 1. 1917–1990. -СПб. 1997.

<sup>15</sup> - См.: Боголюбов Д.И. О так называемых иоаннитах в Русском народе. СПб. 1909. С. 15.

<sup>16</sup> - См.: История Русской Православной Церкви. Том 1. 1917–1990. СПб. 1997. С. 133.

<sup>17</sup> - См.: История Русской Православной Церкви. Том 1. 1917–1990. -СПб. 1997. С. 92.

<sup>18</sup> - См.: Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М. 1999, С. 68–69.

<sup>19</sup> - См.: Российская Церковь в годы революции (1917–1918).: Сборник. М. 1995. С. 99.

<sup>20</sup> - См.: Российская Церковь в годы революции (1917–1918).: Сборник. М. 1995. С. 104–105.

<sup>21</sup> - См.: Российская Церковь в годы революции (1917–1918).: Сборник. М. 1995. С. 7.

<sup>22</sup> - См.: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и Всея Руси. М. 1994. С. 66.

<sup>23</sup> - См.: Российская Церковь в годы революции (1917–1918).: Сборник. М. 1995. С. 210–211.

<sup>24</sup> - См.: Цыпин В. прот. История Русской Православной Церкви. 1917–1990. М. 1994. С. 30.

<sup>25</sup> - См.: Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 72.

<sup>26</sup> - Цит. по: Иоанн, митрополит. Самодержавие духа. СПб. 1994. С. 314.

<sup>27</sup> - Акты... С. 120.

<sup>28</sup> - Акты... С. 120.

<sup>29</sup> - См.: Михаил, священник. Положение Церкви в Советской России. СПб. 1995. С. 7.

<sup>30</sup> - См.: Михаил, священник. Положение Церкви в Советской России. СПб. 1995. С. 7.

<sup>31</sup> - См.: Архив УФСБ России по Ивановской области. Фонд архивных уголовных дел.

- <sup>32</sup> - См.: Русская Православная Церковь в советское время. Кн. 1. С. 37.
- <sup>33</sup> - См.: Цыпин В. прот. История Русской Православной Церкви. 1917–1991. М. 1997. С. 53.
- <sup>34</sup> - См.: Цыпин В. прот. История Русской Православной Церкви. 1917–1991. М. 1997. С. 55.
- <sup>35</sup> - См.: Огонек. –1989. -№ 34. С. 26.
- <sup>36</sup> - См.: Зонтиков Н.А. Костромская духовная семинария. Вехи истории. Кострома, 1997. С. 19.
- <sup>37</sup> - См.: Ставровский Е.С. История Шуйского Духовного училища. (1816–1918). Иваново, 2000. С. 15.
- <sup>38</sup> - См.: Русская Православная Церковь в советское время. (1817–1991). Составитель Штиклер Г. Кн. 1. М. 1995. С. 39–40.
- <sup>39</sup> - См.: Цыпин В. прот. История Русской Церкви. 1917–1997. М. 1997. С. 91–92.
- <sup>40</sup> - См.: ГАИО. Архивная справка от 17.12.1997.
- <sup>41</sup> - См.: ГАИО. Архивная справка от 17.12.1997.
- <sup>42</sup> - См.: Архив УФСБ России по Ивановской области. Фонд архивных уголовных дел, снятых с оперативного учета. Дела № 9138-П, 4662-П.
- <sup>43</sup> - См.: Тихомиров А.М. Храмы Иваново – Вознесенска. -Иваново, 1996. С. 57, 103, 30, 35, 81, 97.
- <sup>44</sup> - Цит. по: Цыпин В. прот. История Русской Православной Церкви. 1917–1990. М. 1994. С. 56.
- <sup>45</sup> - Цит. по: Тихомиров А.М. Указ. соч. С. 32.
- <sup>46</sup> - Цит. по: Архив УФСБ России по Ивановской области. д. № 4662-П, л. 41.
- <sup>47</sup> - См.: ГАИО. Архивная справка от 17.12.1997.
- <sup>48</sup> - См.: Русская Православная Церковь в советское время. Кн. 2. С. 41.
- <sup>49</sup> - См.: Тихомиров А.М. Указ. соч. С. 32, 87, 98, 81.
- <sup>50</sup> - См.: Тихомиров А.М. Указ. соч. С. 32, 87, 98, 81.
- <sup>51</sup> - См.: Архив УФСБ России по Ивановской области. д. № 8610-П, л. 26.
- <sup>52</sup> - См.: Труд. –1992. –29 Сентября.
- <sup>53</sup> - См.: Архив УФСБ России по Ивановской области. д. № 7377-П, л. 1, 4.
- <sup>54</sup> - См.: Архив УФСБ России по Ивановской области. д. № 7737-П, л. 9–12.
- <sup>55</sup> - См.: Архив УФСБ России по Ивановской области. д. № 7199-П, л. 31.
- <sup>56</sup> - См.: Архив УФСБ России по Ивановской области. д. № 7199-П, л. 68–69.
- <sup>57</sup> - См.: Архив УФСБ России по Ивановской области. д. № 7199-П, л. 70.
- <sup>58</sup> - См.: Архив УФСБ России по Ивановской области. д. № 7199-П, л. 80–81.
- <sup>59</sup> - См.: Архив УФСБ России по Ивановской области. д. № 8610-П, л. 10.
- <sup>60</sup> - См.: Архив УФСБ России по Ивановской области. д. № 8610-П, л. 60.



- <sup>61</sup> - См.: Мануил (Лемешевский), митрополит. Русские Православные иерархи периода с 1863 по 1965 годы. Том 4. Эрланген, 1986. С. 399–402.
- <sup>62</sup> - См.: Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М. 1999, С. 119.
- <sup>63</sup> - См.: Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М. 1999, С. 189.
- <sup>64</sup> - См.: Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М. 1999, С. 195.
- <sup>65</sup> - См.: Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 73–74.
- <sup>66</sup> - См.: Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 88.
- <sup>67</sup> - См.: Цыпин В. прот. Указ. соч. С. 91–92.
- <sup>68</sup> - См.: Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 93.
- <sup>69</sup> - См.: Дамаскин (Орловский), иеромонах. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 2. Тверь, 1996, С. 38.
- <sup>70</sup> - См.: Русская Православная Церковь в советское время. Кн. 1. С. 38–39.
- <sup>71</sup> - См.: Русская Православная Церковь в советское время. Кн. 1. С. 38–39.
- <sup>72</sup> - См.: ЦДНИИО, ф. 2. Оп. 5. д. 6. л. 7.
- <sup>73</sup> - Дамаскин (Орловский), иеромонах. Указ. соч. С. 48, 52.
- <sup>74</sup> - См.: ЦДНИИО. Ф. 2. Оп. 5, д. 6. л. 15.
- <sup>75</sup> - См.: ЦДНИИО. Ф. 2. Оп. 5, д. 6. л. 42.
- <sup>76</sup> - См.: Балдин К.Е. Ильин Ю.А. Ивановский край в истории Отечества. Иваново, 1999. С. 100.
- <sup>77</sup> - См.: Русская Православная Церковь в советское время. Кн. 1. С. 114.
- <sup>78</sup> - См.: Русская Православная Церковь в советское время. Кн. 1. С. 114.
- <sup>79</sup> - См.: Балдин К.Е. Ильин Ю.А. Указ. соч. С. 100.
- <sup>80</sup> - См.: Балдин К.Е. Ильин Ю.А. Указ. соч. С. 100.
- <sup>81</sup> - См.: Русская Православная Церковь в советское время. Кн. 1. С. 41.
- <sup>82</sup> - См.: Имеется ввиду убийство советского посла в Варшаве в 1927 году.
- <sup>83</sup> - См.: Известия. –1927. –19 Августа.
- <sup>84</sup> - См.: Балдин К.Е. Ильин Ю.А. Указ. соч. С. 116.
- <sup>85</sup> - См.: ГАИО. ф. р-2953. Оп. 3, д. 23. л. 47.
- <sup>86</sup> - См.: Цыпин В. прот. Указ. соч. С. 106.
- <sup>87</sup> - См.: ГАИО. ф. р-2953, Оп. 3, д. 23, л. 4.
- <sup>88</sup> - См.: ГАИО. ф. р-2953, Оп. 3, д. 23, л. 7, 12, 103, 104.
- <sup>89</sup> - См.: ГАИО. ф. р-2953, Оп. 3, д. 69, л. 7.
- <sup>90</sup> - См.: ГАИО. ф. р-2953, Оп. 3, д. 27.
- <sup>91</sup> - См.: ГАИО. ф. р-2953, Оп. 3, д. 40. л. 4, 12.
- <sup>92</sup> - См.: ГАИО. ф. р-2953, Оп. 3, д. 114, л. 17.

- <sup>93</sup> - См.: ГАИО. ф. р-2953, Оп. 3, д. 72, л. 5.
- <sup>94</sup> - См.: ГАИО. ф. р-2953, Оп. 1, д. 203, л. 2.
- <sup>95</sup> - См.: ГАИО. ф. р-2953, Оп. 3, д. 783.
- <sup>96</sup> - См.: ГАИО. ф. р-2953, Оп. 3, д. 436, л. 2.
- <sup>97</sup> - См.: ГАИО. ф. р-2953, Оп. 3, д. 635, л. 10.
- <sup>98</sup> - См.: ГАИО. ф. р-2953, Оп. 3, д. 13, л. 14, 159, 160.
- <sup>99</sup> - См.: ГАИО. ф. р-2953, Оп. 3, д. 39, л. 19.
- <sup>100</sup> - См.: Дамаскин (Орловский), иеромонах. Указ. соч. Кн. 2. С. 253.
- <sup>101</sup> - См.: Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 91.
- <sup>102</sup> - См.: Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 93.
- <sup>103</sup> - См.: Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 95.
- <sup>104</sup> - См.: Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 99.
- <sup>105</sup> - См.: ГАИО. ф. р-2953, Оп. 1, д. 156, 150, 141, 49, 48, л. 1, 7, 13.
- <sup>106</sup> - См.: Законодательство о религиозных культах. (Сборник материалов и документов). М. 1971. С. 66, 68.
- <sup>107</sup> - См.: Законодательство о религиозных культах. (Сборник материалов и документов). М. 1971. С. 68–69.
- <sup>108</sup> - См.: Законодательство о религиозных культах. (Сборник материалов и документов). М. 1971. С. 84–86.
- <sup>109</sup> - См.: Законодательство о религиозных культах. (Сборник материалов и документов). М. 1971. С. 75.
- <sup>110</sup> - См.: Законодательство о религиозных культах. (Сборник материалов и документов). М. 1971. С. 76.
- <sup>111</sup> - См.: Законодательство о религиозных культах. (Сборник материалов и документов). М. 1971. С. 87.
- <sup>112</sup> - Цит. по: Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М. 1999, С. 119.
- <sup>113</sup> - Русская Православная Церковь в советское время. Кн. 1. М. 1995. С. 329.
- <sup>114</sup> - Русская Православная Церковь в советское время. Кн. 1. М. 1995. С. 330, 331, 334–336.
- <sup>115</sup> - См.: Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 120–121.
- <sup>116</sup> - См.: ГАРФ. ф. р-6991, Оп. 1, д. 6, л. 18.
- <sup>117</sup> - См.: Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 121–122.
- <sup>118</sup> - См.: Журнал Московской Патриархии. 1970. № 12.
- <sup>119</sup> - См.: Овсянников В. Архиепископ Харьковский и Богодуховский Леонид // Журнал Московской Патриархии. 1967. № 9.
- <sup>120</sup> - См.: Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 122.
- <sup>121</sup> - См.: Журнал Московской Патриархии. 1990. № 10. С. 35.
- <sup>122</sup> - См.: Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 122–123.

- <sup>123</sup> - См.: Бараблин Н. диак. Русская Православная Церковь в Великой Отечественной войне 1941–1945 // Труды Нижегородской семинарии. Выпуск 2. Н-Новгород, 2004. С.114.
- <sup>124</sup> - Там же. С. 116.
- <sup>125</sup> - См.: Голиков А. свящ. Фомин С. Кровью убеленные. Мартиролог. М. 1999.
- <sup>126</sup> - Шкаровский М.В. Возрождение приходской жизни в Новгородской епархии // Церковно-исторический ежегодник. Выпуск II-III. Иваново, 2004. С.156.
- <sup>127</sup> - См.: Правда о религии в России. Издание Московской Патриархии. М. 1942. С. 57.
- <sup>128</sup> - См.: Русская Православная Церковь в советское время. Кн. 1. С. 327–328.
- <sup>129</sup> - См.: Верт Н. История советского государства 1900–1991. М. 1992. С. 285.
- <sup>130</sup> - См.: Наука и религия. 1990. № 5. С. 38.
- <sup>131</sup> - См.: Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 133.
- <sup>132</sup> - См.: Известия. 1943. 5 Сентября.
- <sup>133</sup> - См.: Журнал Московской Патриархии. 1943. № 1. С. 6.
- <sup>134</sup> - См.: Известия. 1943. 8 Октября.
- <sup>135</sup> - См.: Русская Православная Церковь в советское время. Кн. 1. С. 328.
- <sup>136</sup> - См.: На пути к свободе совести. М. 1989. С. 188.
- <sup>137</sup> - См.: Тихомиров А.М. Указ. соч. С. 81; Журнал Московской Патриархии. –1979. -№ 12.
- <sup>138</sup> - См.: ГАИО. ф. р-2953, Оп. 1, д. 198. л. 11, 22, 34.
- <sup>139</sup> - См.: ГАИО. ф. р-2953, Оп. 1, д. 194, 191, 155, 67.
- <sup>140</sup> - См.: ГАИО. ф. р-2953, Оп. 1, д. 22, 25. л. 10.
- <sup>141</sup> - См.: ГАИО. ф. р-2953, Оп. 1, д. 235. л. 1, 6.
- <sup>142</sup> - См.: Смирнов Е.И. История Христианской Церкви. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1997, С. 58.
- <sup>143</sup> - См.: Прядкина О.А. Взаимоотношения Советского государства и Русской Православной Церкви в 1941–1954 гг. (на материалах областей Верхнего Поволжья). Автореферат. диссертации ...кандидата исторических наук. Кострома, 2004. С. 21.
- <sup>144</sup> - См.: ГАРФ. ф. 6991. Оп.2. Д. 71. Л. 8–13., Прядкина О.А. Указ.соч. С. 24.
- <sup>145</sup> - См.: Тихомиров А.М. Указ. соч. С. 81; Журнал Московской Патриархии. 1979. № 12.
- <sup>146</sup> - См.: ГАИО. ф. р-2953, Оп. 1, д. 198. л. 11, 22, 34.
- <sup>147</sup> - См.: ГАИО. ф. р-2953, Оп. 1, д. 194, 191, 155, 67.
- <sup>148</sup> - См.: ГАИО. ф. р-2953, Оп. 1, д. 22, 25. л. 10.
- <sup>149</sup> - См.: ГАИО. ф. р-2953, Оп. 1, д. 235. л. 1, 6.

- 150 - См.: ГАИО. ф. р-2953, Оп. 1, д. 381. л. 14–15.
- 151 - См.: ГАИО. ф. р-2953, Оп. 1, д. 394. л. 1–4, 32–33, 48–53.
- 152 - См.: ГАИО. ф. р-2953, Оп. 1, д. 381. л. 47.
- 153 - См.: Тихомиров А.М. Указ. соч. С. 37.
- 154 - См.: ГАРФ. ф. р-6991, Оп. 2, д. 2201, л. 74.
- 155 - Пospelовский Д.В. Указ. соч. С. 274.
- 156 - См.: Прядкина О.А. Указ. соч. С. 25.
- 157 - См.: Маслов Е.А. Религиозно-политическая жизнь в Калининградской области во второй половине 1940-х-1950-х гг. Автореферат ... кандидата исторических наук. СПб., 2004. С. 12–13.
- 158 - См.: Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999. С. 9.
- 159 - См.: Маслов Е.А. Указ. соч. С. 12–13.
- 160 - См.: Василий (Кривошеин), архиеп. Последние встречи с митрополитом Николаем // Вестник РСХД. 1976. № 117. С. 209–219.
- 161 - Алексей, Патриарх. Слова, речи, послания, обращения, доклады, статьи. М., 1954. Т. 2. С. 173.
- 162 - Цит. по: Пospelовский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 257.
- 163 - См.: Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999, С. 119.
- 164 - Архив УФСБ России по Ивановской области. д. № 8610-П, л. 10.
- 165 - См.: Архив УФСБ России по Ивановской области. д. № 8610-П, л. 60.
- 166 - См.: Мануил (Лемешевский), митрополит. Русские Православные иерархи периода с 1863 по 1965 годы. Том 4. -Эрланген, 1986. С. 399–402.
- 167 - См.: Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999, С. 189.
- 168 - См.: Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999, С. 195.
- 169 - См.: Пospelовский Д.В. Указ. соч. С. 267.
- 170 - См.: Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999. С. 305
- 171 - См.: Цыпин В., прот. Указ. соч. С. 363–364.
- 172 - Цит. по: Цыпие В., прот. История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997. С. 361.
- 173 - 02.12.1959 года написал заявление о своем уходе из Православной Церкви. Лишен священного сана. Стал активным пропагандистом-антирелигиозником.
- 174 - Доклад секретного осведомителя, профессора протоиерея А.Осипова Ленинградскому уполномоченному А.И. Кушнareву о Положении в Московской Патриархии // История Русской Православной Церкви. Том I. 1917–1970. С-Пб., 1997. С.920.

- 175 - Цыпин В., прот. Указ. соч. С.361.
- 176 - Доклад секретного осведомителя... С. 920.
- 177 - Там же.С.917.
- 178 - Там же.С.922–923.
- 179 - Таблица составлена по: См.:Поспеловский Д.В.Указ.соч.С.277.
- 180 - См.:Поспеловский Д.В.Указ.соч.С.277.
- 181 - Цыпин В., прот. Указ.соч. С. 364–365.
- 182 - Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 356.
- 183 - О положении Церкви в Советской России и о духовной жизни Русского народа. Доклад Архиерейскому Собору РПЗЦ 1959 года епископа Лос-Анжелесского Антония. Джорданвилль, 1960. С. 12.
- 184 - См.: Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 359–360.
- 185 - См.: Цыпин В., прот. Указ. соч. С. 379.
- 186 - См.: Русская Православная Церковь в советское время. Кн. 2. С. 26.
- 187 - См.: ГАРФ. ф. р-6991, Оп. 2, д. 284, л. 20, л. 40.
- 188 - ГАРФ. ф. р-6991, Оп. 2, д. 255, л. 10.
- 189 - См.: ГАРФ. ф. р-6991, Оп. 2, д.255, л. 101.
- 190 - Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. М., 1991. С. 371
- 191 - ГАРФ. ф. р. 6991., Оп.2, Д. 309. Л. 16–17
- 192 - Цит. по: Алексеев В.А. Указ. соч.С. 373
- 193 - Суслов М.А. XXII съезд КПСС и задачи кафедр общественных наук // Коммунист 1962. № 3. С.38
- 194 - Ильичев Л.Ф. Формирование научного мировоззрения и атеистическое воспитание. // Коммунист 1962. № 1. С.24–46
- 195 - См.: Цыпин В., прот. Указ. соч. С. 379–380.
- 196 - См.:Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 383.
- 197 - См.: Цыпин В., прот. Указ. соч. С. 380; Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 363–365.
- 198 - См.: Текущий архив Ивановского епархиального управления. Отчет... за 1959 год. л. 44.
- 199 - Текущий архив Ивановского епархиального управления. Отчёт о состоянии Ивановской епархии за 1959 год. Л. 21.
- 200 - Там же, Л. 45
- 201 - Там же, Л.20.
- 202 - Там же.
- 203 - См.: Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 370.
- 204 - См.: например Осипов А.А. «Евангелие» от ... иезуита. М., 1964; Чертков А. От Бога к людям. М., 1962.
- 205 - См.: Журнал Московской Патриархии. 1960. № 2. С. 27.
- 206 - ГАРФ. ф. р 6991. Д. 228. Л. 21.
- 207 - См.: Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 370.

- 208 - Диалог с Церковной Россией. Париж, 1967 С.88
- 209 - Там же. С. 92.
- 210 - Диалог с Церковной Россией. Париж, 1967 С.100
- 211 - Человек Церкви. М., 1998 С. 104.
- 212 - Василий (Кривошеин), архиеп. Две встречи. СПб., 2003. С. 53.
- 213 - Цыпин В., прот. История Русской Церкви в 1917–1997 М., 1997. С. 387–388
- 214 - См.: Василий (Кривошеин), архиеп. Две встречи. СПб., 2003. С. 71–72.
- 215 - Цыпин В., прот. Указ. соч. С. 390
- 216 - Васильева О. «Чувствую себя нервным от общего лада церковных дел...» // Альфа и Омега (Москва). 2003. № 2 (36). Страница 233.
- 217 - См.: там же. С. 242.
- 218 - Цит. по: Васильева О. Указ. соч. С. 243.
- 219 - Цит. по: Васильева О. Указ. соч. С. 235–236.
- 220 - Васильева О. Указ. соч. С. 243.
- 221 - См.: Цыпин В., прот. Указ. соч. С. 391–393.
- 222 - См.: Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви. 1917–1990. М., 1994. С. 159.
- 223 - Имеется в виду свечной ящик, где продаются свечи и принимаются заказы на требы.
- 224 - ГАКО. ф. р-2102, Оп. 5, д. 44, л. 19.
- 225 - ГАКО. ф. р-2102, Оп. 5, д. 44, л. 19.
- 226 - Никон (Фомичев), архиепископ. Из моих воспоминаний // Журнал Московской Патриархии. 1990. №6. С. 30–31.
- 227 - Поместный Собор Русской Православной Церкви: Материалы. Издание Московской Патриархии, 1990. С. 397.
- 228 - ЖМП. 1961. №8. С. 6.
- 229 - См.: ГАКО. ф. р-2102, Оп. 5, д. 44, л. 23.
- 230 - ГРАФ. ф. р. 6991. Оп. 2. Д. 254. Л. 3.
- 231 - Цит. по Васильева О. Указ. соч. С. 244.
- 232 - См.: Текущий архив Ивановского епархиального управления. Отчет о состоянии Ивановской епархии за 1961 год. л. 3.
- 233 - См.: Текущий архив Ивановского епархиального управления. Отчет... за 1959 год. л. 1, 7, 44; за 1960 год. л. 1–5; Федотов А.А. Ивановская епархия Русской Православной Церкви в 1918–1998 гг.: внутрицерковная жизнь и взаимоотношения с государством. Часть 1. Иваново, 1999. С. 32, 34.
- 234 - См.: ГАКО. ф. р-2102, Оп. 5. д. 44, л. 14; д. 201, л. 9.
- 235 - См.: ГАВО. ф. р-632, Оп. 8, д. 3. л. 38; Оп. 7, д. 7, л. 4.
- 236 - Таблица составлена по материалам: ГАКО. ф. р-2102, Оп. 5, д. 44, л. 14, д. 70; д. 91, л. 2–12; д. 117, л. 10; д. 191, л. 10; д. 201, л. 9; д. 209, л. 9.

- <sup>237</sup> - Таблица составлена по материалам: Текущий архив Ивановского епархиального управления. Отчеты за 1961 г., л. 3, Дело «Переписка с Патриархией».
- <sup>238</sup> - См.: ГАКО. ф. р-2102, Оп. 5, д. 65, л. 1–2
- <sup>239</sup> - Таблица составлена по материалам: ГАРФ. ф. р-6991, Оп. 2, д. 236, л. 30–33, 35–43.
- <sup>240</sup> - Таблица составлена по материалам: ГАВО. ф. р-632, Оп. 8, д. 3, л. 39.
- <sup>241</sup> - См.: ГАВО. ф. р-632, Оп. 8, д. 2, л. 1, 2, 6, 8.
- <sup>242</sup> - См.: ГАВО. ф. р-632, Оп. 2, д. 1, л. 8, 43, 89, 26.
- <sup>243</sup> - См.: Текущий архив Ивановского епархиального управления. Дело «Переписка с Патриархией».
- <sup>244</sup> - Василий (Кривошеин), архиеп. Две встречи. СПб., 2003. С. 69.
- <sup>245</sup> - См.: там же.
- <sup>246</sup> - Администрация Ивановской области. Архив уполномоченного Совета по делам религий при Совмине СССР по Ивановской области. Дело Николаевской церкви с. Филиппково, л. 93.
- <sup>247</sup> - Василий (Кривошеин), архиеп. Две встречи. СПб., 2003. С. 70.
- <sup>248</sup> - См.: Дело «Переписка с Патриархией».
- <sup>249</sup> - См.: Русская Православная Церковь в советское время. Кн. 2. С. 71.
- <sup>250</sup> - См.: ГАРФ. ф. р-6991, Оп. 2, д. 529, л. 3–4.
- <sup>251</sup> - См.: ГАРФ. ф. р-6991, Оп. 2, д. 529, л. 4.
- <sup>252</sup> - См.: ГАВО. ф. р-632, Оп. 8, д. 3, л. 38; Оп. 7, д. 2, л. 1.
- <sup>253</sup> - См.: ГАКО. ф. р-2102, Оп. 5, д. 44, л. 14.
- <sup>254</sup> - См.: ГАКО. ф. р-2102, Оп. 5, д. 44, л. 26–27.
- <sup>255</sup> - Васильева О. Указ. соч. С. 233.
- <sup>256</sup> - Защита веры в СССР. Париж, 1966. С. 6–8.
- <sup>257</sup> - Геродник Г. Правда о Псково-Печерском монастыре. М., 1963.
- <sup>258</sup> - Защита веры в СССР. Париж, 1966. С. 59–60.
- <sup>259</sup> - Диалог с церковной Россией. Париж, 1967. С. 111–112.
- <sup>260</sup> - Там же. С. 13.
- <sup>261</sup> - Там же. С. 17–18.
- <sup>262</sup> - Полянский М. Жизнь и житие Войно-Ясенецкого архиепископа и хирурга. Hermitage Publishers, 1999. С. 478.
- <sup>263</sup> - Епископ Афанасий (Сахаров) // Вестник Русского Христианского Движения. (Париж – Нью-Йорк – Москва). № 139. 1983. С. 213.
- <sup>264</sup> - См.: Поспеловский Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 293.
- <sup>265</sup> - См.: Его высокопреосвященству митрополиту ... Никодиму». Самиздат, перепечатано в брюссельской римско-католической газете «Россия и вселенская Церковь» (1966. № 4; 1967. № 1. С. 57–72).

- <sup>266</sup> - См.: Поспеловский Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 310.
- <sup>267</sup> - См.: Русская Православная Церковь в советское время. Кн. 1. С. 52–53.
- <sup>268</sup> - См.: Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. М., 1991. С. 375.
- <sup>269</sup> - См.: Шкаровский М.В. Указ. соч. с.390.
- <sup>270</sup> - См.: ГАИО. ф. р-2953, Оп. 6, д. 3, л. 33.
- <sup>271</sup> - См.: ГАИО. ф. р-2953, Оп. 6, д. 3, л. 34.
- <sup>272</sup> - См.: ГАИО. ф. р-2953, Оп. 2, д. 254. л. 33.
- <sup>273</sup> - См.: Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 383.
- <sup>274</sup> - Таблица составлена по материалам: Текущий архив Ивановского епархиального управления. Отчет... за 1968 г, л. 7; ГАКО. ф. р-2102, Оп. 7, д. 44, л. 24; ГАВО. ф. р-632, Оп. 7, д. 1, л. 3.
- <sup>275</sup> - См.: ГАКО. ф. р-2102, Оп. 5, д. 44, л. 24.
- <sup>276</sup> - Текущий архив Иваново-Вознесенского и Кинешемского епархиального управления Отчет о состоянии Ивановской епархии за 1970 год. Л. 38.
- <sup>277</sup> - Там же. Л. 39.
- <sup>278</sup> - Текущий архив Иваново-Вознесенского и Кинешемского епархиального управления. Отчет о состоянии Ивановской епархии за 1972 год. Л. 11
- <sup>279</sup> - Текущий архив Иваново-Вознесенского и Кинешемского епархиального управления. Отчет о состоянии Ивановской епархии за 1970 год. Л. 20–21.
- <sup>280</sup> - Цит. по: Федотов А.А. История Ивановской епархии. Иваново, 1998. С. 53–54.
- <sup>281</sup> - Текущий архив Ивановского епархиального управления.
- <sup>282</sup> - Текущий архив Ивановского епархиального управления.
- <sup>283</sup> - Житие и чудеса преподобного Леонтия Ивановского. Иваново, 1999. С. 46.
- <sup>284</sup> - См.: ГАВО. ф. р-632, Оп. 7, д. 6, л. 3; Оп. 7, д. 9, л. 1.
- <sup>285</sup> - Цит. по: Федотов А.А. Ивановская епархия Русской Православной Церкви в 1918–1988 г.г.: внутрицерковная жизнь и взаимоотношения с государством. -Иваново, 1999, -С. 43.
- <sup>286</sup> - См.: там же.
- <sup>287</sup> - Никон (Фомичев), архиепископ. Из моих воспоминаний // Журнал Московской Патриархии. 1990. №6. С. 31.
- <sup>288</sup> - См.: Текущий архив Ивановского епархиального управления. Отчет... за 1970 год. л. 2.
- <sup>289</sup> - См.: Текущий архив Ивановского епархиального управления. Отчет... за 1968 год, л. 14; за 1970 год, л. 3; за 1971 год, л. 1–2.
- <sup>290</sup> - См.: ГАРФ. ф. р-6991, Оп. 2, д. 285, л. 47–49.



- <sup>291</sup> - См.: ГАРФ. ф. р-6991, Оп. 2, д. 285, л. 180–181.
- <sup>292</sup> - См.: Текущий архив Ивановского епархиального управления. Отчет... за 1964 год, л. 2.
- <sup>293</sup> - См.: Текущий архив Ивановского епархиального управления. Отчет... за 1968 год, л. 15.
- <sup>294</sup> - Таблица составлена по материалам: ГАВО. ф. р-362, Оп. 8, д. 3; Оп. 7, д. 2, л. 1; Оп. 7, д. 8, л. 7; Оп. 7, д. 15, л. 4.
- <sup>295</sup> - Таблица составлена по материалам: Текущий архив Ивановского епархиального управления. Отчет о состоянии Ивановской епархии за 1977 г. л. 3, 4; за 1978 г. л. 4; за 1979 г. л. 3–4; за 1980 г. л. 4; за 1983 г., л. 2; за 1984 г., л. 3; за 1987 г., л. 5.
- <sup>296</sup> - Текущий архив Ивановского епархиального управления. Отчет... за 1965 год.
- <sup>297</sup> - Текущий архив Ивановского епархиального управления. Отчет... за 1968 год, л. 10.
- <sup>298</sup> - Текущий архив Ивановского епархиального управления. Отчет... за 1968 год, л. 11–12.
- <sup>299</sup> - См.: ГАКО. ф. р-2102, Оп. 5, д. 147, л. 6–7; ГАИО. ф. р-2953, Оп. 6, д. 66, л. 1–4.
- <sup>300</sup> - Имеется в виду открытое голосование по единственной кандидатуре и реформа приходского управления 1961 года.
- <sup>301</sup> - Поместный Собор Русской Православной Церкви 1971 года и избрание Патриарх Пимена. СПб., 2004. С. 73.
- <sup>302</sup> - Там же. С. 118.
- <sup>303</sup> - Там же. С. 121–122.
- <sup>304</sup> - Там же. Приложения. С. 224.
- <sup>305</sup> - Никон (Фомичев), архиепископ. Из моих воспоминаний // Журнал Московской Патриархии. 1990. №6. С. 31.
- <sup>306</sup> - См.: История Русской Православной Церкви. Том 1. 1917–1970 С-Пб., 1997. С. 944
- <sup>307</sup> - Цит. по: Русская Православная Церковь в советское время. Кн. 2. М., 1995. С. 68–69
- <sup>308</sup> - См.: там же. С. 48–49
- <sup>309</sup> - См.: История Русской Православной Церкви. С. 944, Журнал Московской Патриархии. 1969. № 4 С. 2–3
- <sup>310</sup> - Цит. по: Русская Православная Церковь в советское время. Кн. 2. М., 1995. С. 120
- <sup>311</sup> - Солженицын А. Публицистика. Париж: YMCA-PRESS, 1981. С. 120–124
- <sup>312</sup> - См.: Русская Православная Церковь в советское время. Кн. 2. М., 1995. С. 167
- <sup>313</sup> - Дудко Д., священник. Проповедь через позор. Б. м., 1996. С. 3.

- <sup>314</sup> - Цит. по: Русская Православная Церковь в советское время. М., 1995. Кн. 2. С. 182.
- <sup>315</sup> - Литературная Россия. 1990. 19 января.
- <sup>316</sup> - Цит. по: Русская Православная Церковь в советское время. М., 1995. Кн. 2. С. 185.
- <sup>317</sup> - Поместный Собор Русской Православной Церкви. Троице-Сергиева Лавра 6–9 июня 1988 года. Материалы. Издание Московской Патриархии, 1990.
- <sup>318</sup> - См.: там же. С. 30.
- <sup>319</sup> - См.: там же. С. 141–144.
- <sup>320</sup> - Там же. С. 388.
- <sup>321</sup> - Там же. С. 397–398.
- <sup>322</sup> - Там же. С. 403–303.
- <sup>323</sup> - Там же. С. 412.
- <sup>324</sup> - См.: там же.
- <sup>325</sup> - Там же. С. 421.
- <sup>326</sup> - См.: там же.
- <sup>327</sup> - Там же. С. 421–422.
- <sup>328</sup> - Пospelовский Д. В. Некоторые проблемы современной Русской Православной Церкви – ее внутренней жизни, культуры, образования//Вестник РХД. №172. 1995. С. 201.
- <sup>329</sup> - Там же. С. 201–202.
- <sup>330</sup> - Цыпин В., прот. История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997. С. 468.
- <sup>331</sup> - См.: Русская Православная Церковь в советское время. Кн. 1. С. 72–73.
- <sup>332</sup> - Амвросий (Щуров), архиепископ. Слово архипастыря. Иваново, 1997. С. 16.
- <sup>333</sup> - Текущий архив Ивановского епархиального управления. Отчет... за 1988 год. л. 1.
- <sup>334</sup> - ГАВО. ф. р-632, Оп. 7, д.20, л. 1.
- <sup>335</sup> - См.: Федотов А.А. Ивановская епархия Русской Православной Церкви. С. 45.
- <sup>336</sup> - ГАВО. ф. р-632, Оп. 7, д. 21, л. 1.
- <sup>337</sup> - «Нужно много молиться, много трудиться и делать добро людям...» К 10-летию архиерейской хиротонии архиепископа Костромского и Галичского Александра. Кострома, 1999. С. 2.
- <sup>338</sup> - Благовест. Кострома. 1999. № 7 (49). С. 2.
- <sup>339</sup> - См.: Отчет... за 1987 год, л. 12; за 1988 год, л. 10–11.
- <sup>340</sup> - См.: Федотов А.А. История Ивановской епархии. С. 115–122.
- <sup>341</sup> - См.: Федотов А.А. История Ивановской епархии. С. 228–229.
- <sup>342</sup> - См.: Огонек. –1989. -№ 28. Иваново, 1998. С. 17–19.

- 343 - См.: Огонек. –1989. -№ 28. С. 17–19.
- 344 - См.: Русская Православная Церковь в советское время. Кн. 2, С. 248.
- 345 - См.: ГАВО. ф. р-632. Оп. 8, д. 10, л. 6.
- 346 - См.: ГАВО. ф. р-632. Оп. 8, д. 10, л. 6.
- 347 - См.: ГАВО. ф. р-632. Оп. 8, д. 15, л. 1–7.
- 348 - См.: ГАВО. ф. р-632. Оп. 8, д. 15, л. 8–9.
- 349 - См.: ГАВО. ф. р-632. Оп. 8, д. 10, л. 6.
- 350 - См.: ГАВО. ф. р-632. Оп. 8, д. 15, л. 10–12.
- 351 - См.: ГАВО. ф. р-632. Оп. 8, д. 9, л. 1.
- 352 - См.: ГАВО. ф. р-632. Оп. 8, д. 9, л. 9–10.
- 353 - См.: ГАВО. ф. р-632. Оп. 8, д. 9, л. 8.
- 354 - См.: ГАВО. ф. р-632. Оп. 8, д. 9, л. 11–12.
- 355 - См.: «Нужно много молиться, много трудиться и делать добро людям». С. 24.
- 356 - См.: «Отделяя свет от тьмы». Взгляд атеиста // Ленинец. 1988. 10 Августа.
- 357 - См.: Макаров А. Дана зеленая улица // Московский церковный вестник. 1990. Июнь. С. 3.
- 358 - См.: Мы готовы начать. Митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей отвечает на наши вопросы // Московский церковный вестник. 1990. Февраль. С. 4.
- 359 - См.: // Московский церковный вестник. 1991. № 19. С. 3.
- 360 - См.: Текущий архив Ивановского епархиального управления. Отчет... за 1991 год. л. 1–5.
- 361 - См.: Текущий архив Ивановского епархиального управления. Отчет... за 1991 год. л. 1–5.
- 362 - См.: Федотов А.А. История Ивановской епархии. Иваново, 1998. С. 104, 123, 143, 189.
- 363 - См.: ГАВО. ф. р-632. Оп. 8, д. 16, л. 32.
- 364 - См.: ГАВО. ф. р-632. Оп. 8, д. 16, л. 28, 31.
- 365 - См.: Федотов А.А. История Ивановской епархии. Иваново, 1998. С. 144–145.
- 366 - См.: ГАВО. ф. р-632, Оп. 8, д. 10, л. 24.
- 367 - См.: «Нужно много молиться, много трудиться и делать добро людям». К 10-летию архиерейской хиротонии Архиепископа Костромского и Галичского Александра. Кострома, 1999.
- 368 - См.: «Нужно много молиться, много трудиться и делать добро людям». К 10-летию архиерейской хиротонии Архиепископа Костромского и Галичского Александра. Кострома, 1999.
- 369 - См.: Текущий архив Ивановского епархиального управления. Отчет... за 1992 год. л. 2–3.

- <sup>370</sup> - См.: Федотов А.А. История Ивановской епархии. Иваново, 1998. С. 131, 150.
- <sup>371</sup> - См.: Федотов А.А. История Ивановской епархии. Иваново, 1998. С. 131, 150.
- <sup>372</sup> - См.: Федотов А.А. История Ивановской епархии. Иваново, 1998. С. 131, 150.
- <sup>373</sup> - Отчет о состоянии Ивановской епархии за 1994 год. л. 2.; // Ивановский епархиальный вестник. 1998. № 7 (7). С. 8.
- <sup>374</sup> - См.: «Нужно много молиться, много трудиться и делать добро людям». С. 2.
- <sup>375</sup> - См.: «Нужно много молиться, много трудиться и делать добро людям». С. 28.
- <sup>376</sup> - См.: «Нужно много молиться, много трудиться и делать добро людям». С. 29.
- <sup>377</sup> - См.: Владимирская епархия. Информационный бюллетень. 1999. № 1 (1). С. 8.
- <sup>378</sup> - См.: Владимирская епархия. Информационный бюллетень. 1999. -№ 1 (1). С. 6.
- <sup>379</sup> - См.: «Нужно много молиться, много трудиться и делать добро людям». С. 29–30.
- <sup>380</sup> - См.: Благовест. Кострома. 1999. № 6 (48). С. 2.
- <sup>381</sup> - См.: Владимирская епархия. Информационный бюллетень. 1999. № 1 (1). С. 14.
- <sup>382</sup> - См.: Отчет о состоянии Ивановской епархии за 1997 год. л. 2.
- <sup>383</sup> - Слово Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II в день интронизации в Богоявленском патриаршем соборе (10.06.1990) // Журнал Московской Патриархии. 1990. № 9. С. 20–22.
- <sup>384</sup> - См.: Московский церковный вестник. 1991. № 3 (48). Февраль. С. 2.
- <sup>385</sup> - См.: Текущий архив Ивановского епархиального управления. Отчет о состоянии Ивановской епархии за 1990 год. л. 4.
- <sup>386</sup> - См.: Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви 1917–1990. М., 1994. С. 192–193.
- <sup>387</sup> - См.: Текущий архив Ивановского епархиального управления. Дело «Переписка с управляющими других епархий»
- <sup>388</sup> - См.: Благовест. Кострома. 1999. № 6 (47). С. 1.
- <sup>389</sup> - См.: Благовест. Кострома. 1999. № 7 (49). С. 5, 8.
- <sup>390</sup> - См.: Православная газета для простых людей. –2000. -№ 1 (19); Православный Суздаль. 2000. № 1 (11); Владимирская епархия. Информационный бюллетень. 1999. № 1 (1).
- <sup>391</sup> - См.: Текущий архив Ивановского епархиального управления. Дело «Религиозное образование и духовное просвещение».

- <sup>392</sup> - См.: Белова Т.В. Православная библиотека. // Ивановский епархиальный вестник. 1998. Сентябрь. С. 4.
- <sup>393</sup> - См.: Владимирская епархия. Информационный бюллетень. 1999. №1 (1). С. 13.
- <sup>394</sup> - См.: Благовест. Кострома. 1999. № 4 (46). С. 4.
- <sup>395</sup> - См.: Текущий архив Ивановского епархиального управления. Отчет о состоянии Ивановской епархии за 1993 год. л. 10.
- <sup>396</sup> - См.: Мигунова О.А. Детская воскресная школа при Преображенском соборе г. Иваново // Ивановский епархиальный вестник. 1999. № 3–4 (10–11). Март-Апрель. С. 12.
- <sup>397</sup> - См.: Текущий архив Ивановского епархиального управления. Отчет о состоянии Ивановской епархии за 1991 год. л. 7.
- <sup>398</sup> - См.: Зосима (Шевчук), архимандрит. Религиозное образование в Ивановской епархии // Сборник докладов VI международных Рождественских образовательных чтений. М. 1998. С. 179.
- <sup>399</sup> - См.: Отчет о состоянии Ивановской епархии за 1997 год. л. 32–33.
- <sup>400</sup> - См.: Владимирская епархия. Информационный бюллетень. 1999. № 1 (1). С. 13.
- <sup>401</sup> - См.: Грязнов В. Как я провел Рождественский праздник // Православный Суздаль. 2000. № 2 (12). С.1.
- <sup>402</sup> - См.: Благовест. Кострома. 1999. № 7 (42). С. 2.
- <sup>403</sup> - См.: Текущий архив Ивановского епархиального управления. Отчет о состоянии Ивановской епархии за 1995 год. л. 24.
- <sup>404</sup> - См.: Текущий архив Ивановского епархиального управления. Отчет о состоянии Ивановской епархии за 1994 год. л. 2–4.
- <sup>405</sup> - См.: Текущий архив Ивановского епархиального управления. Отчет о состоянии Ивановской епархии за 1995 год.
- <sup>406</sup> - См.: Текущий архив Ивановского епархиального управления. Отчет о состоянии Ивановской епархии за 1997 год. л. 6–7.
- <sup>407</sup> - См.: Федотов А.А. Основные направления деятельности Ивановской епархии в 1998 году // Историко-философский сборник. Иваново, 1998. С. 33.
- <sup>408</sup> - См.: Текущий архив Ивановского епархиального управления. Отчет о состоянии Ивановской епархии за 1997 год. л. 27.
- <sup>409</sup> - См.: Текущий архив Ивановского епархиального управления. Дело «Соглашения о сотрудничестве с государственными структурами».
- <sup>410</sup> - См.: Текущий архив Ивановского епархиального управления. Отчет о состоянии Ивановской епархии за 1997 год. л. 28–29.
- <sup>411</sup> - Закон РСФСР о свободе вероисповеданий 25.10.1990 // Советская Россия. 10.11.1990 г.
- <sup>412</sup> - См.: ГАВО. ф. р-632. Оп. 8, д. 10, л. 17–18.
- <sup>413</sup> - См.: «Нужно много молиться, много трудиться и делать добро людям». С. 28–20.

- <sup>414</sup> - См.: Благовест. Кострома. 1990. № 6 (48). С. 12.
- <sup>415</sup> - См.: Владимирская епархия. Информационный бюллетень. 1999. № 1 (1). С. 13.
- <sup>416</sup> - См.: Призванные добровольцы Православия // Православный Суздаль. 2000. № 1(11). С. 3.
- <sup>417</sup> - Самарина Л. Сборщик на храм // Православный Санкт-Петербург. 1999. №8 (86). С. 6.
- <sup>418</sup> - См.: ГАВО. ф. р-632. Оп. 8, д. 9.
- <sup>419</sup> - См.: «Нужно много молиться, много трудиться и делать добро людям». С. 29.
- <sup>420</sup> - См.: Православное слово (Волгоград). Спец. выпуск. Ноябрь 1999. С. 2.
- <sup>421</sup> - Что нам нужно? // Московский церковный вестник. 1990. Июнь. С. 3.
- <sup>422</sup> - Что нам нужно? // Московский церковный вестник. 1990. Июнь. С. 3.
- <sup>423</sup> - Пол пути пройдено // Московский церковный вестник. 1990. Июнь. С. 3.
- <sup>424</sup> - Атеистическое беззащитно // Московский церковный вестник. 1991. Май. С. 8.
- <sup>425</sup> - См.: Московский церковный вестник. 1990. № 24 (42). Ноябрь. С. 2.
- <sup>426</sup> - Себенцов А. Комментарии к Федеральному Закону «О свободе совести и религиозных объединениях» // Радонеж. 1997. № 20 (64). С. 7.
- <sup>427</sup> - См.: Воронеж Православный. 1999. Август. №8 (28). С. 2.
- <sup>428</sup> - См.: Православная газета (Екатеринбург) 1999. № 21 (113). С. 2.
- <sup>429</sup> - См.: Религия и закон / Составитель и автор комментариев А.О. Протопопов, М., 1996. С. 59.
- <sup>430</sup> - См.: Федеральный Закон о свободе совести и религиозных объединениях. Ст. 4, п. 5.
- <sup>431</sup> - См.: там же. Ст. 5, п. 3.
- <sup>432</sup> - См.: там же. Ст. 4, п. 7.
- <sup>433</sup> - См.: там же. Ст. 3, п. 7.
- <sup>434</sup> - Цит. по: Комаров Е.В. Патриарх. М., 1993. С. 28.
- <sup>435</sup> - См.: «Нужно много молиться, много трудиться и делать добро людям». К 10-летию архиерейской хиротонии Архиепископа Костромского и Галичского Александра. Кострома, 1999, С. 25–26.
- <sup>436</sup> - Благовест. Кострома. 1999. № 7 (49). С. 2.
- <sup>437</sup> - См.: // Московский церковный вестник. 1992. - № 7 (23). Май. С. 9. // Московский церковный вестник. 1991. № 1 (46). - Январь. С. 3.
- <sup>438</sup> - См.: «Нужно много молиться, много трудиться и делать добро людям». С. 20, 23.
- <sup>439</sup> - См.: ГАВО. ф. р-632, Оп. 8, д. 10, л. 26–27.
- <sup>440</sup> - См.: Текущий архив Ивановского епархиального управления. Отчет... за 1992 год. л. 4.

- <sup>441</sup> - См.: Текущий архив Ивановского епархиального управления. Дело «Важнейшая документация», дело «Вопросы собственности».
- <sup>442</sup> - См.: Православная газета. № 21 (113). С. 9.
- <sup>443</sup> - Воронеж / Липецк Православный. 1999. Февраль-март. № 2–3 (22–33). С. 11.
- <sup>444</sup> - Кирилл, митрополит. Вызовы современной цивилизации. Как отвечает на них Православная Церковь? М., 2002. С. 117
- <sup>445</sup> - См.: Под одну гребенку... // Православный Санкт-Петербург. 1999. № 10 (88) С.3.
- <sup>446</sup> - Душенов К.Ю. Молчанием предается Бог. СПб., 2000. С. 21.
- <sup>447</sup> - Там же.
- <sup>448</sup> - Там же. С. 348.
- <sup>449</sup> - Русь Православная. 2001. № 11–12. С. 4.
- <sup>450</sup> - Русь Православная. 2001. № 11–12. С. 1.
- <sup>451</sup> - Русь Православная. 2002. № 1–2. С. 3.
- <sup>452</sup> - Русь Православная. 2002. № 3–4 . С.1.
- <sup>453</sup> - Русь Православная. 2002. № 5–6 . С.4.
- <sup>454</sup> - Под одну гребенку... // Православный Санкт-Петербург. 1999. № 10 (88). С. 3.
- <sup>455</sup> - Усманов С.М. Монархическое течение в постсоветской России: основные тенденции развития и противоречия // Церковь, государство и общество в истории России XX века. Материалы III Международной конференции. Иваново, 2003. С. 26.
- <sup>456</sup> - Кирилл, митрополит. Вызовы современной цивилизации. Как отвечает на них Православная Церковь? М., 2002. С. 112–113.
- <sup>457</sup> - Цит. По: Кураев А., диак. О нашем поражении. М., 2002. С. 334–335.
- <sup>458</sup> - Кураев А., диак. Указ. соч. С. 467.
- <sup>459</sup> - Митрохин Н. Русская Православная Церковь: современное состояние и актуальные проблемы. М., 2004. С. 580.
- <sup>460</sup> - Беседа автора с Апостольским Нунцием в России архиепископом Антонио Менини.
- <sup>461</sup> - Митрохин Н. Указ. соч. с 299.
- <sup>462</sup> - Там же.
- <sup>463</sup> - Митрохин Н. Указ. соч. С. 231.
- <sup>464</sup> - Жеребьятьев М.Этатизм и автономизм в религиозной жизни постсоветской России //Диа-Логос Религия и общество. 2000–01. С. 111.
- <sup>465</sup> - Кирилл, митрополит. Вызовы современной цивилизации. М., 2002. С. 138–139.
- <sup>466</sup> - Защита материнства. / Ред. И.И. Белобородов. М.,2005. С. 19
- <sup>467</sup> - См. например: Свешников В. прот., Шаргунов А., прот., О Церкви России, нравственном мире. М., 1993; Спаси и Сохрани. М., 1996 и др.
- <sup>468</sup> - См.: Вигилянский В., свящ. Последняя грань. М., 1998. С.9.

- 469 - Там же. С.42.
- 470 - Юбилейный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви. 13–16 августа 2000 года. Материалы. М., 2001. С. 13.
- 471 - Юбилейный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви. 13–16 августа 2000 года. Материалы. М., 2001. С. 285–286
- 472 - Русская Церковь на рубеже эпох. СПб., 2001. С. 175.
- 473 - Воронов Н. Ключевой момент истории. // Радонеж. 2000. № 15–16.
- 474 - Комисия по канонизации святых
- 475 - Шевченко Н. Эпохальные решения епископата // НГ религии. 2000. № 16
- 476 - См.: Юбилейный Архиерейский Собор... С. 412.
- 477 - Сергей, епископ. Мисли в слух о прошедшем Юбилейном Архиерейском Соборе // Новосибирский епархиальный весник.
- 478 - «С любовью к Церкви к Родине» интервью с епископом Владивостокским и Приморским Винамином // Советская Россия. 26.08.2000. № 11993.
- 479 - Русская Церковь на рубеже эпох. СПб., 2001. С. 166.
- 480 - Там же. Ст. 190.
- 481 - Имеется введу в 2000 году, т.к. первоначально планировалось проведение Поместного Собора
- 482 - Русская Церковь на рубеже эпох. СПб., 2001. С. 167.
- 483 - Душенов К. Что день грядущий нам готовит? // Руси Православная. 2000. № 6–7.
- 484 - Воробьёв В., прот. Российское законодательство и структура православного религиозного образования // Сборник пленарных докладов XI Международных Рождественских образовательных чтений. М., 2003. С. 162
- 485 - Государственная регистрация Религиозных организаций Русской Православной Церкви (Справочное пособие). Воронеж, 2004. С. 29.
- 486 - Например, Православный Свято-Тихоновский богословский институт подведомственен Учебному Комитету, но по своей организационно-правовой форме является не религиозной организацией, а не государственным образовательным учреждением, что позволило ему получить государственную аккредитацию.
- 487 - См.: Иларион (Алфеев), иеромонах. Православное богословие на рубеже столетий. М., 1999
- 488 - Там же. С. 124
- 489 - Там же. С. 125–126
- 490 - Архиепископ Феодор (Поздеевский) (1876–1973) Жизнь, деятельность, труды. М., 2000. С.100
- 491 - О религии и Церкви. М., 1981. С. 115
- 492 - Цыпин В., прот. История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997 С. 614
- 493 - Там же. С. 619



- <sup>494</sup> - Там же. С. 625
- <sup>495</sup> - См.: там же. С. 626, 627
- <sup>496</sup> - Пospelовский Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 300–301.
- <sup>497</sup> - См.: Ципин В., прот. История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997. С. 633–643
- <sup>498</sup> - См.: Там же. С. 634
- <sup>499</sup> - См.: Пospelовский Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 299.
- <sup>500</sup> - См.: там же.
- <sup>501</sup> - См.: Шкаровский М.В. Указ. Соч. С. 377–378.
- <sup>502</sup> - См.: Текущий архив Ивановского епархиального управления. Дело «Переписка с Патриархией».
- <sup>503</sup> - См.: Текущий архив Ивановского епархиального управления. Отчет... за 1969 год, л. 8.
- <sup>504</sup> - Таблица составлена по материалам: ГАВО. ф. р-632, Оп. 7, д. 2, л. 1; Оп. 7, д. 4, л. 1; Оп. 7, д. 8, л. 5; Оп. 7, д. 15, л. 14.
- <sup>505</sup> - См.: ГАВО. ф. р-632, Оп. 7, д. 15, л. 14.
- <sup>506</sup> - См.: Текущий архив Ивановского епархиального управления. Отчет... за 1970 год л. 8.; Отчет... за 1972 год, л. 6; Отчет... за 1977 год, л. 3–4.
- <sup>507</sup> - См.: Текущий архив Ивановского епархиального управления. Отчет... за 1972 год л. 6.
- <sup>508</sup> - См.: ГАРФ. ф. р-6991, Оп. 2, д. 285, л. 52.
- <sup>509</sup> - См.: ГАКО. ф. р-2102, Оп. 5, д. 137, л. 9.
- <sup>510</sup> - См.: ГАКО. ф. р-2102, Оп. 5, д. 207, л. 18.
- <sup>511</sup> - См.: ГАКО. ф. р-2102, Оп. 5, д. 216, л. 4–11.
- <sup>512</sup> - См.: Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 376.
- <sup>513</sup> - Ивановский епархиальный вестник. –1999. -№ 12. -С. 4.
- <sup>514</sup> - См.: Шкаровский М.В. Указ. соч. -С. 376.
- <sup>515</sup> - Выступления Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на совещании ректоров Духовных учебных заведений Русской Православной Церкви. 16.04. 2002 г. С. 2.
- <sup>516</sup> - См. там же
- <sup>517</sup> - Там же, с. 3
- <sup>518</sup> - См.: Там же, с. 6
- <sup>519</sup> - Там же, с. 7
- <sup>520</sup> - Там же.
- <sup>521</sup> - См. Александр, архиепископ. Духовное образование Русской Православной Церкви // Поместный Собор Русской Православной Церкви. Материалы. Троице-Сергиева Лавра, 6–9 июля 1988 года. С. 351–365.
- <sup>522</sup> - Там же. С. 358

- 523 - См.: Там же. С. 360–361
- 524 - Там же. С. 361
- 525 - См.: Там же. С. 362–363
- 526 - См.: Доклад исполняющего обязанности председателя Учебного Комитета при Священном Синоде епископа Верейского Евгения. // Архиерейский Собор Русской Православной Церкви. 29 ноября –2 декабря 1994 года. Москва. Документы. Доклады. М., 1995. С. 101–114
- 527 - См.: Там же. С. 103
- 528 - Журнал Московской Патриархии. 1990. №1. С.11
- 529 - См.: Доклад исполняющего обязанности председателя Учебного Комитета ... С. 104
- 530 - См.: Там же. С. 104
- 531 - См.: Там же.
- 532 - Выступление Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на совещании ректоров Духовных учебных заведений Русской Православной Церкви. 16.04.2002 г. С. 9
- 533 - Доклад исполняющего обязанности председателя Учебного Комитета ... с.108
- 534 - Доклад исполняющего обязанности председателя Учебного Комитета при Священном Синоде епископа Верейского Евгения // Архиерейский Собор Русской Православной Церкви 18–23 февраля 1997 года, Свято-Данилов Монастырь. Сборник Документов. М., 1997. С. 131–132
- 535 - Там же. С.132.
- 536 - Там же. С.133.
- 537 - Обращение Патриарха Московского и всея Руси Алексия II к клиру и приходским советам храмов г. Москвы на Епархиальном Собрании 23 декабря 1998 года М., 1999. С. 18
- 538 - Доклад архиепископа Верейского Евгения, председателя учебного Комитета при Священном Синоде // Юбилейный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви. Храм Христа Спасителя. 13–16 августа 2000 года. Материалы. М., 2001. С. 178
- 539 - Там же.
- 540 - См.: Там же. С. 179
- 541 - Устав религиозной организации – учреждения высшего профессионального религиозного образования «Свято-Алексеевской Иваново-Вознесенской Православной Духовной семинарии» Иваново-Вознесенской и Кинешемской епархии Русской Православной Церкви. Иваново, 2002. Л 3–4.
- 542 - См.: Текущий архив Свято-Алексеевской Иваново-Вознесенской Православной Духовной семинарии (САИВПДС). Дело – «Учебный Комитет».
- 543 - Доклад архиепископа Верейского Евгения. С. 180
- 544 - Там же. С. 186

<sup>545</sup> - Выступление председателя Учебного Комитета при Священном Синоде архиепископа Вере́йского Евгения на совещании ректоров духовных учебных заведений. 16. 04. 2002 год. Л. 10

<sup>546</sup> - Доклад председателя Учебного Комитета при Священном Синоде архиепископа Вере́йского Евгения на заседании Священного Синода 17 июля 2001 года об инспектировании духовных учебных заведений Русской Православной Церкви в течении 2000–2001 года. С.4–5

<sup>547</sup> - Кушнир Г. И. Новокузнецкое православное духовное училище. Его жизнь и деятельность.// Сборник работ преподавателей Новокузнецкого Православного Духовного училища равноапостольных Мефодия и Кирилла учителей Словенских. Новокузнецк, 1996. С. 5.

<sup>548</sup> - Отчёт об инспекционной проверке духовных учебных заведений Учебным Комитетом за 2001–2002 учебный год. С. 1

<sup>549</sup> - См.: Там же. С.4–5

<sup>550</sup> - См.: Доклад председателя Учебного Комитета при Священном Синоде архиепископа Вере́йского Евгения на заседании Священного Синода 6 октября 2003 года об инспектировании духовных учебных заведений Русской Православной Церкви в течение 2002–2003 учебного года. С.3

<sup>551</sup> - См.: Зонтиков Н.А. Костромская духовная семинария. Вехи истории. к 250-летию со дня основания (1747 – 1997 гг.) Кострома, 1997. С. 20, 24

<sup>552</sup> - См.: Благовест. Кострома. 1999. № 4 (46). С. 4

<sup>553</sup> - См.: Доклад председателя Учебного Комитета от 17. 07. 01 г. С.5.

<sup>554</sup> - См.: Владимирская епархия. Информационный бюллетень. 1999. №1 (1). С. 10–11.

<sup>555</sup> - Там же. С. 10

<sup>556</sup> - См.: Доклад председателя Учебного Комитета от 6 октября 2003 года. С. 2

<sup>557</sup> - Доклад председателя Учебного Комитета ...от 17 июля 2001 года. С. 3

<sup>558</sup> - Доклад председателя Учебного Комитета от 6 октября 2003 года. С. 4–5

<sup>559</sup> - Решение об открытии курсов было подписано архиепископом Ивановским и Кинешемским Амвросием 5 декабря 1995 года.

<sup>560</sup> - См.: Текущий архив Иваново-Вознесенского и Кинешемского епархиального управления. Отчёт о состоянии Ивановской епархии за 1997 год. Л. 25

<sup>561</sup> - Зосима (Шевчук) архимандрит. Открытие Духовной школы на Ивановской земле // Ставровский Е.С. История Шуйского Духовного училища. Иваново. 2000. С. 3–6.

<sup>562</sup> - См.: Материалы текущих архивов Ивановского Епархиального Православного Духовного училища и Свято-Алексеевской Иваново-Вознесенской Православной Духовной семинарии.

<sup>563</sup> - Иларион (Алфеев), иером. Указ. соч. С.62